

6

1976

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

Делегаты XXV съезда КПСС бригадир треста Мурманскпромстрой Герой Социалистического Труда В. Сериков (слева) и бригадир электросварщиков треста Волгодонскэнерго дважды Герой Социалистического Труда А. Улесов в Кремлевском Дворце съездов.
(Читайте статью «Бригадный подряд — дело хорошее»).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР» МОСКВА

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
МИНИСТЕРСТВА
ЮСТИЦИИ СССР

6(66) ИЮНЬ 1976
Издается с 1971 года

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ

Делегаты XXV съезда партии звеньевая льноводов колхоза имени XXI съезда КПСС, член Вологодского обкома партии В. Н. Чеканова и доярка вологодского совхоза «Прогресс», депутат Верховного Совета СССР Т. В. Озерова. (Читайте очерки «Лен рождается дважды»).

В НОМЕРЕ

	Стр.
Рассказы о делегатах XXV съезда КПСС	
Татьяна Копылова. Лен рождается дважды	5
<hr/>	
В Министерстве юстиции СССР и Верховном Суде СССР	
XXV съезд КПСС и задачи органов, учреждений юстиции и судов	13
<hr/>	
ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ:	
А. Денисов. Правовая работа в сельском хозяйстве	17
Б. Свядковский. Судебная медицина на службе правосудия	24
<hr/>	
А. Васильев. Камень на мостовой. Хроника одного расследования	31

	Стр.
СОБЕСЕДНИК:	
Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!	
В. Сериков. Бригадный подряд — дело хорошее	42
<hr/>	
В защиту природы	
Г. Рукосуев, Л. Крылов. Турист в лесу	47
<hr/>	
Растить гражданина	
М. Новиков. Пример воспитателя	51
<hr/>	
Размышления над письмами	
Н. Санина. Соседи	54
<hr/>	
По следам неопубликованных писем	
В. Стрелков. Ночлег в казенной палате. Репортаж из медвытрезвителя	62

ЧЕТВЕРТАЯ СТРАНИЦА ОБЛОЖКИ

Этот водитель не обратил внимания на знак, запрещающий остановку.

Фото В. ЗИМИНА.

В НОМЕРЕ

Л. Южаков. Цепи. Записки прокурора Стр. 65

Сергей Высоцкий. Наводнение. Повесть 71

Книжная хроника 99

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ:

Наши консультации

В. Ляндрес. Льготы при оплате проезда по железной дороге 100

Читатель на приеме у юриста

Организация и деятельность жилищно-строительных кооперативов 104

Порядок купли-продажи жилого дома, находящегося в сельской местности Стр. 106

Они сами о себе

Их образ жизни -- бесправие 107

Гюнтер Продль. Места в тюрьме были нарасхват 118

Уильям Слэттери. 10 000 долларов за выстрел 137

Зарубежная мозаика 144

Главный редактор
С. Н. СЕМАНОВ.

Редакционная коллегия:

Б. А. ВИКТОРОВ,
И. К. КОВАЛЕВ,
В. В. ЛИПАТОВ,
М. П. МАЛЯРОВ,
Г. П. ПОЛИТЫКО
(ответственный секретарь),
П. И. СЕДУГИН,
Ю. С. СЕМЕНОВ,
П. И. СКОМОРОХОВ
(заместитель главного редактора),
А. Я. СУХАРЕВ,
В. И. ТОНКИХ,
А. М. ЯКОВЛЕВ.

Главный художник
В. Т. СЕЛИВАНОВ.

Технический редактор
Л. Л. ЕЖОВА.

Корректоры
Т. И. НИЗАМОВА,
А. В. ЕЛИЗАРОВА.

Адрес редакции: 109147, Москва, Ж-147, Марксистский пер., 1/32.
Телефоны отделов: науки и пропаганды 271-09-01, литературы
271-03-17, очерков 271-10-93, «Собеседник» 271-10-24, писем и кон-
сультаций 271-11-20, международной и внутренней информации
271-08-63.

Сдано в набор 1/IV-76 г. Подписано в печать 7/V-76 г. А11120. Формат 84 × 108^{1/2}. Печ. л. 4,5 + 0,125 вкладки. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8,91. Заказ 63. Тираж 3 330 000 экз. (1-й завод — 1 000 000 экз.).
Цена 25 коп.

Отпечатано 600 000 экз. (из общего тиража 3 330 000 экз.) с матриц
Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова в ордена Ленина
типографии «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.
Зак. 756.

ЛЕН

РОЖДАЕТСЯ

ДВАЖДЫ

Лен расцвел к вечеру. И Валентина Николаевна Чеканова, пришедшая проверить поле, вновь — как каждый год — изумилась и порадовалась красоте. Здесь вблизи голубой цвет мешался с зеленью листьев, а вдали поле было чисто лозревым. Она шла, немного отставив руку, и нежные соцветия мягко касались ее огрубелой в работе ладони. Шла и поглядывала: «Зацвел дружно. Высокий, ровный, сильный лен».

...Работать она начала с пятнадцати, в 1942 году. Еще шли занятия в седьмом классе, а они, молодые колхозницы, вышли в поле.

В первый день девушки собрались в их избе: Валина мама была бригадиром.

— Тетя Маша, что сегодня делать будем?

— Семена готовить! — ответила коротко мама и стала собираться. Накинула телогрейку, привычным жестом повязала серый теплый платок. И вдруг у порога остановилась, оглянулась на свою бригаду, едва приметно вздохнула. Валя тоже перевела взгляд. Ни одного мужского лица. Даже ни одной женщины. Только девчонки неопытные.

— Погодите-ка, — помедлила мама. — Давайте присядем, как перед дальней дорогой. — И добавила будто про себя: — О льне надо

Валентина Николаевна
Чиканова

заботиться загодя. Считаю, на два года вперед надо загадывать. Это самое меньшее. Проследить, чтобы не спутали, высеяли под лен предшественник — клевер. Потом о подкормке надо задуматься. Чтобы золы, сколько требуется, собрать, зимы еле хватит: самое малое — пятьсот килограммов на гектар надо. Чуть потеплело — семя надо протравливать. А тут сев. Льяные елочки проколуваются — опять забота: где слабенькие — подкормить надо. Подрос ленок, сорняк его забивать станет — полоть нужно. А тут уж и тербление¹, глядишь, подоспело. Вытербили — надо ровно высте-

лить. Слышали небось пословицу: лен рождается дважды — на корню да на стлище². Каждый день проверяйте: как верхний слой синий станет, ставьте в конуса — нижним наружу. Пусть солнышко, да тепло, да августовские росы поработают. Высохнет — убирать пора. А там, почитай, всю зиму чесать лен: отделять костру от волокон. И уж когда волокно соберете — тогда только можно говорить об урожае. Вот и посчитайте, как урожай долго растить надо. Да не ошибиться ни в чем. Почему и говорю: каждый шаг — важный.

То, о чем говорила Мария Ивановна, было им — деревенским девушкам — знакомо. И все-таки, когда бригадир еще раз повторила: «Так что, девчата, обо льне нужно заботиться загодя», — Вале вдруг открылось, какой же долгий путь ведет к урожаю, путь забот, труда. Она увидела, что и девчата сидят задумчивые, серьезные.

Часто Валя про себя повторяла эти простые, мудрые слова. И у нее вошло в привычку, начиная какое-либо дело, продумывать его от начала до конца.

Работала она с первых своих трудовых дней хорошо, старательно. И простой колхозницей, и колхозным бригадиром, и рабочей дорожного участка в поселке Сосновка, где жила с мужем. Муж погиб на лесозаготовках, не дожив трех месяцев до рождения сына...

Колька родился уже в колхозе, куда вернулась Валентина и откуда больше не уезжала.

¹ Тербление — уборка льна.

² Стлище — поле, где расстилают вытербленный лен.

Вскоре после родов Валентина пришла в контору к председателю колхоза.

— Дайте мне работу самую тяжелую! — попросила она.

Василий Сергеевич Басников поднял на нее глаза, единственной рукой придавил лежащие перед ним бумаги.

— Трудную ты мне задала задачу, Валентина. Самую тяжелую. Да у нас легких-то нету.

— Может, на лен пошлете?

— Можно и на лен. Но вот если в животноводство пойдешь — выручишь.

Так Валентина стала дояркой. Ей досталась отстающая, запущенная группа коров. Когда она впервые увидела своих семнадцать буренок, сердце сжалось от жалости и гнева. «Надо же! До чего животных довела!» — недобрый словом вспомнила она свою нерадивую предшественницу. А после первой дойки и вовсе расстроилась: надоили едва по четыре литра от каждой коровы. Возвращалась с фермы поздно. В конторе горел свет. И она заглянула на огонек. У председателя было много народу, но она все-таки пробилась к столу.

— Василий Сергеевич! Приняла группу! — начала она издалека.

— Хорошо, — кивнул он.

— Коровы-то изможденные. Подкормить надо.

— Знаю, Валя. Вот считаем запасы. Хватит ли до травы?.. Чуть тебе подбросим. Но немного. Ты уж как-нибудь...

И началась работа. Все дни Валентина пропадала на ферме. Составила себе план — вычистить коровник, привести в порядок животных. Растянуть скудные рационы. А едва на взгорках оттаяла земля, ходила доярка и собирала траву на прогалинах. Не густо. Охапку собрать — нелегко. Но она ходила и ходила. Без усталости. С надеждой, что выдюжит, с надеждой, что поднимет скотину. И подняла. Уже к осени ее коровы стали давать молока чуть ли не больше всех других колхозных коров. Да и смотреть на них было приятно: крупные, с лоснящейся чистой шерстью, крутыми боками.

Имя новой доярки появилось на колхозной Доске почета. Дома сестра поздравила ее:

— Вот, Валя, ты теперь передовик.

Маленький Колька подбежал к матери, спросил:

— Что такое передовик?

— Человек, который хорошо работает.

— А ты раньше плохо работала?

— Нет. Не плохо.

— Значит, ты и раньше была передовик?

Валентина постаралась найти точные слова:

— Передовик, сынок, это человек, который и работает хорошо, и другим пример показывает, и... и не промолчит, если что не так.

Собрание было бурным. Страсти разгорелись после отчетного доклада Василия Сергеевича Басникова. Говорили и об оплате труда, и об организации работ, и о нормах, и о планах, но больше всего споров вызвало предложение председателя о колхозных стипендиях.

— Как же так? — встал пожилой колхозник. — Только на ноги поднимаемся, крепнем, а тут такое — молодых ребят учиться направлять. Ладно, направили бы, председатель доказал, что деньги можно изыскать. Выучатся, а права им пока не дадут — молодые. С учебы придут — а тут срок в армию идти подоспел. Так что от предложения вижу одни убытки. Деньги колхозные на стипендии зря потратим — раз, колхоз сильных молодых работников лишим на целых шесть месяцев, а то и на год — два; чужому дяде специалистов приготовим — три. И вообще: не до жиру, быть бы живу! — мужчины сел, победно оглядел зал.

Валентина высоко подняла руку. Раньше она никогда не выступала, и потому люди в недоумении замолкли, едва она поднялась. Валентина начала говорить, зардевшись от смущения.

— А я не согласна! Я за предложение Василия Сергеевича! — и, увидев, что ее никто не перебивает, не шумит, она, оправившись от волнения, заговорила уже спокойнее. — Вот полеводы говорят: о льне надо заботиться загодя. А разве это правило и к другим делам не относится? И о молоке надо думать загодя, и о хлебе надо думать загодя. И о нашем колхозном будущем надо уже сейчас побеспокоиться. Что это значит: не до жиру — быть бы живу, — повернулась она в ту сторону, где сидел пожилой колхозник. — Да если мы сейчас не подумаем, как ребятшек заинтересовать, то завтра и без жиру и без живу будем. Без рабочей силы останемся. Конечно, правда: нелегко нынче посылать ребят на учебу. И в поле их руки нужны, и денег не так уж у нас много. Но надо. Надо же, товарищи! Дадим ребятам профессию, заинтересуем их машинами, докажем, что колхоз будет со вниманием относиться к ним — механизаторам, тогда они останутся в колхозе. Отслужат в армии — и вернуться. Это ж ясно, товарищи! Поймите!

И вдруг в зале захлопали. Валентина Николаевна взмахнула рукой: все, мол, сказала,— и села. Впереди невидимый ей Басников привычно крикнул:

— Ставлю на голосование: кто за то, чтобы учредить колхозные стипендии?

Валентина Николаевна увидела, как люди поднимали руки.

...После собрания к ней подошел парторг Александр Михайлович Константинов.

— Молодец, Валюша! Давно за тобой наблюдаю. Молодец! Я собирался с тобой поговорить.

— А я с вами! — решительно заявила Валентина.

— О чем?

— Хотела у вас рекомендацию попросить.

— Вот, выходит, наши намерения и совпали,— улыбнулся Александр Михайлович и полувопросительно-полуутвердительно проговорил: — Как это говорится в пословице: лен рождается дважды — на корню и на стлище?

— Есть такая,— согласилась Валентина и ждала объяснений.

Парторг негромко сказал, как говорят о большом, затаенном:

— Я вот, Валя, как рассуждаю: человек тоже рождается дважды. Второй раз — когда гражданином себя начинает ощущать, ответственным за будущее наше дело...

Валентину Николаевну рекомендовали кандидатом в члены партии Александр Михайлович Константинов, кузнец Василий Николаевич Басников, колхозница Ольга Николаевна Беляева. Представляя ее коммунистам, отмечали заинтересованность, самоотверженность в работе, принципиальность и умение в нынешних буднях разглядеть ростки будущего, передового.

Вскоре односельчане выбрали Валентину Николаевну народным заседателем.

К первому судебному процессу Валентина Николаевна готовилась долго, тщательно. Изучила дело, кое-что выписала. Возвращая том уголовного дела, Валентина Николаевна поделилась с председателем Бабаевского районного народного суда своими мыслями.

— Понимаете ли, у нас в колхозе сейчас стоит автоколонна. Люди там разные. Много приезжих, встречаются и распущенные. Может быть, суд проведем прямо у нас в селе?

— Правильно! — поддержал Чеканову Александр Дмитриевич Рыжков.

Суд состоялся в колхозном Доме культуры.

Подсудимый — Николай Алексеевич Битов — был угрюм, смотрел исподлобья.

— Двадцать четвертого января около двадцати часов, — читал народный судья, — пьяный Битов после ссоры с женой и тещей, взяв металлический лом, подошел к сельмагу Борисовского сельпо в деревне Пожары Бабаевского района и ударом лома выбил стекло в раме, поломал раму, а затем ударом лома сорвал дверцу у хлебоприемного окна. Проходившие мимо магазина Виктор Иванович Ловчиков и Александр Николаевич Нестеров с целью предотвращения хулиганских действий Битова задержали его и повели в сельский Совет. В пути следования Битов пытался вырваться из рук Нестерова, нецензурно ругался, а при входе в помещение несколько раз ударил Нестерова кулаком в лицо...

— Вам понятно, в чем вас обвиняют? — обратился судья к подсудимому.

— Понятно.

— Признаете себя виновным?

— Признаю.

— Объясните, почему вы так поступили, — спрашивает у подсудимого Валентина Николаевна.

— Понимаете ли, у меня было тяжело на душе.

— И что же?

— Ну, мне хотелось сделать назло. Натворить. Пусть жена знает. Другой раз подумает, прежде чем со мной ссориться.

— Жена?

— Да! — вызывающе смотрит подсудимый.

— А сын?

— Что сын? — теряется он.

— А сын за что будет мучиться да отца стыдиться?

— О сыне я... я как-то не подумал, — опускает голову подсудимый.

Допрос свидетелей. На свидетельском месте Виктор Иванович Ловчиков, шофер колхоза.

— Скажите, почему вы решили вмешаться? — спрашивает Валентина Николаевна.

— Ну, а как же! — недоуменно отвечает Виктор Иванович. — Что же, прикажете смотреть, как этот будет хулиганить?

Валентина Николаевна видит, как, прикрыв рот рукой, улыбается председательствующий искренности и простодушию ответа. А она продолжает допрос.

— А не боялись? Ведь у подсудимого же был лом!

— Конечно, остерегался. Ломом заедет — несдобровать. Но бояться — не боялся. Это пусть хулиган боится. Он, правда, буянил здорово. Но тут Сашка Нестеров, значит, подоспел... Но на крайний случай и один бы я справился.

Сходные вопросы задала Валентина Николаевна свидетелю Нестерову. И тот столь же резко, как Ловчиков, сказал о хулиганах:

— Не смотреть же, как какие-то там... хулиганы распоясываются,— закончил он.

По напряженной тишине в переполненном зале Валентина Николаевна понимает — каждый вопрос и каждый ответ внимательно слушаются и учитываются ее односельчанами и теми, кто приехал в село на время.

«Пусть мотают на ус: хулиганам да дебоширам спуску не дадим! — про себя отмечает Чеканова.— Пусть послушают, какие у нас в селе правильные и смелые люди живут».

Когда через несколько часов читали обвинительный приговор, Валентина Николаевна следила за группой приезжих шоферов. Они стояли притихшие. Кажется — прорняло. Поняли.

На очередном отчете о работе народного заседателя Чекановой выступил председатель Бабаевского районного народного суда.

— Немного уголовных процессов пришлось мне провести вместе с Валентиной Николаевной Чекановой,— подытожил Александр Дмитриевич Рыжков.— Потому что за последние пять лет в колхозе резко снизилась преступность. И это результат профилактической и воспитательной деятельности партийной организации, сельского Совета и таких наших активистов, как народный заседатель Чеканова, член женсовета Чеканова. Много ли, мало ли, а все-таки несколько семейных конфликтов женсовету удалось предотвратить. А ведь порой они перерастают и в пьяную драку, и в хулиганство, и в дебош. Вот почему при оценке работы народного заседателя Чекановой можно говорить о предотвращенных преступлениях, о здоровом моральном климате в колхозе, который создают такие люди, как Валентина Николаевна.

В 1967 году приняла Валентина Николаевна льноводческое звено. «Вернулась туда, откуда начинала»,— пошутила она. Но вернулась не неопытной девчонкой, а зрелым мастером, активным организатором.

Уже первый ею собранный урожай превысил среднеколхозные показатели. Второй выдвинул ее в число лучших льноводов области.

С тех пор звено, руководимое Чекановой, неизменно выращивает хороший, высококачественный лен.

Бывали годы, кто-то обгонял Чеканову, бывало — превышал ее урожай. Но Валентина Николаевна ни разу — ни в засуху, ни в дождливую непогоду — не снизила высоких показателей. О ней говорят: мастер высоких стабильных урожаев. Ее умение отмечено тремя бронзовыми медалями ВДНХ. Труд ее по заслугам оценен: в 1971 году Президиум Верховного Совета СССР наградил Чеканову орденом Ленина, в 1974 году — орденом Октябрьской Революции. Коммунисты колхоза, избрав Валентину Николаевну в партком, поручили ей один из сложнейших участков — сектор качества. Они знали: такая, как Чеканова, может научить отлично, самозабвенно трудиться, может со строгостью спросить с нерадивых, может научить неумелых. Может организовать и помочь.

Лучших из лучших посылали коммунисты на свой партийный форум. Среди делегатов XXV съезда КПСС была и Валентина Николаевна Чеканова.

Встретившись во время съезда с Валентиной Николаевной, я попросила разрешения посмотреть ее записи. Она протянула мне свой блокнот делегата. В нем было много записок, цифр, фактов, относящихся к сельскому хозяйству Нечерноземья. На одной из страниц в глаза бросились подчеркнутые несколько раз слова из доклада Л. И. Брежнева: «Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой поведения».

Ничто так не возвышает личность... Когда в колхозе я попросила товарищей Чекановой по работе, товарищей по партии определить сущность Валентины Николаевны, они так охарактеризовали ее: «Боевая, болеет за дело. Непримиима к недостаткам. Замечает и чужие успехи». Председатель колхоза сказал: «Валентина Николаевна слов на ветер не бросает. Если дала обещание — выполнит. Если взяла обязательство — добьется своего».

Ничто так не возвышает личность...

**КОЛХОЗ ИМЕНИ XXI СЪЕЗДА КПСС,
ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ**

XXV съезд КПСС и задачи органов, учреждений юстиции и судов

В марте состоялось совещание руководящих работников органов, учреждений юстиции и судов.

В нем участвовали министры юстиции и председатели Верховных судов союзных и автономных республик, областных (краевых), городских судов, начальники отделов юстиции, народные судьи, нотариусы, судебные исполнители, ученые-юристы, представители печати.

Министр юстиции СССР В. И. Теребилов выступил с докладом «О задачах органов, учреждений юстиции и судов в свете решений XXV съезда КПСС».

«XXV съезд КПСС и задачи дальнейшего повышения уровня правосудия» — тема доклада заместителя Председателя Верховного Суда СССР С. Г. Банникова.

Докладчики и выступившие в прениях министры юстиции, председатели Верховных судов союзных и автономных республик, нотариусы, адвокаты, судебные исполнители, народные судьи, начальники отделов юстиции говорили о полном одобрении внешней и внутренней политики партии, исторических решений XXV съезда КПСС, о горячем стремлении работников юстиции и судов успешно претворить их в жизнь.

Большой подъем у судей и работников юстиции, как показало совещание, вызвала высокая оценка партией и Советским государством нелегкого и почетного труда работников судов, органов юстиции, стоящих на страже советской законности, интересов общества, прав советских граждан.

Высокая оценка нашего труда, данная Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым на XXV съезде партии, ко многому

обязывает каждого из нас, сказал В. И. Терехов. Если хотите, в известной мере ее надо расценивать как аванс, как уверенность партии, правительства в том, что органы, учреждения юстиции, суды будут работать еще более активно, целеустремленно и результативно.

Далее докладчик остановился на вопросах, связанных с усовершенствованием советского законодательства и хозяйственного законодательства в особенности. Завершением в 1976 году издания Собрания действующего законодательства СССР (из 50 томов готовы к печати 46) кодификационная деятельность не заканчивается, а переходит на новую, более высокую качественную ступень. Предстоит серьезная, большой государственной важности работа над созданием свода законов Советского государства.

Министерству юстиции СССР и его органам на местах предстоит осуществить дополнительные меры по совершенствованию правового регулирования хозяйственной деятельности и в первую очередь завершить подготовку плана законопроектных работ по хозяйственному законодательству.

В современных условиях возрастает значение правовой информации, учета нормативных актов. С этой целью создается научно-информационный центр. Он должен будет обеспечивать правовой информацией государственные и хозяйственные органы. Это несомненно будет способствовать совершенствованию законодательства.

Перейдя к вопросам организационного руководства судами, докладчик сказал, что сейчас на одно из первых мест во всех отраслях народного хозяйства выдвигается проблема повышения эффективности и качества. С полным основанием эти требования мы можем отнести и к судебной деятельности.

Что такое качество судебной работы? Это прежде всего законность и обоснованность судебного приговора или решения по каждому делу; справедливость наказания, применяемого судом; оперативность всей судебной работы; содержательность, целенаправленность каждого профилактического мероприятия и четкость и своевременность исполнения всех судебных постановлений.

Большое внимание докладчик уделил практике рассмотрения судами гражданских дел, необходимости повышения культуры судебного разбирательства и воспитательного воздействия судебного процесса.

Далее оратор говорил о правовой работе в народном хозяйстве, о работе нотариата, адвокатуры, органов загса, судебно-экспертных учреждений и об улучшении правового воспитания граждан.

Государственный нотариат, адвокатура, органы загса, подчерк-

нул министр, имеют дело с десятками миллионов советских граждан, и это накладывает на них большую ответственность за правовое обслуживание населения. Ежегодно свыше девятнадцати миллионов нотариальных действий, более десяти миллионов актов гражданского состояния, семь миллионов граждан, обращающихся за юридической помощью к адвокатам, — вот цифры, характеризующие объем и характер работы адвокатуры, государственного нотариата и органов загса, цифры, напоминающие о большой ответственности работников этих органов и учреждений за надлежащее исполнение своих обязанностей.

В заключение министр остановился на задачах правовой науки и юридических институтов Министерства юстиции СССР в свете решений XXV партийного съезда.

За последние двадцать пять лет, сообщил заместитель Председателя Верховного Суда СССР С. Г. Банников, судимость, при колебаниях ее в отдельные годы, уменьшилась в полтора раза. Особенно заметно сократилось число осужденных за особо опасные государственные преступления. Ныне за эти преступления осуждаются буквально единицы. Поэтому, заявил оратор, утверждение наших недругов о якобы массовом характере подобных дел в нашей стране — не что иное, как злостный вымысел и клевета.

У нас в стране практически искоренено такое особо опасное преступление, как бандитизм. В 1975 году по всей стране за бандитизм осуждено 25 человек, а четверть века назад — около трех тысяч. Ликвидирована организованная профессиональная преступность.

Все это, продолжал С. Г. Банников, очень важные принципиальные показатели судебной статистики, свидетельствующие о серьезных политических и социально-экономических достижениях нашего общества, позволивших подорвать в корне условия для совершения многих особо опасных преступлений.

Решения XXV съезда, в первую очередь положения и выводы Отчетного доклада ЦК КПСС, подчеркнул оратор, заставляют нас более углубленно и более масштабно рассматривать задачи, стоящие перед судом в современных условиях.

В докладах товарищей Л. И. Брежнева и А. Н. Косыгина на XXV съезде содержатся указания о необходимости строжайшей экономии материальных, финансовых и трудовых ресурсов как важнейшем условии успешного выполнения грандиозной программы экономических и социальных мер, намеченных на десятую пятилетку.

Совершенно очевидно, что в соответствии с этой установкой суды должны вести более решительную и последовательную борьбу

бу с бесхозяйственностью, расточительством, хищениями социалистического имущества, нарушениями государственной и хозяйственной дисциплины, выпуском недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции, приписками в государственной отчетности и иными должностными и хозяйственными преступлениями.

Особое внимание суды должны обратить на повышение качества рассмотрения дел и на применение законодательства, направленного на предупреждение правонарушений среди несовершеннолетних. В частности, суды должны эффективнее использовать правовые средства против тех, кто вовлекает несовершеннолетних в пьянство и преступную деятельность. Это тем более необходимо в связи с тем фактом, что в Грузинской ССР, например, каждый третий осужденный подросток совершил преступление с участием взрослых. Однако за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность взрослые привлекаются все реже и реже.

В нашей стране для успешного решения задач социалистического правосудия, подчеркнул С. Г. Банников, созданы исключительно благоприятные условия. Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание укреплению социалистической законности, упрочению общественного порядка, повышению авторитета суда — органа социалистического правосудия.

Обсуждение докладов, продолжавшееся два дня, было деловым, принципиальным, конструктивным. Докладчики и выступавшие в прениях сосредоточили свое внимание на недостатках в деятельности органов, учреждений юстиции и судов, на нерешенных задачах.

ПРАВОВОЙ УНИВЕРСИТЕТ

А. ДЕНИСОВ,
начальник юридического
управления Министерства
сельского хозяйства СССР

ПРАВОВАЯ РАБОТА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии Л. И. Брежнев сказал: «Теперь, по мере того, как укрепляется материально-техническая база сельского хозяйства, во весь рост встает задача повысить его эффективность, улучшить все качественные показатели».

В решении этой задачи важную роль играет сельская юридическая служба, которая использует правовые средства для укрепления экономики колхозов и совхозов.

Служба эта сравнительно молодая — ей всего восемь лет. Создавалась она в сложных условиях. Во время ее зарождения, по данным ЦСУ СССР, в сельском хозяйстве было лишь 137 юристов. А жизнь требовала, чтобы колхозам и совхозам постоянно оказывалась правовая помощь, поскольку в наши дни это — многоотраслевые хозяйства, имеющие тесные экономические связи со многими предприятиями и организациями. Эти связи, как правило, регулируются правовыми нормами. Поэтому необходимо позаботиться о том, чтобы требования закона — касается ли это договорных обязательств, финансовой деятельности, различных хозяйственных вопро-

сов — строго соблюдались. Без квалифицированной юридической помощи здесь не обойтись.

Но как это сделать? В нашей стране более 46 тысяч колхозов и совхозов плюс сельскохозяйственные органы в районах, областях, республиках. Чтобы иметь юриста в каждом хозяйстве, необходимо около 50 тысяч юрисконсульттов. А где столько взять, если во всем народном хозяйстве их сейчас 50 тысяч? Хотя юридические вузы и увеличивают выпуск студентов, но, как показали подсчеты, и это не давало возможности решить проблему.

Где же выход? Практика работы сельских юристов подсказала — создать межхозяйственные юридические группы для правового обслуживания колхозов и совхозов.

Конечно, лучше, когда в колхозе, совхозе есть свой штатный юрист. Однако, как сказано выше, из-за недостатка кадров это не везде возможно. И вот возникли межхозяйственные юридические группы — основная, наиболее прогрессивная (в современных условиях) форма правового обслуживания колхозов и совхозов.

Межхозяйственные юридические группы начали создаваться в 1968 году, и сейчас они есть почти во всех союзных республиках. В этих группах работает более четырех тысяч специалистов, каждый из них обслуживает по восемь-девять хозяйств, а всего — более 36 тысяч колхозов и совхозов страны. Кроме того, 9 процентов хозяйств обслуживают почти полторы тысячи штатных юристов, а также адвокаты. Таким образом, правовым обслуживанием теперь охвачено около 90 процентов колхозов и совхозов (против 34 процентов в 1971 году).

Это высокий показатель. В других отраслях народного хозяйства, где юридическая служба существует десятилетия, правовым обслуживанием охвачено около половины предприятий. Сельская юридическая служба по численности сейчас самая большая. На селе работает одна седьмая часть юрисконсульттов страны. Создана эта служба только за счет использования внутренних ресурсов хозяйств, без каких-либо дополнительных государственных затрат.

Каковы обязанности сельского юриста?

Задачи и методы работы юрисконсульта имеют существенные особенности. Например, деятельность прокурора, судьи, нотариуса, адвоката связана больше с решением правовых вопросов и применением норм права, регламентирующих взаимоотношения граждан между собой либо граждан с организациями (предприятиями). Юрисконсульт же в основном занимается правовыми вопросами, связанными с деятельностью обслуживаемого им предприятия (организации). Поэтому юрисконсульта нередко называют юристом-хо-

зайственником. Главное в его работе не надзор и контроль, а юридический совет, консультация, предъявление претензий и исков, правовая помощь в разработке документов.

Обязанности сельских юрисконсультов определены Положением о юридической службе в системе Министерства сельского хозяйства СССР, а также Инструкцией о порядке юридического обслуживания колхозов, межколхозных предприятий и организаций (включая обслуживание их межхозяйственными юридическими группами), утвержденной 3 января 1973 года Министерством сельского хозяйства СССР и Министерством юстиции СССР.

Задачи сельских юристов весьма обширны и многообразны.

Важнейшие из них: активное использование правовых средств для укрепления хозяйственного расчета, борьбы с бесхозяйственностью, обеспечение правовыми средствами сохранности социалистической собственности и выполнение обязательств по договорам колхозов, совхозов с другими организациями.

Юрист участвует в подготовке и заключении договоров, визирует их, осуществляет контроль за их исполнением, следит за применением предусмотренных законом и договором санкций к контрагентам, не выполняющим договорных обязательств. Он ведет или организует претензионную работу (по материалам, подготовленным бухгалтером хозяйства), представляет интересы хозяйства в суде или арбитраже; дает заключения о законности списания основных средств; принимает меры к возмещению ущерба, причиненного хозяйству, и так далее.

Другая, не менее важная сторона деятельности сельского юриста — это соблюдение законности и предупреждение ее нарушений в деятельности обслуживаемого хозяйства. Он проверяет соответствие проектов решений общих собраний членов колхоза, правления колхоза, приказов руководителя хозяйства требованиям закона, визирует эти документы, оказывая помощь в их правильном оформлении; участвует в подготовке положений, инструкций и других правовых актов, издаваемых в хозяйстве. На него возлагается также пропаганда юридических знаний среди колхозников, рабочих и служащих совхозов.

Каждый совхоз и колхоз во всей своей деятельности обязан соблюдать социалистическую законность, государственную, плановую и договорную дисциплину. Поэтому ответственность за состояние правовой работы в хозяйстве возлагается прежде всего на руководителя совхоза, правление колхоза. Юрисконсульт хозяйства, межхозяйственной группы — активный помощник и советчик правления колхоза, руководителя совхоза в этих делах.

Он должен содействовать разработке и осуществлению мер по соблюдению государственной и договорной дисциплины, Примерного устава колхоза, устава совхоза, колхозного, земельного, хозяйственного, трудового и жилищного законодательства, а также оказывать правовую помощь ревизионной комиссии колхоза, рабочему комитету профсоюза, товарищескому суду и другим общественным организациям хозяйства.

Активное участие принимают сельские юристы в охране общественных земель от разбазаривания.

Например, в колхозе имени XXI партсъезда Янгиюльского района (Узбекская ССР) сельские юристы при проверке размеров приусадебных участков обнаружили, что многие из них превышали установленные нормы. В общей сложности излишки составляли почти 13 гектаров. Они были изъяты у нарушителей и переданы в фонд общественных земель колхоза.

Такие проверки проводятся во всех союзных республиках. В целом по стране при содействии юрисконсультов колхозам и совхозам в 1974 году было возвращено 12 тысяч, а в 1975 году — около 17 тысяч гектаров незаконно изъятых у них земель.

Юристы на селе проводят большую работу по защите имущественных прав обслуживаемых ими хозяйств. В целом по стране с их помощью через суд, арбитраж и в претензионном порядке в пользу колхозов и совхозов взыскиваются значительные суммы. Так, в 1973 году взыскано 166 миллионов рублей, в 1974 — 270 и в 1975 году — более 366 миллионов рублей. В среднем каждый сельский юрист ежегодно взыскивает по 50—60 тысяч рублей. Этим, безусловно, не исчерпываются экономические показатели юридической службы. Потому что невозможно учесть, сколько случаев нарушения законности юристы предотвратили.

Там, где осуществляется строгий контроль за соблюдением законности в хозяйственной деятельности, колхозы и совхозы получают большую материальную выгоду. Вот примеры. В Ливенском районе Орловской области юрисконсульты проверили правильность расчетов за семенное зерно и установили, что хлебоприемный пункт покупал его по заниженной цене. В результате было недоплачено 272 тысячи рублей. После предъявления претензии эта сумма возвращена колхозам.

Согласно установленному порядку организации Сельхозтехники обязаны на своем транспорте доставлять колхозам и совхозам технику и иные материально-технические средства, получая за это единую наценку к оптовым ценам на товары. Юристы Арзгирского района Ставропольского края установили, что организации Сельхозтех-

ники переполучили с колхозов района 46 тысяч рублей, взыскав с них в полном размере установленные наценки, тогда как хозяйства доставляли технику и запчасти своим транспортом. Всего сельские юристы этого края выявили обчеты организациями Сельхозтехники на 421 тысячу рублей.

Экономическая эффективность юридической службы на селе была бы значительно выше, если бы колхозы и совхозы в полной мере использовали с помощью юристов нормы права. Например, в период массовой уборки урожая заготовительные организации часто отказываются принять собранную колхозами и совхозами скоропортящуюся сельскохозяйственную продукцию. Она гибнет или идет на корм скоту, в результате хозяйствам наносится огромный ущерб. Между тем, если есть договор, заготовитель в таких случаях обязан возместить хозяйству убытки в размере полной стоимости продукции, расходы по ее доставке в оба конца и, кроме того, уплатить неустойку. Однако все это возможно при строгом соблюдении хозяйством предусмотренных законом условий (согласовать график сдачи-приема продукции, при отказе от приемки продукции составить акт и так далее) и правильного оформления соответствующих документов. Если же эти условия не будут точно соблюдены, то хозяйству отказывают в иске и оно несет крупные убытки.

Когда колхозы и совхозы не уделяют должного внимания заключению и исполнению хозяйственных договоров, в них нередко включаются условия, заведомо влекущие убытки для хозяйства даже при строгом выполнении им своих обязательств. Поэтому важный участок правовой работы — надлежащее оформление договорных связей хозяйств и прежде всего договоров контрактации и договоров с объединениями Сельхозтехники, контроль за выполнением этих договоров, ибо именно здесь обеспечивается наибольшая эффективность защиты экономических интересов хозяйств.

Заготовители нередко занижают качество принимаемой продукции, в результате хозяйства недополучают большие суммы. Причина этого обычно — несоблюдение или незнание работниками хозяйств правил и порядка определения качества продукции. Чтобы предупредить ущемление экономических интересов колхозов и совхозов, сельские юристы должны строго соблюдать действующие правила, в частности инструкции и другие нормативные акты, регламентирующие взаимоотношения хозяйств с заготовительными и другими организациями.

Правовое воспитание на селе должно стать составной частью идеологической работы. Многие специалисты сельского хозяйства из-за слабого знания законов, а порой и пренебрежительного отно-

шения к требованиям правовых норм допускают грубые нарушения законодательства: неправильная оплата труда; ущемление интересов колхозов, совхозов и прав граждан; издание приказов и решений, противоречащих требованиям закона.

Министерство сельского хозяйства СССР и Министерство юстиции СССР совместно с ЦК профсоюза работников сельского хозяйства и заготовок наметили широкую программу усиления пропаганды советского законодательства на селе.

Особое внимание должно уделяться повышению правовой подготовки должностных лиц, от которых во многом зависят состояние законности в колхозах и совхозах, соблюдение трудовых, жилищных и других прав граждан.

Работа по вооружению правовыми знаниями специалистов сельского хозяйства, и особенно руководящих кадров колхозов, совхозов, сельхозорганов, имеет не меньшее значение, чем создание всей юридической службы на селе. Поэтому Министерство сельского хозяйства СССР уделяет исключительно большое внимание преподаванию права на факультетах повышения квалификации руководящих работников и специалистов сельского хозяйства.

Наиболее массовой и эффективной формой пропаганды правовых знаний является печать. Поэтому в газете «Сельская жизнь» с 1972 года ведется раздел «Консультирует юрист», в котором еженедельно по вторникам помещаются статьи по различным правовым вопросам, связанным с деятельностью колхозов, совхозов и труженников села. Юридические консультации регулярно печатаются на страницах более тридцати сельскохозяйственных журналов, в их числе: «Кадры сельского хозяйства», «Финансы и учет в колхозах и совхозах», «Экономика сельского хозяйства», «Сельский механизатор» и другие.

В организации юридической службы на селе еще немало недостатков. Отдельные руководители сельхозорганов, колхозов и совхозов недооценивают значение этой службы. Некоторые хозяйства до сих пор не охвачены правовым обслуживанием или получают правовую помощь нерегулярно, так как каждый межхозяйственный юрист обслуживает большое число хозяйств. По-прежнему ощущается нехватка юридических кадров на селе. Мало справочной юридической литературы.

Иногда юристам межхозяйственных групп поручают работу, не входящую в их обязанности. Так, работники Аягузской межхозяйственной юридической группы Семипалатинской области по заданию райисполкома и районного управления сельского хозяйства направлялись в командировки для обмера сена, пересчета скота и по дру-

гим делам, не входящим в их обязанности. Такие же факты имелись в Урджарском и Жанасемейском районах. Этого не следует делать, ибо юрист межхозяйственной группы — работник обслуживаемых хозяйств, а не органов государственного управления.

Юрисконсультам не предоставлено права осуществлять в обслуживаемых хозяйствах какие-либо надзорные, ревизорские функции. Они могут лишь проверять работу структурных подразделений хозяйств и докладывать о результатах администрации совхоза либо правлению колхоза.

Например, в Гульрипшском районе Грузинской ССР межхозяйственная юридическая группа проверила, как соблюдается трудовая дисциплина и используются трудовые ресурсы в бригаде № 4 колхоза имени Кецховели. Оказалось, что из 130 трудоспособных членов бригады в колхозном производстве принимали участие лишь 76 человек, остальные работали вне колхоза или вообще не занимались общественно полезным трудом. Это привело к тому, что в 1974 году бригада не выполнила установленного для нее планового задания по производству сельскохозяйственной продукции. По материалам проверки правлением колхоза были приняты меры для укрепления трудовой дисциплины. В 1975 году бригада выполнила свои производственные задания.

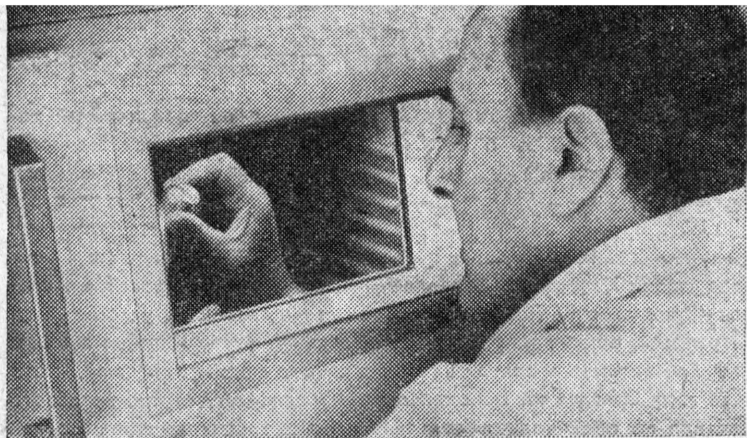
Перед сельхозорганами стоит задача — более эффективно использовать правовые средства для защиты экономических интересов колхозов и совхозов и укрепления законности во всей их деятельности.

Сейчас необходимо добиться полного охвата колхозов и совхозов правовым обслуживанием, всемерного улучшения его качества. А добиться улучшения качества можно при условии, что один юрисконсульт будет обслуживать не более шести-семи хозяйств.

Последовательное и неуклонное осуществление аграрной политики КПСС — одно из главных направлений всей работы в десятой пятилетке. Это подчеркнул А. Н. Косыгин в докладе XXV съезду КПСС. Цель аграрной политики партии состоит в том, чтобы сделать сельское хозяйство высокопроизводительной отраслью, значительно продвинуться вперед в дальнейшем сближении условий жизни в городе и деревне.

Многочисленный отряд сельских юристов вносит свой вклад в решение этой важной задачи.

Б. СВАДКОВСКИЙ,
профессор, доктор медицинских наук

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА

Молодой человек поступил в больницу с переломом большеберцовой кости. При этом объяснил, что когда он бежал, то неосторожно наступил на край металлического обруча, другой край, резко поднявшись, с силой ударил по ноге. На рентгеновском снимке был виден многооскольчатый перелом, и после операции ногу пострадавшего уложили в гипс.

Казалось бы, обычная травма, но в больницу пришел судебно-медицинский эксперт с постановлением следователя о назначении судебно-медицинской экспертизы. Внимание эксперта привлекли рентгеновские снимки. Особенности перелома кости свидетельствовали о том, что травма огнестрельная. При осмотре одежды потерпевшего на брюках обнаружены и входное, и выходное огнестрельные повреждения.

Что же произошло? Оказалось, что «пострадавший» забрался в склад кондитерских изделий, а когда его на месте преступления застал сторож, бросился наутек. Сторож произвел два предупредительных выстрела в воздух, а третьим ранил правонарушителя в ногу.

НА СЛУЖБЕ ПРАВОСУДИЯ

О преступлении сообщили органам следствия, и по их постановлению была назначена судебно-медицинская экспертиза в отношении нескольких лиц, поступивших в этот день в больницы с травмой ног. Одним из них оказался и наш «пострадавший». Судебно-медицинский эксперт установил причину травмы и помог органам следствия изобличить преступника.

В современном судопроизводстве нередко участвуют эксперты — лица, обладающие специальными познаниями в науке, искусстве, технике или ремесле. Исследования, которые они производят в интересах правосудия, называются экспертизой. Экспертами могут быть представители самых различных специальностей, в том числе и врачи. Врач, для которого выполнение таких исследований является профессиональной обязанностью, называется судебно-медицинским экспертом, а само исследование — судебно-медицинской экспертизой.

Первые сведения о судебно-медицинской экспертизе в России относятся к XVI веку.

1535 год. Правительница Елена требует, чтобы князь Андрей Старший вернулся из Углича в Москву. Князь, сославшись на болезнь,

не выполняет приказа. Тогда Елена направляет к ослушнику врача Феофила, чтобы уличить князя в притворной болезни. До наших дней дошло заключение этого эксперта. «У Андрея,— записывает Феофил,— болезнь легкая. Говорит, что на стегне (задняя поверхность бедра.— Б. С.) болячка, а лежит на постели».

Первые законодательные акты об отдельных видах судебно-медицинской экспертизы содержались в Воинском уставе, учрежденном Петром I в 1716 году. В толковании 154 артикула указывалось, что «коль скоро кто умрет, который в драке был бит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которые бы... подлинно разыскали, что такая причина к смерти его была и о том иметь свидетельство, в суд на письме подать и оное присягою своей утвердить».

В 1832 году в Своде законов Российской империи впервые заключение эксперта, или, как его тогда называли, «сведующего лица», вошло в перечень судебных доказательств.

После Октябрьской революции в нашей стране была создана единая стройная система судебно-медицинской службы по административно-территориальному признаку: Бюро главной судебно-медицинской экспертизы в Союзе ССР, в союзных и автономных республиках, а также бюро в краевых, областных центрах, в Москве и Ленинграде.

Современное Бюро судебно-медицинской экспертизы — это учреждение с многочисленными специализированными отделениями, оснащенными новейшими приборами и всем необходимым оборудованием для производства исследований. Здесь работают эксперты-патологоанатомы, химики, биологи, биохимики, эксперты, прошедшие специализацию по акушерству и гинекологии, урологии, рентгенологии и другим медицинским профессиям.

Судебно-медицинская экспертиза проводится только по постановлению органов дознания, следствия, прокуратуры или по определению суда, но обвиняемый и подсудимый, а также потерпевший имеют право ходатайствовать об отводе или назначении другого эксперта. Ходатайство об отводе удовлетворяется, если эксперт прямо или косвенно заинтересован в исходе дела.

Судебно-медицинская экспертиза назначается в тех случаях, когда органам расследования или суду предстоит рассмотреть вопросы, для решения которых требуются специальные медицинские познания. Наиболее часто потребность в экспертизе возникает при расследовании и рассмотрении дел в суде о преступлениях против жизни и здоровья граждан. Причем согласно закону экспертиза обязательна для установления характера и степени тяжести телесных повреждений,

причин смерти, определения физического состояния свидетеля и потерпевшего, а также для установления возраста.

Иногда требуется установить психическое состояние обвиняемого или подсудимого, свидетеля или потерпевшего. Это относится к компетенции судебно-психиатрической экспертизы, которая, по существу, выделилась в самостоятельный вид экспертной деятельности.

Исследуя характер телесных повреждений, судебно-медицинский эксперт обращает внимание на те их особенности, по которым можно судить, какими предметами или орудиями была нанесена травма. Выяснение этих обстоятельств и позволяет следственным органам целенаправленно вести расследование преступления и собирать необходимые доказательства.

...В обеденный перерыв на строительной площадке двое молодых рабочих затеяли борьбу. Через несколько секунд победитель положил соперника на обе лопатки. Пораженный неожиданно вскрикнул, а когда попытался подняться, окружающие увидели, что у него по спине обильно течет кровь. Пострадавшего немедленно доставили в больницу, где его срочно оперировали. У «победителя» при задержании обнаружили перочинный нож, и возникла версия, что им и была причинена травма.

Судебно-медицинский эксперт мог бы судить о предмете, которым причинено повреждение, по характеру раны потерпевшего. Однако после операции рана была сшита, и это значительно затрудняло задачу эксперта. Объектом исследования стала одежда пострадавшего. Края повреждений на майке имели особенности, характерные для ранения не лезвием ножа, а осколками стекла. Так заключением эксперта была исключена первоначальная версия о нанесении повреждения ножом, и уголовное дело было прекращено.

А вот пример, показывающий другие возможности экспертизы.

Пожилый человек пришел к врачу с постановлением следователя о производстве судебно-медицинской экспертизы. Вот уже десять лет, как умерла его супруга, и он оказался на попечении взрослой дочери. Пенсия небольшая, пояснил он, а дочь ему не помогает. Более того, она избивает отца.

— Тяжелая у меня старость, — закончил он свой рассказ.

При экспертном исследовании на теле этого человека, особенно на руках и ногах, эксперт обнаружил множество кровоподтеков темно-красного цвета. Такие кровоподтеки бывают после недавней травмы.

— Когда вас избивала дочь в последний раз? — спросил эксперт.

— Месяца полтора назад, во всяком случае больше месяца прошло.

Так на первом же этапе экспертного исследования выявилось несоответствие во времени.

Но от внимания эксперта не ускользнула и другая особенность: кровоподтеки в основном располагались по ходу крупных кровеносных сосудов. И когда эксперт слегка сжал руку освидетельствуемого пальцами, то тут же появился свежий кровоподтек. Оказалось, что «потерпевший» страдает, как говорят медики, повышенной ломкостью кровеносных сосудов и даже незначительное давление вызывает у него подкожное кровоизлияние. Разумеется, эксперт указал на несоответствие между сроком нанесения побоев и характером обнаруженных повреждений, а также на сосудистое заболевание. Впоследствии выяснилось, что дочь оказывала отцу достаточную материальную помощь, но родителю этого показалось мало, и тогда он прибег к самоповреждениям, чтобы пригрозить дочери судебным процессом.

Таким образом, судебно-медицинский эксперт устанавливает не только характер и степень тяжести телесных повреждений, но и их давность.

С помощью экспертизы устанавливается связь между телесными повреждениями и причиной наступления смерти. В случаях смерти от внешних насильственных причин (тяжкие побои, причинение травм, огнестрельные повреждения) или при так называемой скоропостижной смерти судебно-медицинская экспертиза обязательна.

На окраине города во дворе одного из домов около сарая был обнаружен труп молодого человека. Врач «скорой помощи» решил: скоропостижная смерть от какого-то заболевания. Однако судебно-медицинской экспертизой был обнаружен перелом шейного отдела позвоночника с тяжелым повреждением спинного мозга. При последующем расследовании оказалось, что пострадавшего сбросили с крыши сарая. Преступники были найдены и предстали перед судом.

Объектом исследования судебно-медицинского эксперта могут быть кровь, а также слюна, пот и другие выделения.

Современные методы исследования крови позволяют определить принадлежность крови новорожденному или взрослому человеку, мужчине или женщине, а в ряде случаев и установить принадлежность ее определенному лицу. При исследовании можно установить, какое количество крови потерял раненый, а если есть пятна крови, то и ориентировочно определить давность их образования. Возмож-

но также экспертное решение вопроса об источнике кровотечения: носовое, желудочно-кишечное, легочное и тому подобное.

На чердаке жилого дома было совершено тяжкое преступление. На месте происшествия и в квартире подозреваемого были изъяты окурки папирос. Перед судебно-медицинской экспертизой был поставлен вопрос: одним ли лицом были выкурены папиросы, окурки которых представлены на исследование. Объектом исследования явилась слюна, сохранившаяся на окурках. На одном из окурков, изъятых с места происшествия, и двух окурках из квартиры подозреваемого была обнаружена слюна, имеющая одногруппные свойства. Такие же свойства были характерны и для слюны подозреваемого. Заключение эксперта по этим исследованиям помогло органам следствия пойти по правильному пути и с помощью других доказательств полностью изобличить преступника.

Объектом судебно-медицинского исследования иногда бывают и волосы. При этом устанавливается, принадлежит ли волос человеку или животному. Если это волосы человека, то можно определить, с какой они части тела, не имеют ли сходства или различий с волосами конкретного лица. При экспертизе волос можно определить, принадлежат ли они мужчине или женщине, а также установить, сострижены они или вырваны.

Эксперту был предъявлен клочок волос, который якобы был вырван у одной из женщин ее соседкой во время ссоры. Экспертиза установила, что все исследованные волосы «пострадавшей» не были вырваны, а выпали. Шантаж не удался.

Заключение судебно-медицинского эксперта — одно из судебных доказательств. В нашем судопроизводстве нет главных или второстепенных доказательств. Заключение эксперта стоит в одном ряду с другими доказательствами, такими, например, как показания свидетелей, подозреваемого и обвиняемого. Суд и органы следствия могут и не согласиться с заключением эксперта, однако их несогласие с заключением должно быть мотивировано.

Судебно-медицинские эксперты и врачи других профессий, кроме производства экспертизы, иногда участвуют в следственных и судебных действиях. В этих случаях они выступают не как эксперты, а как консультанты-специалисты. В качестве примера можно указать на их участие в осмотре места происшествия. При проведении такого следственного действия эксперт оказывает пострадавшему первую врачебную помощь. Здесь же, на месте происшествия, эксперт помогает следователю отыскать, изъять и упаковать вещественные доказательства — кровь, волосы, выделения, которые могут потребоваться для последующего судебно-медицинского иссле-

дования. В случае смерти потерпевшего эксперт устанавливает ориентировочно время ее наступления и помогает следователю установить возможные ее причины, чтобы тот имел возможность оперативно собрать и зафиксировать доказательства по делу, разыскать и изобличить преступника.

Судебно-медицинские эксперты в нашей стране в пределах своих прав и обязанностей всемерно содействуют предупреждению травматизма, отравлений и других несчастных случаев.

Приведу примеры.

В одном из сибирских городов участились несчастные случаи в районе железнодорожного вокзала. По предложению судебных медиков исполком городского Совета рассмотрел этот вопрос. Был построен переход через железнодорожные пути, и число несчастных случаев резко сократилось.

Много лет назад нередко встречались отравления уксусной эссенцией, обусловленные главным образом тем, что бутылки, в которых она продавалась (по 0,25 литра и 0,5 литра), не отличались от бутылок с соками, вином и разведенным уксусом. По предложению судебных медиков торгующие организации стали принимать для продажи уксусную эссенцию в специальных трехгранных бутылках, что значительно снизило число несчастных случаев.

В заключение хочу привести высказывания о судебных медиках выдающегося русского ученого Е. О. Мухина. Обращаясь еще в 1825 году к студентам медицинского факультета Московского университета, он говорил, что «судебный врач должен быть философ, медик, хирург, акушер и даже юрист, по крайней мере столько, сколько потребно для его целей; сверх того требуется, чтобы и душевные его качества соответствовали важности знания — образ жизни его должен быть безпорочен, справедливость непоколебима, присутствие духа и неустрашимость, твердость в суждениях, стремление к истине, беспристрастие, человеколюбие, сострадание без полагания, строгость без жестокости — составлять должны прочие черты его характера». Эти слова — напутствие врачу, избирающему профессию судебно-медицинского эксперта, не устарели и в наши дни. Среди судебных медиков много высококвалифицированных специалистов. Нелегкий и кропотливый их труд поставлен на службу социалистической законности.

А. ВАСИЛЬЕВ,
кандидат юридических наук

КАМЕНЬ НА МОСТОВОЙ

III

ередо мной законченное дело. Листая его, я как будто вижу живых людей, их лица, слышу голоса. Первый документ — постановление о возбуждении уголовного дела. А началось все это так.

В прокуратуру поступило сообщение из районной больницы — только что госпитализирован Коромыслов с травмой черепа. Плохо помнит, что с ним произошло. Говорит — упал. Доставили в больницу из аптеки № 5. На сообщении резолюция прокурора: «Проверить». К сообщению приложено медицинское заключение. Из короткого объяснения работницы аптеки Семкиной видно, что Коромыслова привели в аптеку неизвестные прохожие.

Еду в больницу. Коромыслов оказался моим старым знакомым. Почти три года назад я расследовал дело о его хулиганской выходке. Суд тогда приговорил его к трем годам лишения свободы. И вот новая встреча. Он сразу меня узнал. Скосив глаз — второй был забинтован, — хрипло спросил:

— Опять вы?

— Опять.

Он хотел отвернуться к стене, но не смог. Слегка повернул голову и застонал.

«Зря приехал, — подумал я. — От Коромыслова правды добиться трудно. Тогда так и «ушел» в суд, не дав никаких показаний. Но в тот раз говорили другие, и все было ясно. Сейчас он — потерпевший, и его показания очень нужны».

Он действительно отказался говорить, сославшись на сильную головную боль. Врач посоветовал мне прийти через несколько дней: тогда его наверняка можно будет допросить.

Эта встреча с Коромысловым после его освобождения была у меня не первой. Как-то с месяц назад, вечером я сидел на скамейке в сквере и читал газету. Кто-то подошел и сел рядом.

— Привет, следовательно.

— Привет, — опешил я, увидев Коромыслова.

— Газетку читаем? — Он закурил и закашлялся. Запахло спиртным — видно, выпил.

— Ну, как жизнь? — спросил я.

— Коптим небо, — неопределенно ответил Коромыслов.

— А если говорить серьезно?

— Плохо в местах не столь отдаленных. Дисциплина. Работы много. Строгая жизнь.

— Значит, не стоит больше туда попадать?

— Да, — ответил он. — Я-то завязал. Работаю.

На этом мы тогда расстались...

Вернувшись из больницы на работу, я рассказал прокурору о Коромыслове.

— А в какой части головы у него повреждение? — спросил прокурор.

— В височной. Выше левого уха.

— Ухо разбито?

— Нет.

— Что-то непохоже, чтоб он сам мог так удариться. И ухо не повреждено. Может, его ударили? Да и личность Коромыслова дает основания так думать. Здесь пахнет преступлением. Необходимо тщательное расследование.

Так было возбуждено уголовное дело.

Листаю дальше. Протокол допроса Семкиной Людмилы Ивановны, рецептара аптеки. Допрос состоялся в аптеке, в кабинете заведующей.

— Расскажите, пожалуйста, что вы видели в тот день, когда в аптеку привели мужчину с разбитой головой,— попросил я Людмилу Ивановну.

— Привели какого-то пьяного, положили на скамейку, и все.

— Кто привел?

— Не знаю. Не видела, было много народу. Потом приехала «скорая помощь», и его увезли.— Она недовольно поморщилась.— И вообще меня ждут клиенты.

— Хорошо. Я вас вызову после работы...

— Но завтра я уезжаю в деревню. У меня отгул за дежурства, а сегодня некогда к вам идти.

Я промолчал: не хотелось ссылаться на закон, который обязывает ее давать показания. Не хотелось объяснять, что в случае отказа явиться к следователю ее могут доставить приводом. Слѣва пришли сами собой.

— С вами никогда ничего не случилось?

— Нет, не случилось,— ответила она.

— А с вашими родственниками?

— Тоже нет.

— Очень хорошо. А если что-нибудь случится, вы к кому обратитесь за помощью?

Семкина потупилась.

— Извините, но я действительно ничего не видела. Так и милиции тогда сказала. Была занята с клиентом, который устроил скандал, просил жалобную книгу, и мне было не до пьяного.

Прошло два дня. Снова еду к Коромыслову. Знал почти наверняка, что напрасно, но допросить его необходимо. Коромыслов был

верен себе — по делу ничего нового не сказал. Говорил, что был пьян, шел, упал и, наверное, при падении разбил голову.

— Как вы упали? На спину? На бок? На живот?

— Вот, ей-богу, не помню,— ответил он, спокойно глядя мне в глаза.

— Может быть, вас ударили по голове?

— Никто меня не ударял. Я сам упал. Шел, шел и упал, стукнулся головой об асфальт. С кем не бывает.

Протокол допроса очень короткий.

На прощанье он сказал, перейдя вдруг на «ты»:

— Знаешь, следовательно, закрой дело. Упал я, и все. Никто меня не ударял. Впустую теряешь время.

Казалось, что расследование в тупике. Помнится, долго ломал голову над тем, что делать дальше. Наконец решил позвонить в аптеку: узнать, кто еще работал в тот день и знает ли что по делу. И такой человек нашелся. Климова Серафима Андреевна — продавец отдела готовых лекарств.

Она рассказала все, что знала. Подробно, не спеша. Пояснила, что раньше работала на «скорой помощи». В подобных случаях, если на месте еще не было милиции, первоначально опрашивала пострадавших. Здесь она поступила так же, и поэтому ее показания представляли большую ценность.

— В тот вечер я случайно оказалась на работе. Было что-то около половины восьмого, когда в аптеку ввели пьяного. На лбу у него была кровь. Поддерживали его мужчина и женщина, по-видимому супруги. Они сказали, что он лежал на тротуаре, недалеко от аптеки, и легко мог простудиться. Какая-то старушка подошла к ним, сказала, что его в драке ударили камнем по голове. Своих фамилий и адреса мужчины и женщины, уходя, не оставили. Я вышла вместе с ними, и они показали мне эту бабушку. Ее я знала раньше. Фамилия ее Пронина. Она частенько приходила к нам за лекарствами.

Я подошла к ней, поздоровалась и сказала: «Привели к нам в аптеку какого-то пьяницу». «Да он не пьяный,— ответила она.— Его ударили камнем по голове. Он шел с женщиной — Дуней Коневой. Когда-то мы жили с ней в одном доме, а потом она переехала. С ними был еще один мужчина, высокий такой. Его не знаю. Так вот, к ним подошли трое ребят молодых — вроде дружинники. Что-то стали говорить. Потом началась драка. Высокий толкнул одного из парней, тот свалился, а этот,— старушка кивнула головой на аптеку,— побежал за другим парнем. А парень схватил с земли камень и бросил в него, да и угодил в голову. Ребята разбежались кто куда. Евдокия и высокий мужчина ушли, а этот, что в аптеке, остался

лежать. Вон чем в него бросили»,— и Пронина показала камень на тротуаре.

Так была получена ниточка для дальнейшего расследования. Теперь нужно устанавливать имена парней: кто они, почему подрались с Коромысловым. Вот что значит показание очевидца!

Пришлось допросить Пронину.

— Упал он, сердешный, и только стонал. Я подошла к нему, он ругается, зубами скрипит, блоху какую-то вспоминает...

Далее идут протоколы допросов дружинников. Я допросил всех дружинников микрорайона, дежуривших в тот вечер на улице Володарского. Никто ничего об инциденте у аптеки не знал. Драки никто не видел.

Но почему же так получилось? Очевидно, Пронина ошиблась и приняла за дружинников других людей? Я не знал, что делать. Оставалось допросить Коневу, которая, по словам Прониной, была на месте драки. Установив ее место жительства, я послал повестку, которая вскоре вернулась с отметкой: «Адресат принять отказался». Послал второй раз и указал, что в случае неявки она будет доставлена на допрос принудительно. Конева не явилась. Пришлось прибегнуть к помощи милиции...

За постановлением подшит протокол допроса матери Коромылова. С нею мы были знакомы еще с тех пор, когда я расследовал хулиганство ее сына.

— Здравствуйте, товарищ следователь,— сказала она, войдя в кабинет. Спокойно прошла к столу, села.— Прекратите вы это дело. Сам он виноват. Так ему и надо. Дружинники подошли — значит, так надо, не ходи по улице пьяный. Устала я, товарищ следователь, от такого сына. Всю жизнь по милициям, по прокуратурам да по тюрьмам. Сколько можно? Кончайте вы его дело,— повторила она и замолчала.

— Не могу,— ответил я.— Совершено преступление. Причинены тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни. Ваш сын ведь мог и умереть.

— Может, так было бы и лучше,— с горечью сказала она.— Верите, не могу я больше.— На глаза у нее навернулись слезы. Она достала платок.

— Но ведь если не разобраться сейчас, потом может быть еще хуже. Вы знаете своего сына, я тоже его знаю. Он этого дела так не оставит. Обязательно рассчитается с тем, кто его ударил. И не известно, чем все это кончится.

— Да, да, верно. Он такой.

— Вы были у Николая в больнице?

— Была. Он мне ничего не рассказывает. Не твое, говорит, дело. И я ничего не знаю.

— А друзья у него сейчас есть?

— Дружок его недавно освободился. Генка Сысоев. Блохой зовут. Встретятся, напьются, поют какие-то песни о загубленной жизни, плачут. И жалко мне их. Николай на работу устроился, жениться надумал. Все как будто налаживаться стало. И вот опять такое случилось.

— С кем еще встречался ваш сын?

— С одной девушкой. Жениться хочет. Очень хорошая девушка. Он меня с ней познакомил. Зовут ее Галей.

— А Сысоев с кем встречается?

— У него тоже есть знакомая, пьяница. С мужем не живет. Пожилая уже женщина. Фамилия ее, кажется, Конева.

А вот и протокол допроса Коневой. Помню, как привел ее участковый инспектор и как она, едва войдя в кабинет, стала кричать:

— Почему вы меня водите по улице с милицей? Я что — обокрала кого или убила? Я что — преступница? Жаловаться буду!

— Все? — спросил участковый. — Она доставлена. Могу идти?

— Побудьте пока, — сказал я ему. — А вы садитесь и послушайте. Вы — свидетель. И закон обязывает вас по вызову явиться к следователю и рассказать все, что известно по делу. В случае неявки вас вправе доставить на допрос принудительно.

Протокол допроса Коневой короткий. «От подписи отказалась, так как не хочет быть свидетелем». Помню, как она закричала, когда я ее спросил о драке — кто в ней участвовал и кто ударил Коромылова.

— Не знаю, кто его ударил, не видела. Они сами виноваты, тюремщики несчастные! А сына моего не трогайте, он не виноват!

— Кто виноват, разберемся, — сказал я, хотя слышал о ее сыне впервые. Но понял, что он имеет отношение к этому делу.

Больше ничего выяснить не удалось. Она кричала, грозила, что будет жаловаться, что с «тюремщиками» расправится сама.

После разговора с нею было установлено, что шестнадцатилетний сын с нею не живет. Прописан у отца. Я послал ему повестку.

Через день в кабинет вошел небольшого роста худощавый человек. В годах.

— Я отец Вити Конева, — представился он.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал я.

— Вы вызываете его на завтра. Вот увидел повестку и решил зайти сам. Это мать его во всем виновата. Она, знаете ли, нехорошо себя ведет. Рассказывать долго. Сын у нее сначала жил, а потом ко

мне ушел. Сейчас живем вместе. Он учится в ПТУ. А у нее дома постоянно шум, пьянки. Несколько раз приходила ко мне, плакала, просила, чтобы сын вернулся, обещала, что не будет пить. Уводила, но с новым запоем все повторялось. И он снова возвращался ко мне.— Конев замолчал, опустил голову.

— Вы знаете, почему мы его вызываем? — спросил я его.

Он долго молчал.

— Мне жалко сына,— голос его дрожал.— Не хочу, чтобы он попал в колонию из-за этой... Витек — хороший мальчик, послушный. Говорит: «Папа, закончу училище, буду работать и учиться дальше». Инженером хочет стать. Он только нервный очень. Вдруг вспыхнет...

— Так что же произошло?

— Они сами, товарищ следовательно, полезли на ребят. Витя хотел увести домой мать, а ее приятели затеяли драку, погнались за ними. Вот он и бросил да случайно попал в голову.

— Кто был с вашим сыном?

— Я не знаю. Его товарищи из училища. Он попросил, чтобы они помогли отвести ее домой.

— А кто был с нею?

— Одного зовут Блоха. Фамилии его не знаю. А второй — пострадавший.

— Откуда вы это знаете?

— Витя мне рассказал.

В тот же день я вызвал Сысоева-Блоху. Он вошел в кабинет как будто крадучись. Встал у двери.

— Зачем это? — протянул он повестку.

— Что — зачем?

— Ну, меня сюда...

— Прошу садиться.

Он подошел к столу, молча сел на стул. Смотрит на меня и не смотрит. Потом и вовсе отвернулся к окну.

— Коромыслова знаете?

— Ну, знаю,— головы не повернул, а только скосил глаза.

— Коневу знаете?

По его лицу поползла улыбка.

— Это что, о драке, что ли? — вопросом на вопрос ответил он.

— Да, о драке. Расскажите, как все это произошло?

— А я не знаю,— и опять перевел взгляд на окно.— Ничего не знаю.— На лице полнейшее спокойствие.

— Вы когда освободились?

Сысоев заерзал на стуле, но от ответа уклонился.

— Где вы встретились с Коромысловым и Коневой в тот вечер?

— В продовольственном магазине на улице Кирова. Где же еще? Выпили на троих... Потом пошли домой...

— По улице Володарского?

— Да. Я отстал — и за угол во двор... По своим делам. А Николай с Конева пошли дальше. Когда я вышел со двора, их уже не было. И я пошел домой.

— Дружинников видели? Ребят с повязками?

— Нет. Никого не видел,— сказал он, глядя мне прямо в глаза.

— Вы их били?

Мой вопрос привел его в некоторое замешательство.

— Никого я не бил. Нужно мне связываться с кем-то.

Он внимательно и долго читал протокол. Затем написал: «Записано верно» — и подписался.

Я уже собрался домой, когда ко мне постучались. Дверь открыл молоденький парнишка.

— Можно с вами поговорить? По делу Конева.

— Слушаю вас.

— Я секретарь комитета комсомола ПТУ, где учится Конев. У нас было комсомольское собрание,— парень, волнуясь, мям в руках фуражку.

— Расскажите все по порядку.

Он вздохнул, пригладил рукой волосы.

— Дело в том, что Конев написал заявление в нашу комсомольскую организацию. В нем он описывает, как все было. Это он бросил камень в того мужчину. Но говорит, что не попал бы, если бы тот не поскользнулся. А драку начали эти пьянчужки. Конева мы знаем уже два года. Он честный парень. Недавно приняли его в комсомол. Учится неплохо. Сейчас он староста группы.

— И что же вы хотите?

— На собрании мы обсудили его заявление, приняли решение. Вот выписка,— он протянул листок бумаги, на котором нетвердым почерком старательно было написано: «Выписка из протокола собрания. Постановили: ходатайствовать перед следственными органами о том, чтобы Витю Конева не посадили в тюрьму, так как он невиновен».

— Вопрос о виновности или невиновности решит суд. А пока ведется следствие по делу Конева. Занимаюсь им я, и пока еще не все обстоятельства выяснены. А вы уже решили, что он невиновен.

— А как нам быть? Мы ведь обсуждали на собрании, голосовали, решили, что его сажать не стоит. Что нам теперь делать?

— Если в училище считают, что Конев действительно заслуживает того, чтобы его не привлекали к уголовной ответственности, то мо-

жете ходатайствовать. А для этого нужна не выписка, а протокол собрания...

— Хорошо, я вам принесу его. Спасибо, товарищ следователь,— лицо его светилось улыбкой.— До свиданья...

Всего этого в деле нет. Подшит лишь протокол общего собрания комсомольцев училища.

На следующий день пришел сам Виктор, худенький, невысокий подросток.

— Здравствуйте, я — Конев,— сказал он, входя в кабинет. Чувствовалось, что очень волнуется, робеет, но старается казаться спокойным и даже уверенным в себе.

— Так что же произошло с вами на улице Володарского?

Виктор быстро-быстро замигал, помолчал, словно собираясь с мыслями, глубоко вздохнул.

— Ну, значит, в тот день я гулял с ребятами по улице Володарского. Вдруг увидел свою мать,— он опять замигал.— Она была пьяна, шла с двумя мужчинами. Одного из них я видел раньше. Его фамилия Сысоев. А второго я не знал. Мне стало стыдно за нее. Я попросил ребят, чтобы они помогли увести ее домой. Мы все подошли к ним, я взял мать за руку и сказал: «Пошли домой». И тут не Сысоев, а тот, второй, толкнул моего друга Володю, и он упал. Потом схватил меня, но я вывернулся и побежал. Он за нами. Стал догонять. Тогда я схватил камень и кинул в него. Поверьте, я бы не попал...

— Фамилии ребят, которые были там.

— Володя Скворцов и Сергей Родин.

Прочитав, он подписал протокол и вопросительно посмотрел на меня.

— Все, вы свободны. Если понадобится, вас вызовут.

— Могу идти? — спросил он, сделав ударение на слове «могу».

— Конечно.

Попрощавшись, он неслышно вышел из кабинета.

В тот же день я допросил Скворцова и Родин. Показания их полностью совпадали с показаниями Конева.

...Протокол допроса Коромыслова.

Он вошел ко мне в кабинет, осторожно ступая и стараясь не тряхнуть головой. На лице — выражение безразличия ко всему происходящему. Сел, потрогал забинтованную голову.

— С кем вы были, когда произошла эта история?

— Какая разница, с кем. Не все ли равно.

— Коромыслов, мы с вами не в первый раз встречаемся. Я вас знаю достаточно хорошо, знаю, что не в ваших правилах говорить

правду. Но сейчас вам ничего другого не остается. Тогда, в больнице, вы могли говорить все, что хотели. Но прошло время, и кое-что выяснилось. Поэтому предлагаю рассказывать все, как было.— Он в упор посмотрел на меня, кашлянул, сморщился от боли, потрогал голову.

— Если знаете, зачем спрашиваете?

— Вы же знаете, что такое следствие. Я просто-напросто обязан допросить всех, кто присутствовал при совершении преступления. А вы — потерпевший, и ваши показания необходимы в первую очередь.

— Мне не в чем признаваться, я ничего не сделал.

— При чем здесь признаваться? Вы не подозреваетесь в совершении преступления, вас никто не обвиняет. Но поймите, ваши показания очень нужны для правильного решения по делу.

— Правильного? — он внимательно посмотрел на меня.

— Конечно. А вы сомневаетесь?

— Нет, не сомневаюсь. Но по закону одно дело. А нужно еще и по-человечески. Он — мальчишка, шестнадцать лет. В этом деле и я виноват, и мать его. А парня — в тюрьму.

— Коромыслов, следствие для того и проводится, чтобы выяснить все обстоятельства дела, установить, в каких условиях и как было совершено преступление. Собираются также данные о личности правонарушителя, характеристики. И решение принимается с учетом всех этих данных. Так положено по закону. Вот и получается, как вы сказали, по-человечески. И в этом деле важнейшие доказательства — ваши правдивые показания. Поэтому вы и должны рассказать все, как было.

— Закурю? — попросил он.

— Пожалуйста.

— Значит, так. Встретились мы с Сысоем и Дуняхой Коневою в магазине на улице Кирова. Купили бутылку, выпили, пошли домой. На улице Володарского к нам подошли незнакомые ребята. Мне показалось, что они стали забирать Дуняху. Та попросила у меня защиты. Пришлось оттолкнуть одного из них, а второй пихнул меня и побежал. Я за ним. Тогда он схватил с земли камень и бросил в меня. И не попал бы, если бы мне по пьяной глупости не вздумалось... поймать «камушек». Да не вышла эта «шутка» — я поскользнулся и сам налетел на камень. Я рассказал все, как было,— закончил он, кашлянул и поморщился от боли. Опять потрогал голову.

— Правду говорите, Коромыслов?

— Правду. Какой мне смысл врать. Голова-то моя разбита. Больше ничего от Коромыслова я не услышал.

Следующий документ в деле — протокол собрания и ходатайство о передаче Конева на поруки коллективу цеха № 5 механического завода.

Дело в том, что Конев учебу в ПТУ уже заканчивал и был направлен на этот завод. Здесь он два года проходил производственную практику, в цехе его хорошо знали. Помню, как гудел цех. Рабочие уже собирались, рассаживались на станках, ящиках, курили. Вместе с начальником цеха и парторгом мы прошли к столу, накрытому красной тканью. Шум сразу стих. Впереди всех одиноко сидел Конев, съездившись, засунув руки между коленей. Он выглядел жалко. Конев смотрел на меня и, казалось, искал поддержки.

Я подробно рассказал собравшимся обо всех обстоятельствах дела. Выступило несколько рабочих. Люди говорили, что Конева нужно оставить в коллективе. Задавали вопросы. Собрание единогласно решило взять его на поруки. Выступавшие просили воздействовать на его мать...

И, наконец, последний документ в папке — постановление о прекращении дела. Иду к прокурору.

— Что ж, все правильно, утверждаю, — и он размашисто расписался на постановлении.

— Но у меня еще один вопрос, — говорю я ему. — Мать Конева пьет и совсем не занимается воспитанием сына, вместе с ним не живет. Считаю, что нужно обратиться в суд с иском о лишении ее родительских прав.

— Обязательно разберемся и, если есть основания, обратимся с иском в суд, — заверил меня прокурор.

Я вышел из кабинета. В канцелярии отдал дело секретарю.

— Куда его? В суд? — спросила она.

— Нет. В архив.

Рис. С. ХАЛИЗОВА.

СОБЕСЕДНИК

Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!

В. СЕРИКОВ,
делегат XXV съезда КПСС,
бригадир треста Мурманскпромстрой,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной премии

БРИГАДНЫЙ ПОДРЯД — ДЕЛО ХОРОШЕЕ

Совершенствовать подрядный способ ведения строительных работ. Шире внедрять новую форму хозяйственного расчета в строительстве — бригадный подряд.

«Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

К

ак-то раз, после одной из моих лекций о новой форме бригадного хозяйственного расчета ко мне подошел уже немолодой мужчина и спросил:

— Метод этот, конечно, дает хорошие заработки каждому члену бригады. Но не кажется ли вам, что это может вызвать нездоровую погоню за «длинным рублем»?

Признаться, меня этот вопрос не удивил. Потому что еще на самых первых этапах внедрения нового способа мы серьезно задумывались о моральной атмосфере в бригаде.

Действительно, о новом способе бригадного хозяйственного расчета и о том, как он применяется в жилищном и промышленном строительстве, говорится немало. Сейчас уже трудно найти скептиков, которые бы сомневались в его пользе. Ведь он помогает укреплять производственную и трудовую дисциплину, сокращать продолжительность строительства объектов, повышать производительность труда, экономно расходовать материально-технические ресурсы, улучшать качество и снижать себестоимость строительно-монтажных работ.

Поясню вкратце, в чем сущность способа. Как известно, у нас строительство ведется на подрядных началах. Так вот, бригада как низовое звено строительной организации берется построить определенный объект. Руководители стройки дают бригаде подряд, рассчитывают, сколько потребуется материалов — леса, кирпича, сборного железобетона и так далее; подсчитывают общую сумму заработной платы и устанавливают сроки ввода объекта в строй. Все остальное зависит уже от производителя работ и коллектива бригады. Премии за выполнение подрядного договора распределяются советом бригады, который избирается на общем собрании. У нас такой совет избирается каждые полгода — чтобы больше рабочих участвовало в производственной деятельности коллектива. Правильно распределять премии помогает коэффициент трудового участия (КТУ). Совет бригады определяет КТУ каждому ее члену — в зависимости от того, как тот участвует в общем труде. Это позволяет оплачивать труд рабочих и служащих по его количеству и качеству. Так и должно быть. Именно такая оплата регламентируется и нормами трудового законодательства (статья 36 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде).

За два последних года бригада своими силами выполнила работы на 2170 тысяч рублей при задании на всю девятую пятилетку в 2500 тысяч рублей. Так что подрядный способ позволяет дать огромный выигрыш во времени. Заработная плата прямо зависит от выработки. Все это, вместе взятое, исключает отставание роста производительности труда от роста заработной платы. В 1975 году средний заработок на один человеко-день в бригаде составил 9 рублей 58 копеек — это без «полярных» и коэффициентных надбавок.

Естественно, возможность больших заработков привлекает к нашей бригаде всяческий люд. Среди них встречаются и труженики, и бездельники. Бывает и так, как с неплохим специалистом Николаем Н. Он пришел к нам и сразу же показал виртуозность в работе. Прошло несколько дней — прогул. Из-за пьянки. Поговорили мы с ним. Вроде бы понял — стал работать «за троих». И сно-

ва — прогул по пьянке. Предложили лечиться от алкоголизма — не захотел. Применили к нему и другие воспитательные меры. А он в ответ: «Я — специалист классный, мастер своего дела. Меня где угодно возьмут. Не посмотрят, что я пьющий». Ну, мы и не стали его держать. Нам в бригаде важнее иметь людей хороших, добросовестных, чем «классных» специалистов с таким изъяном. Из добросовестных людей мы и сами сделаем хороших специалистов. Вот почему немало времени ушло у нас на то, чтобы сколотить ядро бригады.

Любой коллектив, работающий по способу бригадного подряда, прежде всего должен иметь постоянное, прочное ядро, состоящее из людей, по-партийному относящихся к работе, способных показать пример другим работникам, увлечь их своей энергией, энтузиазмом. В нашей бригаде — это Валерий Кузнецов, Анатолий Жариков, Степан Кондрасюк, Борис Борисов, Владимир Толстов и другие.

Среди членов нашей бригады, что греха таить, были и такие, что в прошлом выпивали, прогуливали, любили побузить. Но в коллективе они поняли, что надо выбирать одно из двух: либо продолжать вести себя по-прежнему и распрощаться с бригадой, либо переломить свой характер и научиться твердо соблюдать трудовую дисциплину, то есть вести себя так, как этого требуют наши законы.

Сейчас про каждого работающего в нашей бригаде можно сказать, что он человек высоких моральных качеств, дисциплинированный, умеющий работать с «огоньком». Одно из преимуществ бригадного подряда в том, что каждый член коллектива обязательно становится активным участником всего производственного процесса. Сказывается четко выраженная личная заинтересованность каждого рабочего в результатах работы как своей, так и всей бригады. Обратите внимание на строительные площадки, где работа ведется «обычным», так сказать, способом. Вы можете увидеть, что на многих таких объектах часто простаивает мощная техника — тяжелые башенные краны, бульдозеры и так далее. Порой многотонный башенный кран используется для подъема грузов в десятки килограммов. А за все это приходится платить деньги — сотни, тысячи рублей. При бригадном подряде сами рабочие все время думают, как использовать технику, как сберечь каждую копейку. Вот почему мы заказываем технику лишь к тому моменту, когда она будет нам нужна. И здесь наш лозунг: «Технике — ни минуты простоя». Мощные подъемные краны мы с успехом заменили более легкими подъемниками, передвижными транспортерами и другими средствами малой механизации. Творческая активность каждого члена нашей бри-

гады проявляется в соблюдении строжайшего режима экономии. А это соответствует решениям XXV съезда КПСС: шире применять прогрессивные формы материального поощрения за увеличение выпуска продукции с меньшей численностью работников, бригадную оплату за конечные результаты труда в промышленности и других отраслях, аккордную оплату труда, особенно в строительстве и сельском хозяйстве, совершенствовать систему премирования рабочих и служащих, усиливать зависимость премий от результатов труда, качества продукции, выполнения производственных заданий, технически обоснованных норм выработки.

Метод бригадного хозрасчета требует, чтобы каждый член бригады все время совершенствовал свой профессиональный уровень, овладевал смежными процессами, постоянно учился. Для нас это просто необходимо. В случае нарушения графика поставок материалов или оборудования мы можем немедленно заняться другими работами. Например, был у нас такой случай. Мы должны были монтировать котлы, деаэрационные баки. Подготовили фронт работ, заказали два башенных крана. Однако поставка оборудования задержалась. Тогда вся бригада тут же взялась за кладку стен главного здания. Это позволило нам впоследствии намного раньше графика освободиться от дорогостоящей техники, сэкономив большую сумму денег.

При переходе на бригадный подряд бригадир должен обладать повышенными знаниями: и своими профессиональными, и инженерными,— уметь разбираться в калькуляции трудовых и материальных затрат, в определении количества и качества (сортности) материалов и многом другом. Необходимо разбираться и в работах смежных бригад, подсказывать последовательность их работы.

Перед нами стоит еще одна не менее важная задача. И заключается она в том, чтобы привить людям вкус к большой общественной работе. Нашей бригадой общественной работой мы выбрали коллективное наставничество. Это дело новое. Вот почему в социалистическое обязательство бригады мы включили пункт, который обязует нас вести воспитательную работу на принципах морального кодекса строителя коммунизма в подшефной мурманской школе № 44 и ГПТУ-14. Нами и коллективами этих учебных заведений составлены совместные планы. Мы знакомим учащихся с основными специальностями, организуем технические кружки, проводим «Дни открытых дверей». Наши рабочие приходят на сборы пионерских дружин, встречаются с учителями, родителями. Организуют экскурсии учащихся на строительство мясоперерабатывающего завода, где работает бригада. В наших планах есть и коллективное посе-

ценне Мурманского областного драмтеатра, встречи с актерами, проведение диспутов, встреч со знатными рабочими. Затаив дыхание, слушали ребята рассказ нашего профгруппорга Анатолия Ивановича Жаринова, кавалера орденов Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», как он забивал в заполярной тундре первый колышек на месте будущего города, зимовал в палатке, строил десятки объектов. А с каким удовольствием ребята вместе с нами участвуют в военно-спортивных праздниках, воскресниках и многих других мероприятиях!

Все, о чем я рассказал,— лишь часть той большой и многообразной работы, которую выполняют бригады, работающие по новому методу. Можно уверенно сказать: организация и создание таких бригад — это еще один шаг к коммунизму. Вот почему мы приветствуем решение XXV съезда нашей партии еще больше развивать бригадный подряд в строительстве.

В защиту природы

**Г. РУКОСУЕВ,
Л. КРЫЛОВ,**
действительные члены
Географического общества СССР

ТУРИСТ В ЛЕСУ

Красив лес, богат своими дарами, полезен для человека, ценен. Люди не могут обойтись без него. Лес применяется во всех сферах народного хозяйства. Это — строительный материал, бумага, искусственные ткани, фанера, спички и прочее.

Но самое главное, лес — основной источник обогащения атмосферы кислородом.

Ученые подсчитали, что гектар лесонасаждений за сутки потребляет 24 килограмма углекислоты, то есть столько, сколько ее за это время выдыхает 5 тысяч человек. Кроме того, по данным профес-

сора Б. П. Токина, гектар хвойных сосновых или кедровых лесов за сутки выделяет около 4 килограммов летучих фитонцидов, а гектар лиственных — около 2 килограммов. Такое количество фитонцидов способно оздоровить воздух большого города. А шум? Спасения от него мы часто ищем именно в лесу.

Лесные краски снижают напряжение нервной системы, успокаивают ее, способствуют улучшению настроения и повышению трудоспособности. Лес в значительной степени облегчает работу сердца, поскольку является существенным источником активных форм кислорода. Потому-то вместо лекарств нередко рекомендуют людям свежий воздух, тишину, умеренные физические нагрузки — словом, все то, что может дать нам зеленый друг. Не напрасно же много внимания сейчас уделяется загородному отдыху, путешествиям, туризму, экскурсиям, общению с живой природой.

Профсоюзные, советские и хозяйственные организации создают пригородные зоны отдыха, туристско-оздоровительные лагеря, детские туристские станции с пунктами проката инвентаря и снаряжения. В каждом крупном городе есть свои зоны отдыха, излюбленные места, привлекающие тысячи горожан. И в Москве тоже. В Генеральном плане развития столицы предусмотрено создание новых зон отдыха. Сейчас Московский лесопарковый пояс занимает 72 000 гектаров. В черте Москвы много городских и районных парков. Однако насаждения в городе распределяются крайне неравномерно: в периферийных районах около 50 квадратных метров, а в центральных — 1,5—2 квадратных метра на одного человека. Такое соотношение не на пользу людям и лесу. Многие ученые говорят, что необходимо установить четкий и строгий порядок посещаемости леса. Так, в институте географии АН СССР считают, что подмосковный ельник может существовать, если на гектаре будут одновременно находиться не более 12—13 человек. Сейчас же «нагрузки» превышают норму в три, пять и более раз.

А как меняется напочвенный покров в наших городских лесах? Приезжая в лес нового микрорайона, мы видим ковер из цветов, трав, мхов, папоротников. Но проходит два-три года — и лесные цветы да и многие растения исчезают. Растительность скудеет, и красота леса теряется.

Некоторые лесные массивы Подмосковья, так называемые зоны отдыха, настолько вытоптаны, что для их спасения нужны срочные меры. И если их не принять сейчас, то в дальнейшем на восстановление таких уголков потребуется более 25 лет. Все городские леса закрыть для посещения нельзя, но на отдельных участках можно, хотя бы временно, сократить посещаемость. Скажем, выставить на

дорогах таблички, на которых написать: «Зона для отдыха запрещена». Так можно будет «спасти» лес от перегрузок. Целесообразным представляется разработать научно обоснованную схему восстановления городских и пригородных лесов с уплотненной почвой, где была бы установлена очередность переведения участков леса на временный «отдых».

И еще. В лесах есть тропинки, вроде бы совсем безвредные для леса дорожки. Но это только с одной стороны. С другой же — от их направления зависит, между прочим, состояние леса. Ведь многие из них выводят на одно и то же место. В результате создаются опасные зоны, чреватые перегрузками. Стало быть, возникает надобность упорядочить сеть лесных дорог и тропинок с учетом интересных маршрутов. Перед входом в лес неплохо было бы вывесить схему, на которой указать, где можно погулять, взять напрокат спортивный инвентарь, поесть, отдохнуть. В лесу разместить бы, например, скамейки, качели, столы и стулья, песочницы и тому подобное. Причем изготовить их из деревьев. Это просто и красиво. Посетителям леса уголки с такими сооружениями очень нравятся. И конечно, не скапливать их в одном месте, а размещать равномерно, по всей территории лесопарка.

Теперь о самих посетителях леса, туристах. Любой лесничий расскажет, какой трагедией оборачивается порой для леса посещение иных туристов. Во время проводимых рейдов у них отбираются десятки топоров и пил. Видите ли, берет с собой инструмент, чтобы

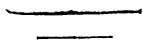
построить шалаш, нарубить веток для постели, дров для костра и так далее. Рубят молодые березки, ели диаметром 10—15 сантиметров. На замечания отвечают руганью и даже угрозами. А то выдумают гамак повесить. Забывают в ствол молодых деревьев аршинные гвозди, привяжут гамак и — пошли качаться. Бедные деревья аж стонут, гнутся под тяжестью раскормленных молодцов. Нет, это не выдумка. Это малая часть того, что можно увидеть в рейдах. И что странно — удивление нарушителей: «Какой штраф? За что?»

Совет Министров РСФСР в постановлении от 8 августа 1973 года «Об усилении материальной ответственности за ущерб, причиненный лесному хозяйству» утвердил повышенные таксы за ущерб, причиненный лесу.

К сожалению, не все знают об этом постановлении. А о нем должен знать каждый отдыхающий, каждый посетитель леса, будь он молодой или старый.

Летом многие люди проводят свой досуг на лоне природы. И работникам службы охраны леса трудно уследить за всеми отдыхающими. Думается, что полезно было бы привлечь к этому делу широкие слои населения и общественность. У нас есть и еще создаются школьные лесничества. Действует в Москве, например, дружина по охране природы при МГУ. Этого явно мало. В борьбе с нарушениями общественного порядка неплохо зарекомендовали себя добровольные народные дружины и комсомольские оперативные отряды. Сейчас вряд ли пойдется, скажем, в Москве отделение милиции, которое обходилось бы без их помощи. А вот к охране леса общественность привлекается слабо. А как бы были полезны рейды отрядов молодежи в лесах! В привлечении общественности к охране леса много трудностей, прежде всего организационных (необходимы транспорт, патрулирование в выходные и праздничные дни и так далее). Но при желании все это устранимо.

Невозможно представить жизнь людей без леса. Поэтому задача всех советских граждан — беречь лес и приумножать его богатства.

**растить
гражданина**

пример воспитателя

С большим интересом читаю на страницах журнала материалы о воспитании подрастающего поколения. Хочу поделиться и собственными мыслями, наблюдениями.

Продолжительное время я работал народным судьей. Среди подсудимых, дела которых доводилось рассматривать, были, к сожалению, и подростки. Почему они совершали преступления? Этот вопрос всегда глубоко волновал суд. Изучение уголовных дел, знакомство с обстановкой, в которой воспитывались несовершеннолетние правонарушители, неизменно убеждали, что причина содеянного —

промахи в воспитании. Бывало, что сами «воспитатели» подавали плохой пример подросткам: пьянствовали у них на глазах, грубо обращались с членами семьи и совершали другие аморальные поступки. Приведу несколько примеров.

В шестнадцать лет Владимир М. второй раз предстал перед судом. Беда подкрадывалась к подростку с малых лет. Отец Владимира пил, устраивал пьяные дебоши. Владимир учился плохо. Отец же не был ему помощником в школьных делах. Наоборот, вредил сыну, отвлекал его от занятий скандалами, научил выпивать. В четырнадцать лет сын пристрастился к вину.

Естественно, на выпивки потребовались деньги. Владимир обворовал чужую квартиру. Плакал, каялся. Родители завяряли, что перевоспитают, отучат воровать. Суд пожалел подростка и определил ему три года лишения свободы условно. К Владимиру прикрепили общественных воспитателей. Но, к сожалению, исправить изъяны в его воспитании так и не удалось. Через год пьяный Владимир выломал двери школьного буфета и обокрал его. Затем совершил злостный хулиганский поступок. Приговорили его к пяти годам лишения свободы.

В воспитании детей нет «мелочей». Дурные примеры взрослых и иные «методы» воспитания нередко приводят к печальным последствиям.

Николай В. рос в семье единственным, обожаемым ребенком. Мальчик ни в чем не знал отказа, все его желания, прихоти любящие родители выполняли немедленно. А многочисленные родственники постоянно восхищались красотой, смекалкой мальчика. Коля крепко уверовал в свою исключительность, считал, что ему все дозволено. На справедливые замечания учителей, что мальчик ведет себя развязно, не отличается трудолюбием, родители реагировали болезненно. Обвинили педагогов в предвзятости, а явно

неблаговидные поступки сына объяснили «трудностями» роста, особенностями его «впечатлительной» натуры. В пятнадцать лет Николая В. судили за покушение на изнасилование одноклассницы. Родители и тут остались верны своим принципам: старались выгородить сына, вину свалить на потерпевшую. Но через четыре года безмерно любящие папа и мама сами забили во все колокола, обратились в различные общественные организации, в милицию и в суд с отчаянной просьбой: «Спасите сына!» Николай превратился в откровенного лодыря, пьяницу, дебошира и не стеснялся поколачивать даже родителей.

За внешним благополучием иногда родители пытаются скрыть нездоровую обстановку в семье. И это усугубляет положение, так как общественность не может своевременно прийти людям на помощь и предотвратить беду.

Семью А. в небольшом рабочем поселке знали все. Считали ее хорошей, крепкой. И известие о том, что семнадцатилетний Виктор А. совершил преступление, оказалось для окружающих полнейшей неожиданностью. Как выяснилось во время следствия, в этом доме далеко не все было так благополучно, как казалось.

Жили А. зажиточно, имели солидное подсобное хозяйство. Ухоженное и доходное. Дети ни в чем не ощущали недостатка. Главой дома был отец, и, как выяснилось в суде, в самом худшем «домостроевском» смысле. Все его решения и желания выполнялись беспрекословно. В ответ на малейшие возражения следовали зуботычины и пинки. Мать в семье была человеком бесправным. Отец всячески оскорблял ее в присутствии детей, а зачастую и избивал. Бедная женщина терпела все эти издевательства ради детей, ради сытного куска для них. Позднее она поняла, как глубоко заблуждалась, и сожалела, что не нашла в себе силы восстать против дурного обращения мужа. Стяжательство, деспотизм отца сделали ее детей жестокими, черствыми эгоистами. И вот один из них уже стал преступником.

Накануне того злополучного дня Виктор пошел на танцплощадку и там увидел девушку, с которой дружил.

Она была с парнем. Грубо оттолкнув незнакомца, Виктор сказал девушке, чтобы она с парнем не танцевала, иначе ей будет плохо. Но та не приняла угрозу всерьез. Тогда Виктор решил отомстить...

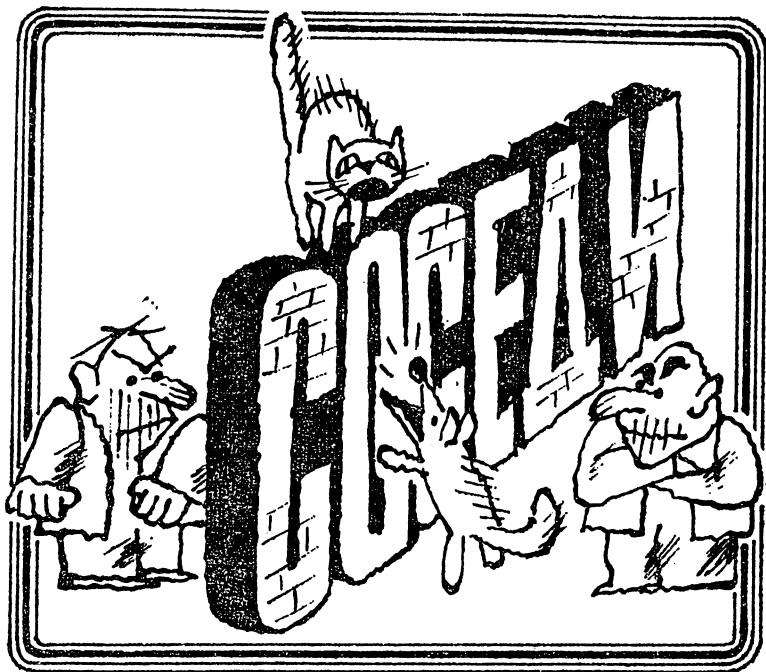
На суде он твердил в свое оправдание, что это «его» девушка и что он ее «предупреждал», а она «не послушалась»...

Психологи и педагоги давно пришли к выводу, что взаимоотношения родителей и детей играют важную, а зачастую и определяющую роль в развитии и становлении личности. Именно в первые семь-двенадцать лет жизни все, что видит и слышит ребенок, оказывает на его психику самое прямое и непосредственное воздействие. Не умея критически анализировать, он просто копирует поведение окружающих. Отсюда понятно, как важно уже в раннем детстве создать вокруг ребенка здоровую, благоприятную для воспитания обстановку.

МИНСК

М. НОВИКОВ,
юрист

размышления над письмами

Когда-то они были соседями. Забегали друг к другу за солью и спичками, одалживали деньги. По очереди присматривали за детьми. Делились новостями. Вместе радовались, возмущались, сидели рядом за праздничным столом. Это забылось, ушло безвозвратно. Осталась тупая, не знающая уступок ненависть. Когда она началась,

из-за чего? Сейчас уж и вспомнить трудно. То ли кто-то из взрослых не так рассудил затеявших ссору ребятнишек, то ли коза, сорвавшись с привязи, заскочила в соседний двор и сломала там куст смородины, то ли еще что. Только в тот самый раз кто-то не стерпел, в пылу раздражения бросил едкие, злые слова. Другой затаил обиду и стал

ждать повода, чтоб отплатить оскорблением. Ну, а если захотеть, повод нетрудно найти — то слишком громко лает соседская собака, то ничего не ведающие хохлатки лезут нахально в чужой двор по первому зову своего пышнохвостого «ухажера».

Чем дальше в лес, тем больше дров. И вот уже на месте узенькой тропки, долгие годы служившей границей двух усадеб, вырос плотный высокий забор. Увы, сия мера не положила конец пограничным инцидентам! Забор затенил чье-то окно, а чья-то яблоня свесила спелые плоды во «вражеский» стан. Злоба разрослась, вырвалась за пределы двух домов и покатила по улице, сколачивая «блоки», «союзы». На всеобщее обозрение выставлены сплетни и дразги, эгоизм и мелочная мстительность. Но это не смущает воюющие «стороны». Да, именно «стороны». Их давно уж перестали называть соседями. Стороны, проживающие рядом, — так они значатся в многочисленных актах различных комиссий, протоколах и решениях уличных комитетов, товарищеских судов. Дошло и до народного суда. Одна «сторона» предъявила другой иск о возмещении ущерба: на поле «брани» пали, отравленные хлорофосом, одиннадцать хохлаток, тех самых, что так и

не смирились с осадным положением своих дворов.

Суд пытается не только рассудить «стороны», но и помирить, положить конец бессмысленной войне. Что ж, может быть, они все-таки осознают, как далеко зашли, устыдятся, послушают добрые советы, забудут взаимные обиды и протянут друг другу руки? Но нет! Где там. Своим грязным плечом склока отодвинула на задний план все другие заботы, интересы. Без нее жизнь, пожалуй, покажется пресноватой, лишенной, так сказать, «остроты» борьбы. И вновь летят жалобы в вышестоящие суды, органы прокуратуры, редакции газет и журналов. Теперь уже не только на непосредственного «противника», но и на «черствость», «равнодушие», а то и «предвзятость» различных организаций, людей, волей-неволей втянутых в водоворот этой, вот уж вправду не стоящей выеденного яйца вражды.

«Помогите найти справедливость», — зывает гражданин Б. из Одесской области. Как выясняется, эту «справедливость» поправил сосед П., сделав скат крыши гаража в сторону огорода Б., что весьма не понравилось последнему. П. крышу переделывать отказался. Как обычно, в таких случаях первыми пострадали животные: курица П. забежала во двор

Б.— и тут же была ранена в ногу. В отместку за это пёс Б. лишился хвоста, а затем хозяева поколотили друг друга и наперегонки помчались к врачу «зафиксировать побой». Был суд. Обоих наказали за хулиганство. Однако каждый из «пострадавших» считает, что противнику мало досталось.

«Я требую,— пишет гражданин С. П. из Орла,— заставить гражданина Н. П. прекратить хождение через мой двор, убрать с моей территории принадлежащие ему доски и впредь не нарушать границы раздела усадьбы. Прошу внушить Н. П., что закон об охране личной собственности нужно уважать», и так далее. А в конце строго: «О принятых мерах прошу сообщить мне незамедлительно». Против кого же направил свой пыл сей строгий «блюститель» законности? Оказывается, против... родного брата.

Отец С. П. и Н. П. умер три года назад, оставив в наследство сыновьям дачу и садовый участок. С тех самых пор и пошла у братьев междоусобица. Как бы ни делили эксперты злополучное наследство, каждый считает, что именно другому достался кусок пожирнее. Вот и кажется С. П., что, положив доски на его территории, Н. П. таким образом хочет отторгнуть на-

ходящуюся под ними грядку и присоединить к своей территории. Тут-то самый раз и сказать: «Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно». Из-за грядки, лишнего куста человек рвет родственные узы, жаждет наказать, «незамедлительно» призвать к ответу единственного брата.

Историю вражды гражданина Ч. с гражданином Т. с трудом вмещает килограммовая бандероль. И все из-за испорченной водонапорной колонки. Каждая из враждующих сторон считает виновной в поломке другую и требует, чтобы именно она произвела ремонт. А пока как Ч., так и Т. ходят за водой чуть ли не в дальний конец улицы. 785 пронумерованных, аккуратно подшитых «документов». Чего тут только нет! И справки о состоянии здоровья гражданина Ч. и его жены, подтверждающие, что носить тяжести на большие расстояния, то бишь ведра с водой, им противопоказано, и акты различных комиссий, свидетельствующие, например, о том, что овощи на огороде Ч. погибли именно из-за недостатка влаги, копии протоколов. Решений заседаний товарищеских судов, заявлений в различные инстанции и ответов из них. Диву даешься, какую настойчивость про-

явил человек, сколько времени, сил потратил на то, чтоб очернить соседа, доказать свою «правоту». Тут не то что колонку починить, а настоящий артезианский колодец давно уж можно было бы вырыть!

Не станем останавливаться на других письмах такого рода. Те же конфликты, зашедшая в тупик многолетняя вражда и требования: пусть выедет комиссия, пришлите корреспондента. А в ответ на отказ злобное: «Нигде нет правды». Погрязшие в склоке «правдолюбцы» никак не хотят согласиться, что есть дела поважней и люди, действительно нуждающиеся в помощи. Им невдомек, что посылать представительную комиссию или корреспондента центральной газеты за тысячу верст для того, чтоб потушить не в меру разбушевавшийся пожар из-за сломанного куста смородины, испорченной колонки и тому подобного,— ничем не оправданное, непростительное расточительство народных средств.

Правда, не так уж и много подобных писем. Ведь такие взаимоотношения — досадное исключение в укладе нашей жизни. Но не замечать их, оставаться к ним равнодушными нельзя. И дело не только в том, что своими пустыми тяжбами «стороны» докучают различным общественным ор-

ганизациям, отнимают массу времени у занятых более важным делом людей, засоряют

жалобами различные инстанции, прокурорские органы и суды. Еще более печально и вредно то, что эти самые «стороны» подают пример злопыхательства, мелкой мстительности подрастающему поколению — своим детям. И потому прямой долг общественности — вмешаться, прекратить никому не нужные распри, дать достойный отпор склочникам. Порой же неоправданно много времени и сил затрачивается на то, чтоб выяснить «кто прав», «кто виноват», тогда как только атмосфера всеобщего осуждения может отрезвить враждующих.

У каждого из нас есть соседи. Меняя место жительства, переезжая на новую квартиру, мы немало тревожимся: какие будут соседи? Ведь так важно, когда рядом чуткие, отзывчивые люди, с которыми можно поделиться радостью, найти у них сочувствие, помощь. Хорошими или плохими окажутся наши новые соседи — очень часто зависит от нас самих, от нашей общительности, умения понимать людей, проявлять к ним участие и внимание, от способности прощать, жертвовать ради других толикой своих удобств.

Добрососедские отношения давно уж стали нормой нашего социалистического общежития. Соседи помогли, научили, посоветовали, подказали...

Как часто мы слышим эти слова и не удивляемся — таковы наши будни. Но бывает, что жизнь ставит нас и соседей в такие обстоятельства, когда по самому большому счету испытываются наше мужество, готовность к самопожертвованию, душевная щедрость. И, как правило, советские люди с честью выдерживают эти испытания. Вот один из примеров...

Два года назад в семью Макаровых из Минска пришла беда. Тяжелый недуг приковал к постели Валентину Макарову — молодую женщину, мать малютки, которому не было еще и месяца. Валентину забрали в больницу, а сына хотели поместить на время в Дом ребенка. Это очень огорчало и молодого отца, и тем более больную мать. И тут на помощь пришла соседка — Лидия Павловна Колесникова. У нее тоже был маленький ребенок, чуть постарше Валиного. Женщина кормила и нянчила обоих малышей целый год, пока ее соседка не поправилась окончательно.

Как часто соседи становятся для нас самыми близкими и дорогими людьми. «На всю жизнь запомнил я тот ясный солнечный день в первый послевоенный год, — рассказывает в письме Петр Иванович Ссдых, — когда в наш переу-

лок свернул высокий солдат с рюкзаком за плечами. Мы с Витькой Черемных, соседским мальчишкой, моим одноклассником, со всех ног пустились ему навстречу. Солдат схватил нас в охапку, обоих сразу, прижал к своей гимнастерке и так донес до самого дома. То был дядя Ваня — Витькин отец. А мой так и не вернулся. И много еще дней потом мы с Витькой бегали встречать дядю Ваню с работы. А он, как в тот первый раз, брал нас на руки, обоих сразу, или рылся в карманах рабочего комбинезона и вручал нам по пакетикку леденцов. В выходные катал на велосипеде, брал с собой на рыбалку. Пришло время, и он отвел нас в школу. С годами мы с Витькой становились все норовистей и упрямее, но у дяди Вани по-прежнему хватало терпения учить уму-разуму нас обоих... Сейчас я уже сам отец двух сыновей, нелегко бывает порою с ними. И я все чаще вспоминаю дядю Ваню. Многим, что есть лучшего во мне, я обязан ему — рядовому солдату, скромному рабочему, человеку большой и щедрой души».

И как уродливы, отвратительны на фоне этих светлых добрососедских отношений те язвы черствости, эгоизма, мелочной мстительности, о которых шла речь в начале статьи.

Есть, конечно, и у меня соседи, и не первые в моей жизни. Самыми же близкими навсегда остались соседи моего детства. Они так и живут в том самом маленьком поселке, из которого я уехала много лет назад, похоронив мать. Мне выпало жить в разных больших городах. Но так уж устроен человек, что дороже всего и милей его сердцу тот клочок земли, где он родился. Вот и тянет меня порою взглянуть на родные места.

— Зачем ты едешь? — спрашивают меня иной раз. — Ведь у тебя там никого нет.

— А соседи?

Я выхожу на маленькой станции, где поезд стоит всего минуту, знакомой тропинкой иду к тому самому дому, вот только стучу не в ту дверь, а в соседнюю. Неподдельная радость встречи, разговоры до поздней ночи! А утром я просыпаюсь и слышу, как шепчутся и хлопчут на кухне, стараясь не шуметь, мой, к сожалению теперь уж старички, соседи, не растерявшие за долгие годы нелегкой жизни своей доброты. В открытое окно ветер доносит нежный аромат цветущих яблонь — такой знакомый. Я вновь дома, в стране своего детства. Спасибо вам за это, мои милые соседи.

Н. САНИНА

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

по следам
неопубликованных
писем.

Увольнение признано правильным

Письмо было тревожным. Оно пришло со станции Соль Артемовского района Донецкой области. Кассир локомотивного депо Л. Чуйко с возмущением писала в редакцию о том, что ее незаконно уволили с работы.

Редакция направила это письмо в Министерство путей сообщения СССР. Вскоре был получен ответ от начальника Краснолиманского отделения Донецкой железной дороги тов. К. Гасиева. И сразу все стало ясно. Согласно ныне действующему законодательству запрещается состоять на службе в одном предприятии близким родственникам и супругам, если эта работа связана с подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому. А муж уволенной А. Чуйко, оказывается, работает заместителем начальника того же депо. Вот почему администрация по согласованию с профсоюзной организацией предложила кассиру перейти на другую работу. Но Л. Чуйко от этого отказалась и начала писать жалобы. Рассматривались они и в Краснолиманском отделении, и в управлении дороги, и в прокуратуре. И всюду действия администрации признавались правильными. Артемовский городской народный суд отказал Л. Чуйко в восстановлении ее в должности кассира депо. Но... никто не в силах был убедить Л. Чуйко в необоснованности ее требований.

Украли мотоцикл...

У жителя города Ферганы М. Тимофеева украли мотоцикл. О случившемся он заявил в городской отдел внутренних дел. Дежурный внимательно выслушал его и успокоил, что все будет в порядке. Прождал М. Тимофеев вызова в милицию неделю, другую... Наконец не выдержал и сходил туда снова. Однако на этот раз в горотделе ему сказали, что о пропавшем мотоцикле ничего не знают, никто его не разыскивает и разыскивать не собирается.

Письмо М. Тимофеева редакция направила в прокуратуру Узбекской ССР. Первый заместитель прокурора республики, государствен-

ный советник юстиции 3-го класса В. Зотов ответил: «Гр-н Тимофеев обращался в отдел внутренних дел города Ферганы с заявлением о краже мотоцикла. Однако это заявление осталось незарегистрированным, и мер к розыску мотоцикла и установлению виновных принято не было. В связи с этой жалобой проводится служебное расследование по факту укрытия преступления от учета и непринятия мер по заявлению. По факту кражи мотоцикла у Тимофеева возбуждено уголовное дело и производится расследование».

Оклад повышен, разница выплачена

Медицинская сестра В. Груздева, которая работает в участковой больнице совхоза «Западный» Павлодарской области, написала в редакцию, что ей не повышают зарплату, хотя право на это у нее есть. Заведующий Павлодарским областным отделом здравоохранения тов. Т. Каирбеков проверил письмо. На основании документов об образовании медсестры и ее трудовой книжки установлено, что В. Груздева имеет право с 17 июня 1974 года получать зарплату 110 рублей в месяц, как сотрудница со средним медицинским образованием и стажем медицинской работы свыше 30 лет. Одновременно было дано указание главному врачу Иртышской районной больницы о выплате медсестре разницы в зарплате за соответствующий период.

Дорожные «зайцы»

Жительница поселка Глубокое Восточно-Казахстанской области З. Цеплухина писала, что некоторые водители маршрутных такси в Чимкенте не следят за тем, чтобы все пассажиры оплачивали проезд, а также отрывали себе билеты.

Для проверки этих фактов Чимкентский таксомоторный парк совместно с представителями горисполкома провели специальные рейды на линиях маршрутных такси. В результате были выявлены недостатки, которые обсуждались на собрании таксомоторного парка. Водители, допустившие нарушения, строго предупреждены. Вместе с тем администрация таксомоторного парка провела ряд специальных мероприятий: во всех машинах РАФ вывешены таблички, напоминающие пассажирам о необходимости приобретать билеты; водителям розданы кондукторские сумки; с ними дополнительно проведены инструктаж о правилах перевозки пассажиров.

НОЧЛЕГ В КАЗЕННОЙ ПАЛАТЕ

РЕПОРТАЖ ИЗ МЕДВЫТРЕЗВИТЕЛЯ

Его ввели с улицы два милиционера, посадили на скамью возле стены, напротив дежурного по медвытрезвителю. Невразумительно что-то бормоча, человек бессмысленно глядел на свой измятый, заляпанный грязью костюм. Он даже не обратил внимания на фотовспышку, которая на мгновение осветила его и номер, укрепленный над головой.

Начальник медвытрезвителя Петрозаводска капитан милиции Леонид Яковлевич Сенников пояснил мне:

— Некоторых мы фотографируем. Бывают задержанные без документов, называют чужую фамилию, ложный адрес. Имея же фотографию «пациента», всегда можно точно установить его личность. И на снимке видно, в каком состоянии был задержанный, насколько «благовиден» его внешний вид. В нашем городе ведется активная борьба с пьянством и алкоголизмом. Проводится воспитательная работа, врачи и юристы читают лекции о том, к чему приводит эта пагубная привычка. Принимаются меры гражданско-правового и медицинского характера, вплоть до принудительного направления в лечебно-трудовые профилактории. И все же пьяницы еще встречаются. Один на дне рождения выпил лишнего, другой побывал с приятелями в ресторане по случаю премии, третий с помощью спиртного хотел сгладить осадок от неприятного разговора с начальником... В общем, причин для возлияний у них много. Но если один употребляет спиртного сравнительно мало, то другой, как говорится, не знает меры. И вот такой человек с видом, оскорбляющим человеческое достоинство, появляется на улицах города. Он может нагрубить, оскорбить кого-то, даже ударить. Помимо этого, теряя равновесие и плохо ориентируясь, сам может попасть под автомобиль, упасть в яму, наконец, замерзнуть в холодную погоду, лежа на снегу. И чтобы предотвратить неприятные последствия,

специальная служба подбирает пьяных на улицах и направляет в медицинские вытрезвители.

В Петрозаводске — столице Карельской АССР — один медицинский вытрезвитель на весь город. Но этого достаточно.

...Пока мы беседуем с Л. Я. Сепниковым, по улицам города патрулируют автомобили спецмедслужбы. Это — утепленные автофургоны, оснащенные радиостанциями. Непрерывно поддерживается связь с городским отделом внутренних дел и с медвытрезвителем. Машины едут по маршруту, отмеченному на специальной карте. На ней обозначены все «горячие точки» — рестораны, вечерние кафе, площадь возле вокзала и другие. По сигналу из ГОВД маршрут может быть изменен.

Дежурный офицер, старший лейтенант милиции Николай Николаевич Вдовиченко принимает очередного пьяного, доставленного в медвытрезвитель.

— Так, — произносит он, раскрывая журнал. — Вологда? Виктор Михайлович? В порту работаете?

Фельдшер Николай Николаевич Селиванов осматривает доставленного: ведь у того могут быть травмы, и он может нуждаться в неотложной медицинской помощи. Но все оказывается в порядке. Раздетого Вологду ведут в палату и укладывают на койку.

А в это время дежурный проверяет. Звонит в адресное бюро, выясняет по картотеке ГОВД, задерживался ли раньше Вологда органами внутренних дел и за что именно, попадал ли в вытрезвитель и какие меры были приняты.

— У нас строго соблюдается порядок, установленный законом, — продолжает Л. Я. Сепников. — Если гражданин задерживается повторно в течение года и в первый раз его штрафовали за появление пьяным в общественном месте, то в этом случае мы передаем материалы на него начальнику ГОВД с тем, чтобы виновного оштрафовали на сумму до тридцати рублей. В ряде случаев направляем сообщение на работу задержанного. Такое письмо пишется на специальном большом бланке с нашим грифом вверху. Сходное сообщение направляем на опорный пункт по месту жительства.

В стол дежурного вмонтирован магнитофон с микрофоном. Все объяснения задержанного, его речь, разговор с дежурным записываются.

Здесь техника помогает службе работников медвытрезвителя. Утром, когда «пациенты» пробуждаются, в палате включается мощный динамик. Транслируется записанная на магнитофон лекция врача о вреде алкоголя, затем обращение сотрудника милиции, в

котором он предостерегает задержанных от плохих последствий поведения пьяного человека.

Вологду «выписали» наутро. Дежурный Н. Н. Вдовиченко выдал ему счет на 15 рублей. Это стоимость услуг, оказанных задержанному работниками медвытрезвителя.

— А вот этих двоих,— показал дежурный на мужчин, угрюмо сидящих в стороне,— направим в горотдел внутренних дел. Вчера они вели себя безобразно, поэтому будем оформлять на них материалы о привлечении к ответственности за мелкое хулиганство.

...Опорный пункт охраны порядка, расположенный на улице Луначарского,— один из лучших в Петрозаводске. Нас встречает здесь председатель совета опорного пункта Василий Алексеевич Вересняк, начальник вычислительного центра Беломорско-Онежского пароходства, Большую и многообразную работу ведет этот опорный пункт. Что делается для искоренения пьянства и алкоголизма? И конкретно, какие меры воспитательного характера будут приняты к Вологде?

— Вологда,— повторил В. А. Вересняк, просматривая списки, поступившие на опорный пункт из вытрезвителя.— Есть такой. Поручим это дело, кстати познакомьтесь,— и представил нам мужчину,— Вейкко Эвертович Андерсон, командир дружины Петрозаводского порта. У них работает Вологда.

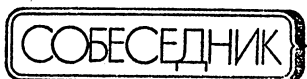
— Самому мне не часто приходится проверять,— говорит Вейкко Эвертович.— Обычно это делают дружинники. Я думаю послать на место жительства Вологды рабочего типографии Николая Макаровича Величко и группового механика нашего порта Юрия Борисовича Турчанинова. Они соберут сведения о нем, побеседуют с членами семьи Вологды, а затем пригласят его к нам, в опорный пункт, на беседу. А потом будет видно, что делать с Вологдой, как его перевоспитывать.

Нелицеприятный разговор с любителем спиртного, как рассказывают дружинники опорного пункта, иногда намного действенней, чем денежный штраф.

Серьезная работа у людей, борющихся с общественным злом — пьянством. И нужная.

**ПЕТРОЗАВОДСК,
КАРЕЛЬСКАЯ АССР**

В. СТРЕЛКОЗ

Плакаты московских художников, экспонировавшиеся на Всесоюзной художественной выставке «Слава труду!», посвященной XXV съезду КПСС.

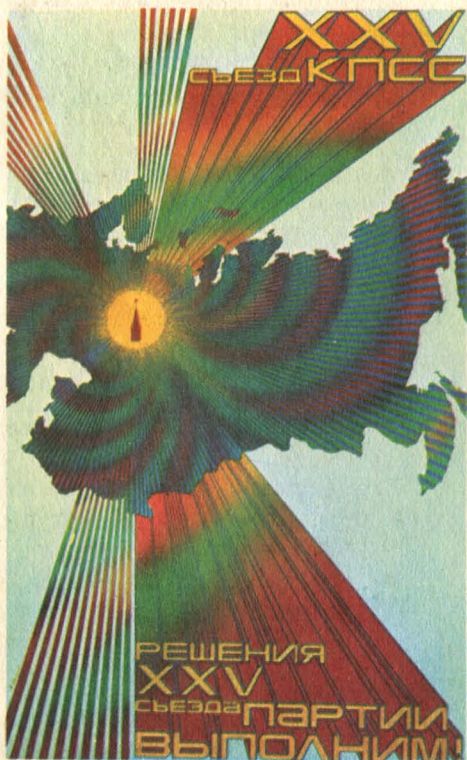

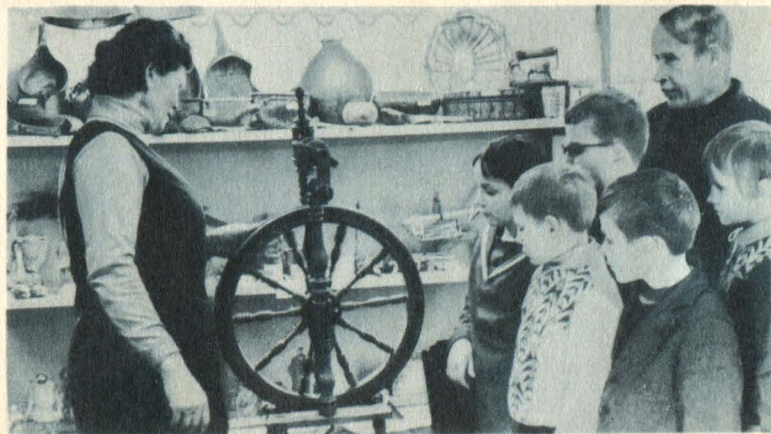
О. САВОСТЮК, Б. УСПЕНСКИЙ.
«Нам нужен мир».

М. АВБАКУМОВ.
«Решения XXV съезда партии выполним!»

В. САЧКОВ.
«Пятилетке качества — наши трудовые победы!»

Фото Н. МАТВИЕНКО, В. ПАВЛОВА.

Работа льноводов не прекращается круглый год. На фото сверху: звено В. Н. Чекановой возвращается с поля.

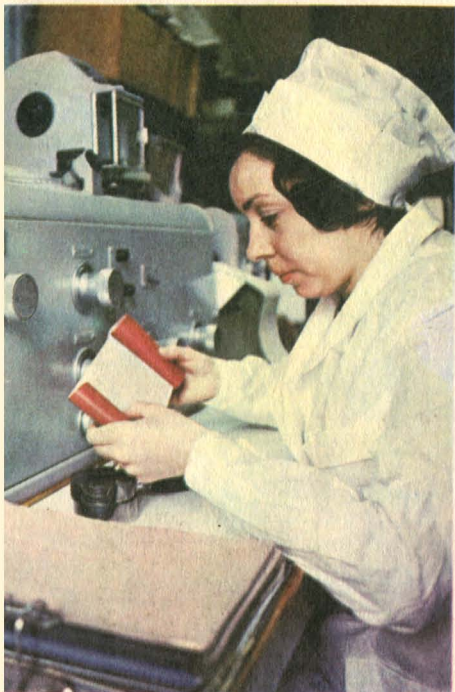
Валентина Николаевна делится своими впечатлениями о XXV съезде партии с депутатами Пожарского сельского Совета (фото слева).

Директор школы А. М. Константинов и В. Н. Чеканова в колхозном музее рассказывают ребятам об истории села (фото слева внизу).

За завтраком обычно собирается семья Валентины Николаевны: муж Иван Семенович и сын Коля (фото внизу).

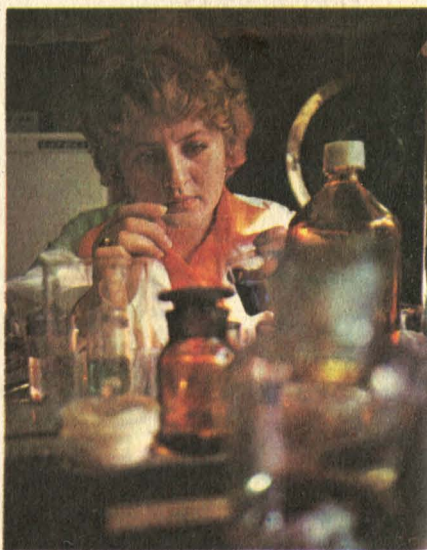
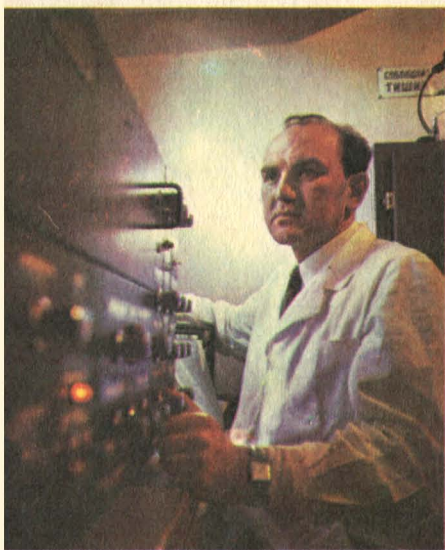
(Читайте очерк «Лен рождается дважды»).

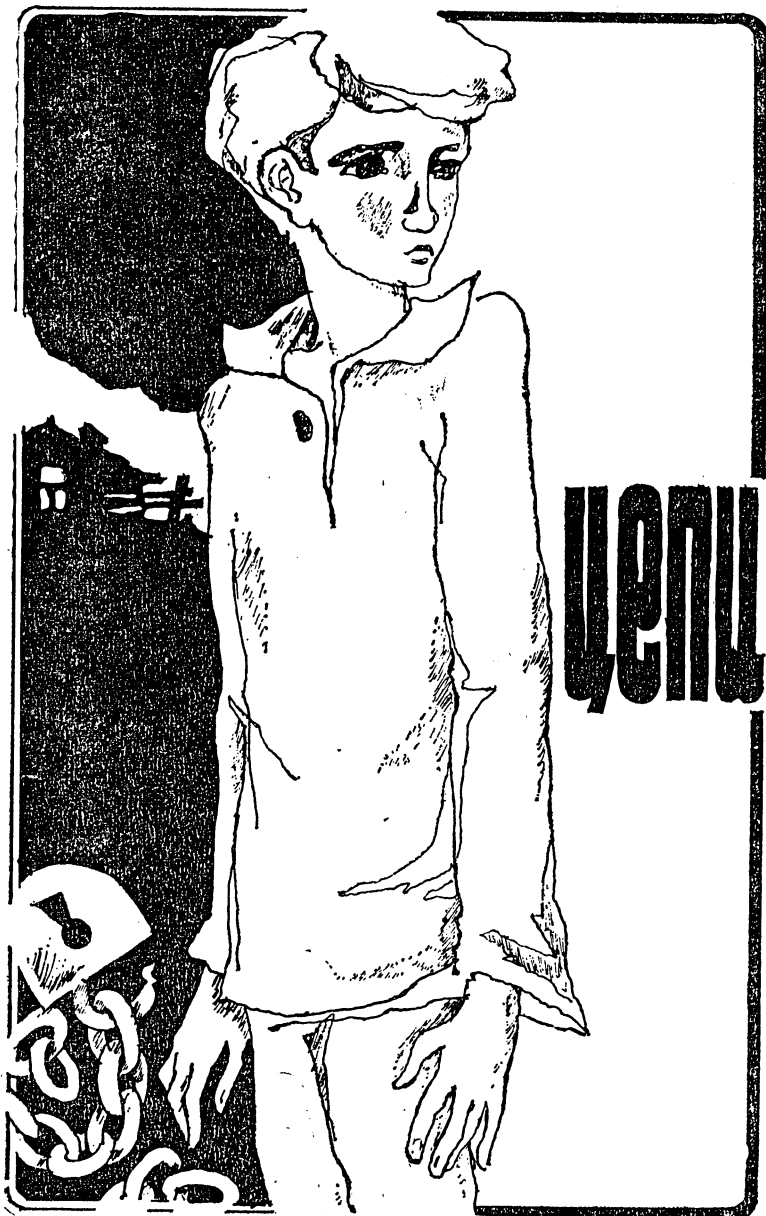

**В научно-исследовательском институте судебной медицины. Научные сотрудники проводят различные исследования объектов судебно-медицинской экспертизы.
(Читайте статью «Судебная медицина на службе правосудия»).**

Фото В. ЗИМИНА.

З А П И С К И П Р О К У Р О Р А

Э Человек и закон № 6

Эта история привлекла мое внимание своей необычностью, я бы даже сказал, невероятностью. Узнал я о ней в очередной командировке в Средней Азии. Знакомясь там с кабинетом криминалистики прокуратуры, обратил внимание на фотографию паренька лет тринадцати-четырнадцати. Худой, высокого роста, с длинными, свисающими ниже колен руками, коротко стриженный, он сидел на стуле в напряженной, неестественной позе. Присмотревшись к снимку как следует, я увидел на ногах у паренька... цепи. Да, да, самые настоящие металлические цепи опутывали его ноги. И это заставило меня немедленно начать расспросы об обстоятельствах столь необычного дела. И вот шаг за шагом стала вырисовываться следующая история.

Александр Зубавин рано остался без отца. У матери кроме него было еще две дочери. Он самый старший. В семью часто приходил дед — отец матери — Иван Пухов, работавший сторожем в детском саду. Было ему уже под семьдесят, но, сухощавый и подтянутый, он выглядел моложе своих лет. Долгое время Пухов состоял в одной из религиозных сект. Когда его дочь Нина Ивановна Зубавина осталась без мужа, он стал утешать ее: на все воля бога, и это несчастье — наказание божье за грехи ее и детей.

Воспитанная в беспрекословном повиновении отцу, Нина Ивановна не смогла противиться его предложению вступить в общину и после установленного для нее испытательного срока стала одной из наиболее ревностных «божьих слуг».

С тех пор в квартире Зубавиных стали собираться верующие. Приходил проповедник, и они читали, а нередко заставляли и детей читать отрывки из Библии. Саша в таких случаях обычно пытался улизнуть из дома, но удавалось это не всегда.

Некоторое время спустя Нине Ивановне намекнули в секте, что не мешало бы приобщить к богу и детей.

— Сеять семя слова божия в чистых и безвинных маленьких сердцах, — говорил ей проповедник, — долг каждого верующего, соблюдение заветов священного писания.

И Нина Ивановна вскоре покорно привела своих дочек и сына в молитвенный дом.

Саша заметил: кое-кто из верующих, как и его мама, привел с собой детей. Входя в молельную комнату, все крестились. Затем бородатый проповедник, в очках с золотыми дужками, стал что-то говорить о боге. И хотя говорил он громко и выразительно, Саша и его сестренки многого не понимали и быстро потеряли интерес к

происходящему. Но вот проповедь кончилась, и все стали дружно молиться. Особенно когда каждый начал просить у бога помощи. Непонятные в большинстве слова молитвы Саша твердил с единственной целью — не раздражать и не сердить мать, которую очень любил.

Молитвы кончились, и все вдруг стали петь. Саша уловил мотив знакомой песни, но вот слова были почему-то совсем другие.

Затем верующие разошлись.

Отпуская на следующий день сына в школу, мать строго-настрого запретила ему рассказывать там что-либо о молитвенном доме.

Для Саши наступили тяжелые дни. Кроме занятий в школе он должен был заучивать наизусть целые главы из Библии и регулярно ходить на моления. Не удивительно, что все это отразилось на его учебе. В дневнике и тетрадях все чаще стали появляться «тройки». «Ленится парень»,— решили учителя. Нину Ивановну все чаще вызывали в школу. Педагоги удивлялись, как это совсем недавно способный ученик стал значительно хуже заниматься. Просили принять меры, воздействовать на нерадивого сына.

Приходя домой, Нина Ивановна «принимала меры»: брала ремень и с ожесточением хлестала сына. Затем, отбросив ремень, неистово, с каким-то отчаянием, начинала молиться.

Младшие, затаясь, испуганно молчали.

Трудное положение, в котором оказался Саша, вызвало у него реакцию — парень стал неумеренно дерзить старшим. И вот на дерзость и озорство, как «определили» учителя его несогласие с навязываемым ему образом жизни, они и обратили внимание. Эти, по их мнению, основные черты характера Зубавина были подробно описаны потом в характеристике, представленной следователю.

С возрастающей неохотой, только главным образом подчиняясь воле старших, Саша еще ходил на моления, но вскоре его терпению пришел конец. Он попытался уклониться от этого. Зная часы и дни посещения молитвенного дома, паренек незадолго до назначенного времени под различными предлогами убежал на улицу. Но мать и дед быстро раскусили обман и после первых же отлучек перестали выпускать его из дома. Тогда он начал прятаться на чердаке и, несмотря на уговоры и угрозы, что «бог накажет», «вот только не спустись, жрать не будешь»,— упорно отсиживался там до их ухода.

Раздражение в семье достигло предела. Даже младшие сестренки начали сердито смотреть на Сашу и уже не хотели, как раньше, играть с ним. Наслушавшись разговоров матери и деда, дети стали подражать старшим. Нелегко, конечно, было им разобраться в том, что уже понял их брат: религия только отвлекает от всего интерес-

ного, радостного в жизни, от школы, игр, товарищей. Правда, было одно довольно печальное обстоятельство: настоящих товарищей, которым он мог бы полностью довериться и открыть сокровенное, Саша не имел.

Могут спросить: ну, а как же пионерская, комсомольская организации школы? Разве они не обратили внимания на странную метаморфозу в поведении Александра? Ответ, к сожалению, можно дать только отрицательный. Возможно, потому, что из пионерского возраста Саша уже вышел, а в комсомол еще не вступил? Но в школе и этим не особенно интересовались, хотя кроме Зубавина таких «потерявшихся» подростков было здесь немало.

Вот так Саша и оказался один в неравной борьбе за право быть свободным от религии. И, пожалуй, борьба эта могла бы быть им проиграна: слишком уж многое было против него. К счастью, все сложилось по-другому. Не последнюю роль тут сыграл и довольно твердый, не по возрасту, характер Александра, его пытливый ум. Саша понимал, что мать находится под влиянием деда. В этом он убеждался ежедневно и ежечасно. И если бы не Пухов, то едва ли у нее хватило бы решимости насильно вовлечь сына в секту. Понимая это, Александр, естественно, с каждым днем проникался к деду недобрыми чувствами.

В свою очередь Пухов и Нина Ивановна тоже стали понимать, что в поведении их внука и сына кроется не простое упрямство, а нечто большее — активный протест. А потому они изменили свое отношение к нему. Теперь уже Пухов, не пытаясь казаться добрым наставником неразумного паренька, злобно шипел про «исчадие дьявола» и непрестанно думал, как бы сломить упрямство внука. Всячески настраивал против него мать.

Любила ли Нина Ивановна сына? Трудно ответить однозначно. Александр был ее первенцем, свидетелем самого хорошего времени в ее жизни. Конечно, в душе у нее сохранились теплые чувства к старшему сыну. Но ранняя смерть мужа надломил Зубавину, и она попыталась найти утешение в религии. Это обстоятельство в какой-то мере изменило и ее отношение к детям, отодвинуло их на задний план. Отсюда любое несогласие или проявление непочтения к богу вызывало у нее нарастающее раздражение. Тем более если все это исходило от собственного сына...

Сейчас трудно сказать, как у матери и деда возникла страшная идея — покарать «заблудшего отрока». Ни Пухов, ни Зубавина так и не смогли (а скорей всего не пожелали) объяснить свои поступки. Видимо, упорное нежелание парня «приобщиться» к богу было на-

столько велико, что затмило у них самые простые человеческие чувства.

Но факт есть факт. В один из дней, когда Александр в очередной раз заявил, что не хочет идти с ними в молельный дом, Пухов схватил его и повалил на пол. Попросил Нину Ивановну поддержать сына, чтобы не вырвался. Затем, пока недоумевающий Саша соображал, что же с ним хотят сделать, достал принесенные заранее... железные цепи. Именно цепи, подобные тем, в которые когда-то заковывали каторжников. Дед с лихорадочной быстротой завозился и стал надевать их, а вернее — опутывать внуку ноги. И только тогда Александр все понял. Понял и из последних сил стал сопротивляться. Но сделать уже ничего не мог. Крики и слезы не помогли. Пухов стянул цепями его ноги и навесил приготовленные замки.

Ну, а что мать? Колыхнулась ли у нее жалость к сыну, дрогнуло ли ее сердце в эту минуту? Сейчас известно, что нет. Во имя бога, которому поклонялась, она решилась на духовное и физическое насилие над сыном. Впрочем, духовное насилие стало совершаться значительно раньше. Но тогда оно не было таким изуверским, как сейчас — в соединении с насилием физическим.

Боль отчаяния заполнила всего Александра. Примешивалась к этому и горечь от предательства самого близкого человека — матери. Деда он уже давно считал чужим.

Вскоре все было кончено. Взрослые и сестренки Александра стали собираться на молитву. Дверь заперли на замок, видимо, для верности дернули ее: закрылась ли? Саша остался один. Когда боль немного поутихла, мальчик стал думать, что же можно сделать. Не известно, надолго ли его спутали цепями. Дед грозил не пускать его и в школу, пока не покорится. Значит, надолго. Посмотрел еще раз на цепи, на два тяжелых навесных замка. Открыть их едва ли удастся. Как быть? Медленно тянулось время. Лишь изредка доносились звуки проезжавшей машины, голоса редких прохожих: дом находился на одной из окраинных улиц. Саша невольно вслушивался в эти звуки. Посмотрел на открытую форточку: а ведь пролезу. Поднялся и медленно, преодолевая боль, стал двигаться к окну. Подставил скамейку, кое-как взобрался на подоконник и, подтянувшись, протиснулся в форточку. Еще мгновение, и он уже на земле.

Все это, конечно, не осталось незамеченным, и в первую очередь — соседями. Они вызвали милицию. Сашу отправили в поликлинику.

Судебно-медицинский эксперт дал заключение о причинении Зубавину телесных повреждений. Он, конечно, не мог измерить тя-

жесть душевной травмы, нанесенной Александру. В какой-то степени это попытка сделать следователь, а затем суд.

...Нина Ивановна сидела сгорбившись и, глядя в одну точку, коротко отвечала на вопросы судей. Казалось, что сама она находится в совершенно другом мире. Что это за мир? Тот, ради которого она поступилась сыном? А может быть, почувствовала тяжесть невидимых цепей, опутавших ее?

Пухов держался совсем по-другому. Он отрицал насилие в отношении внука, а объяснял все желанием «попугать» его: чтобы поменьше бегал на улицу. Но истину было не так уж трудно установить. Суд детально разобрался во всем и изобличил фанатика.

И вот приговор. За незаконное лишение свободы подростка, сопровождавшееся причинением ему физических страданий, Пухов, как организатор преступления, осужден на два года лишения свободы. Нина Ивановна Зубавина получила тот же срок, но условно.

Она уже сделала для себя кое-какие выводы. Были у суда основания полагать, что Нина Ивановна не сделает больше такого шага, не предаст своих детей. Не стоило изолировать Зубавину еще и потому, что на иждивении у нее две дочери. Почему только дочери? В судьбу Саши вмешалась общественность, и, учитывая всю тяжесть случившегося, его устроили в школу-интернат.

Перемена обстановки, новые товарищи, внимательное и чуткое отношение преподавателей, хотя и не сразу, изменили его характер и отношение к жизни. Прошло время, Саша закончил школу. Решил поступить в геологическую партию. Для него началась новая, интересная жизнь землепроходца.

Л. ЮЖАКОВ,
старший советник юстиции

СЕРГЕЙ ВЫСОЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

НАВОДНЕНИЕ

С главным героем повести «Наводнение» подполковником Корниловым многие читатели уже, наверное, знакомы по предыдущим произведениям Сергея Высоцкого «Пропавшие среди живых» и «Выстрел в Орельей гриве».

С завода, где Корнилов работал в молодости слесарем, он был направлен в органы внутренних дел. За пятнадцать лет Игорь Васильевич стал одним из опытейших сотрудников уголовного розыска.

Корнилов всегда стремится раскрыть первопричины правонарушения. Такой углубленный подход позволяет не только успешно вести розыск преступников, но и осуществить эффективные профилактические меры.

В остросюжетной повести «Пропавшие среди живых» Корнилов возглавляет операцию по поимке похитителей автомобилей. Во второй повести — «Выстрел в Орельей гриве» — ему удастся распутать сложнейший узел, казалось бы, непровержимых улик и, отказавшись от первоначальной версии, вместе со своей группой быстро выйти на след преступника.

Автор позволяет читателям заглянуть в лабораторию уголовного розыска, показывает, что коллективный процесс раскрытия преступления во многом зависит от личных качеств и профессиональных знаний сотрудников угрозыска.

В новой повести С. Высоцкого, которую журнал начинает печатать в этом номере, автор показывает своего героя опытным организатором, наставником молодых коллег. Уверен, что повесть будет прочитана с интересом.

**Н. ЧИСТЯКОВ,
генерал-лейтенант юстиции**

Рано утром подполковнику Корнилову позвонил домой старший лейтенант Алабин из Василеостровского угрозыска.

— Что у тебя там стряслось? — ворчливо спросил Корнилов. — Не дашь хорошему человеку кофе попить...

Алабин несколько лет проработал вместе с Игорем Васильевичем на Литейном, в управлении внутренних дел, и Корнилов считал его своим учеником. Он сам и выдвинул Алабина в заместители начальника угрозыска райотдела.

— Товарищ подполковник, вы извините, что дома беспокою, — виновато сказал Алабин. — Но тут у нас такое дело... Подумал, что заинтересуетесь.

— Давай, выкладывай, — поторопил Корнилов. — Виниться потом будешь.

— К нам мальчишка пришел, к дежурному. Тот, который видел нападение на кассира. Костя Горюнов. Помните?

— Ты мне вопросов не задавай. Дело говори!

— Альбомчик принес Костя. С видами Ленинграда, — голос у Алабина стал чуть-чуть торжественный. — И на одной фотографии, между прочим, грабитель собственной персоной!

— Как утверждает школьник Костя Горюнов? — уточнил Корнилов,

— Ну да. Как утверждает... — в голосе Алабина уже не чувствовалось ликующих ноток. Сдержанность подполковника, видать, охладила старшего лейтенанта.

— Интересно. Он у тебя, этот Костя?

— В райотделе. Я ведь тоже из дому звоню. Через десять минут буду там.

— И я подъеду. — Корнилов посмотрел на часы. Было пятнадцать минут девятого. — К девяти жди. — Он повесил трубку и подумал: «Раненько же прибежал мальчишка в милицию. А вдруг и правда не обознался? Только уж больно чудно — в альбоме нашел. Там ведь так заретушируют — маму не узнаешь».

Два дня назад в Тучковом переулке было нападение на кассира института НИИхиммаш Любу Нестерову, которая несла зарплату работникам филиала. Грабитель ударил Нестерову ножом, выхватил чемоданчик с деньгами и скрылся.

Свидетелями нападения оказались вахтер института старик пенсионер Симонов и ученик пятого класса Костя Горюнов, отпущенный в тот день с урока физкультуры. Ни тот, ни другой не запомнили особых примет грабителя. Старик, как оказалось, плохо видел, а мальчик, наверное, очень растерялся. Он только твердил, что нападавший был огромного роста и с ножом. Единственное, что заметил вахтер Симонов, — преступник убежал во двор дома номер семнадцать. Двор этот был проходным.

Когда на место происшествия прибыла оперативная группа, Нестерова уже находилась в машине «скорой помощи». Ее вызвал маль-

чик, увидев, что кассир ранена. А старик вахтер с перепугу долго не мог набрать номер телефона милиции.

Служебная собака след преступника взять не смогла.

Следствие, конечно, заинтересовал вопрос, почему Нестерова шла с деньгами одна, без охраны. Оказалось, что в институте каждый раз ей давали в провозатые разных сотрудников, из тех, кто оказывался под рукой. Иногда люди отказывались или соглашались, а потом задерживались где-нибудь. Заходили по дороге в магазин, а то и просто пива выпить. Так произошло и на этот раз. Инженер Студенкин, согласившийся сопровождать кассира, задержался на Среднем проспекте у пивного ларька...

Несмотря на энергичные меры по розыску преступника, первые два дня результата не дали. И вот звонок Алабина...

В темноватом коридоре Василеостровского райотдела рядом с доской объявлений висела фотография мужчины в траурной рамке. Лицо его показалось Корнилову знакомым, и он задержался у портрета. Руководство и партбюро извещали о кончине пенсионера, бывшего начальника паспортного отдела майора Николая Николаевича Мавродина.

— Вот оно что... — прошептал Корнилов и вдруг ощутил жгучее чувство стыда и горечи от сознания неисполненного долга, которого теперь уже ему не выполнить никогда...

«Гражданская панихида в клубе фабрики имени Урицкого... Похороны на Волковом кладбище в 10.00». Корнилов дочитал некролог и долго стоял, вглядываясь в фотографию. Моложавый, с веселыми глазами, человек на снимке мало походил на тучного, медлительного Мавродина, каким привык видеть его Корнилов в последние годы.

В кабинет Алабина он вошел пасмурный, молча пожал руку старшему лейтенанту и тяжело опустился на стул.

— Ну, что тут у тебя, Василий?

На лице старшего лейтенанта мелькнула гримаса разочарования, отчего он стал похож на обиженного мальчишку. Алабин считал, что новость, ради которой они встретились, заслуживала большего внимания. Корнилов почувствовал это и сказал примирительно:

— Ты на мое настроение внимания не обращай. Прочитал про Мавродина, расстроился. Я столько лет старика знал. В большом долгу был перед ним... Показывай свои картинки.

Алабин пододвинул ему большую, почти квадратную книжку, раскрытую на середине. На развороте были две цветные фотографии. На одной из них, расположенной справа, — на переднем плане фонтан, а за ним, на другой стороне Невского проспекта, высился Дом книги. Пестрая толпа текла по тротуару. Но фигурки людей маленькие, изображение смазанное, расплывчатое, безликое.

Корнилов перевел взгляд на левую фотографию. Удивительно живой и яркой была она. словно окошко в жизнь, стоп-кадр из уличной хроники.

...У входа в Дом книги девушка в красивом, лиловыми цветами платье торгует с лотка. Порыв ветра распушил ее волосы. Пожилая дама, внимательно разглядывающая книги, придерживает белую соломенную шляпку. Молодой парнишка в распахнутой на груди рубашке, чуть прищурившись от яркого солнца и склонив голову на-

бок, держит книжку в руках. Маленький мальчик в красной панамке, сдвинутой на затылок, умоляюще смотрит на мать — красивую женщину с гладко зачесанными на прямой пробор черными волосами. Идут мимо прохожие. Сосредоточенные, улыбающиеся, хмурые... Идут троллейбусы, автомашины. Солнце, ветер. И среди этой летней сутолоки, такой обычной для Невского проспекта в полуденные часы, еще одна фигура — молодой мужчина в белой, с широкими синими полосами рубашке. Светлый пиджак перекинут на сцепленных у живота руках. Простое, ничем не примечательное лицо, рассеянный, отсутствующий взгляд. Мужчина казался явно лишним, чужим среди спешащих, занятых делом людей. Он стоял рядом с книгами, разложенными на лотке, и никакого интереса к книгам не проявлял.

«Какое отрешенное у парня лицо»,— подумал Корнилов и спросил:

— Он?

Алабин кивнул.

— Мальчишка уверенно говорит? Не сомневается?

— Никаких сомнений. Я с ним уже побеседовал. Волнуется, но твердит одно: тот бандюга. Мы ведь, товарищ подполковник, почитали старые Костины показания. Он говорил тогда, что на кассира попал здоровенный дядька, лохматый и с большим ножом... А этого,— Алабин ткнул пальцем в молодого человека на фотографии,— ни здоровым, ни лохматым не назовешь. Правда ведь?

— Не назовешь,— согласился Корнилов.— Росту в нем не более ста шестидесяти пяти. Не дотянул до Геркулеса. Женщины-то на снимке, пожалуй, повыше его.

— Но в том, что Косте преступник гигантом показался, ничего странного, по-моему, нет,— продолжал Алабин.— Такое не каждый день увидишь. Испугался, а у страха глаза велики. Верно я говорю, товарищ подполковник?

— Верно. Где парень-то?

— В паспортном отделе его чаем поят.

У Корнилова при упоминании о паспортном отделе встало перед глазами доброе широкое лицо Мавродина.

— Позови. Потолкуем еще раз.

Алабин вышел, а Корнилов стал внимательно рассматривать альбом. Судя по выходным данным, альбом Лениздата только что поступил в продажу. Сдан в набор в августе семьдесят четвертого, подпisan в печать в июле семьдесят пятого...

«Почти год в работе! А снимки наверняка делались много раньше,— подумал подполковник.— Сколько воды утекло».

В аннотации было сказано, что в альбоме представлены снимки десяти фотокорреспондентов.

«Многовато, конечно, но в издательстве же известно, кто какие делал фотографии. Найдем и того, кто снимал у Дома книги. Да только что это даст? Ведь это не семейный портрет, где известно, кто есть кто».

Пришел Алабин с мальчишкой.

— Константин Сергеевич Горюнов, товарищ подполковник, ученик тридцатой школы,— представил он мальчишка, остановившегося у дверей.

— Проходи, Костя,— пригласил Корнилов.— Присаживайся.

Мальчик подошел к столу и сел. Внимательно, не мигая, посмотрел на Игоря Васильевича, осторожно поправил пшеничный чубчик. Глаза у него были голубые, настороженные.

«Серьезный товарищ,— подумал Корнилов.— На фантазера не похож».

— Меня зовут Игорь Васильевич. Я из уголовного розыска города. Товарищ старший лейтенант мне уже все рассказал,— Корнилов кивнул в сторону Алабина.— Но кое-что мы хотели бы с ним уточнить еще раз.

Мальчик согласно кивнул головой.

— Ну и прекрасно! Не будем отвлекаться от главного,— Корнилов раскрыл альбом и подвинул его мальчику.— Константин, в тот день, в переулке, преступник одет был так же?

— Нет.

— А что на нем было?

Мальчик тяжело вздохнул и посмотрел на Алабина, словно искал у него поддержки.

— Не помнишь?

— Не помню,— тихо сказал Костя и неожиданно заговорил с горячностью: — Я даже не знаю, как это вышло, что забыл! Вспоминал, вспоминал! Никак не вспоминается,— он сморщил лоб и покачал головой, осуждая себя за такую промашку. Чубчик снова съехал ему на глаза.

То, что мальчишка не стал ничего придумывать, а честно сказал, что не может вспомнить одежду преступника, порадовало подполковника. С большим доверием можно было отнестись ко всем остальным его показаниям.

— Костя, здесь на фото человек, которого ты считаешь преступником, одет совсем легко, в полосатой рубашке. А тогда? Что на нем было? Темное? Светлое? Костюм, плащ?

— Не помню я.

— Ну ладно, не велика беда.— Корнилов улыбнулся.— Ты куда шел, Костя, в тот день?

— Домой. Портфель хотел занести — и на Острова... Меня с физкультуры отпустили.

Горюнов отвел глаза в сторону, и подполковник подумал: «Небось с физкультуры-то ты сбежал».

— И шел ты, Константин, домой веселый и довольный. Да? Погода хорошая, уроков, наверное, мало задали...

— Мало,— рот его расплылся в улыбке.

— А думал о чем?

Костя замялся.

— Ну... Шел... Думаю, зайду домой, поем — и на троллейбус.

— Шел, значит, шел... Свернул со Среднего в переулок... Тебе, кстати, в переулке никто навстречу не попался?

— Нет,— подумав, ответил мальчик.— Никого в переулке не было. Только впереди тетенька шла. Кассир. А этого я сразу и не заметил.

— Они не разговаривали?

Мальчик отрицательно мотнул головой.

— Этот мимо прошел. Потом обернулся и — ножом..

— А в руках у него, кроме ножа, ничего не было? Чемодана, портфеля?

— Ничего, Ой, я вспомнил! — неожиданно звонко крикнул Костя. — Он же в свитере и в пиджаке был!

— Цвет, цвет свитера не запомнил? — наклонившись к мальчишке, с надеждой спросил Корнилов.

— Да кто его знает! Какой-то серо-буро-малиновый.

— С цветом все ясно, — сказал подполковник, подмигнув мальчику. — Серо-буро-малиновый! Предельно точно.

Костя хихикнул, но тут же спохватился и виновато посмотрел на Корнилова.

— А куда он побежал потом, ты не вспомнил? — Корнилов знал, что в беседе со следователем Горюнов не смог указать, в каком направлении убежал преступник.

— Нет, не вспомнил. Я к тетеньке кинулся... А потом «скорую» вызывать.

— Ну что ж, Костя, спасибо тебе. Большую ты нам помощь оказал. — Игорь Васильевич встал и подал Горюнову руку.

Костя протянул свою маленькую ладошку и заулыбался. Улыбка у него была чуть-чуть смущенная и добрая.

— Игорь Васильевич, обидно, что я не заметил, куда он побежал! — сказал Костя.

— Ты все правильно сделал, Константин. Сначала надо о пострадавшем думать. Молодец! А сейчас товарищ старший лейтенант приглашает следователя, который ведет дело... Ты ведь уже встречался с ним?

Костя кивнул.

— Ну и прекрасно. И кого-то из родителей вызовем.

Мальчик вздохнул.

— Не вздыхай, так положено. Кто на первом допросе был? Папа? Мама?

— Мама...

Мальчишечье самолюбие было явно задето.

— Вы его поймаете? — спросил Костя, когда Игорь Васильевич уходил.

Корнилов кивнул.

«Поймаем-то поймаем, только вот когда?» — подумал он.

2

Корнилов понимал, что находка Кости Горюнова может привести к успеху. К быстрому успеху. А вдруг мальчишка ошибся? Мало ли бывает случаев, когда и взрослые ошибаются в такой драматической обстановке! И тогда пропали даром усилия многих людей, упущено время... Но никакой другой серьезной зацепки в деле не было. Версия о причастности к ограблению кого-то из работников института маловероятна. Корнилов решил: надо рискнуть. И следователь Аверин, ведущий дело о нападении на кассира, тоже считал, что надо довериться приметливости мальчишка.

Но прежде чем разыскивать продавщицу, торгующую книгами

на снимке из альбома, Игорь Васильевич решил съездить на место происшествия.

...Он медленно шел по Тучкову переулку, еще и еще раз стараясь мысленно воспроизвести картину преступления. Вот здесь, вдоль стены церковного дворика, по старинному тротуару из щербатых известняковых плит шла кассирша. Со стороны Среднего проспекта. Преступник шел ей навстречу. И поэтому вахтер, видевший кассира из окошка проходной, не разглядел лица преступника. Да, собственно, он ничего не разглядел... Не запомнил ни одежды, ни роста нападавшего. Вот и теперь, долго и внимательно разглядывая несколько фотографий из альбома, вахтер покачал головой:

— Нет, не припомню,— и виновато посмотрев на Корнилова, добавил: — Не могу узнать, спину только и видел.

А мальчишка узнал...

Игорь Васильевич вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит, и оглянулся. Переулок был пуст. Только в конце его, у самой набережной шли два офицера. Корнилов стал разглядывать окна соседнего дома и встретился взглядом с каким-то стариком, сидевшим в квартире первого этажа. Он смотрел на Игоря Васильевича пристально, не отводя глаз. Корнилов слегка поклонился старику, и ему даже показалось, что и старик чуть заметно кивнул.

«А ведь дед наверняка пенсионер. Сидит у окна, разглядывает прохожих от нечего делать. Или гуляет где-нибудь поблизости. Может быть, он что-то видел? Хотя тут ведь всех опрашивали...»

Подумав так, Корнилов все же пошел в жэк и выяснил, кто живет в той квартире, откуда выглядывал старик. Паспортистка, полистав свои книги, сообщила ему, что четвертую квартиру занимает семья Казаковых. Мать со взрослым сыном и большой дед.

На лестнице было темно. Откуда-то, наверное из подвала, тянуло холодом, запахом сырых дров. Игорь Васильевич зажег спичку и с трудом разглядел цифру «4» на огромной обшарпанной двери и старинный звонок с надписью «прошу повернуть». Он повернул. Дверь тотчас отворилась, словно Корнилова уже давно поджидали. На пороге стоял мужчина лет двадцати восьми — тридцати с красивыми, уложенными волной волосами. Судя по гримасе разочарования, промелькнувшей на его худом, чутьчку аскетичном лице, мужчина кого-то поджидал.

— Вы к кому? — спросил он после секундного замешательства.

— Прошу прощения,— сказал Корнилов, доставая удостоверение. — Я из уголовного розыска. Мне бы хотелось поговорить...

Еще не закончив фразы, он увидел, как лицо мужчины стала заливать краска. Корнилов давно уже не придавал значения тому, как реагируют люди на неожиданный приход милиции. Растерянность или спокойствие, бледность или краска на лице — это могло равно ничего не значить. Нужно было хорошо знать человека, чтобы делать выводы.

— Мне бы хотелось поговорить с товарищем Казаковым. Вас зовут Игнатий Борисович?

— Да. Проходите, пожалуйста,— пригласил мужчина, справившись с растерянностью. — Вот сюда можно повесить плащ... — он отступил от дверей, пропуская Корнилова.

— Два дня назад здесь, в переулке, ограбили кассира. Это про-

изошло днем, но, может быть, кто-то из вашей квартиры находился дома? И смотрел в окно...

— К нам уже приходили из милиции,— словно бы обрадовавшись, быстро ответил мужчина.— Разговаривали с мамой.— Он открыл дверь в большую, тесно заставленную мебелью комнату. Усадив Корнилова в скрипучее кресло, сам присел на краешек стула, всем своим видом показывая, что визит Корнилова в эту квартиру случаен и тотчас закончится.— Ни меня, ни мамы в то время не было дома.

— Вы живете втроем?

— Да. Третий — дед. Но он уже много лет болен... Паралич.

— А ваш дедушка ничего не видел, Игнатий Борисович?

Казakov развел руками и снисходительно усмехнулся.

— Вы понимаете, дед...— он понизил голос и, оглянувшись на прикрытую дверь в другую комнату, покрутил длинными пальцами у головы.

Корнилов вспомнил очень пристальный, но вполне осмысленный взгляд лохматого старика и подумал: «Неужели у сумасшедшего может быть такой умный взгляд?»

— А если мне попробовать поговорить с ним?

— Но ведь он болен... Не повредит ли это ему? — с сомнением произнес Казаков.— Можете попытаться, впрочем...

Он поднялся со стула и сделал несколько шагов в нерешительности, будто надеясь, не передумает ли Корнилов. Игорь Васильевич отметил, что у Казакова ладная спортивная фигура, и почему-то подумал: «Интересно, он еще не женат или успел уже развестись? Хотя, впрочем, с больным дедом, наверное, забот немало».

Они вошли в большую, узкую комнату, и в нос резко ударил затхлый воздух. Корнилов только чуть позже понял, что все здесь провоняло сигарным дымом. Первое, что бросилось ему в глаза,— старое штурвальное колесо на стене и в нем поблекшая фотография большого парохода. Длинная труба придавала пароходу старомодный вид. Еще на нескольких развешанных на стене фотографиях в черных, посеревших от пыли рамках тоже были изображены пароходы.

Масса старых журналов на полках вдоль стены, просто разбросанных на полу, на маленьком круглом столике. Но Корнилов тут же отвел глаза от них и взглянул в окно. За легкой кружевной занавеской, за пыльным стеклом огромного венецианского окна виднелись ограда церковного дворика и кусок переулочка. Перед окном в кресле-каталке сидел человек. На скрип двери он обернулся, и Корнилов узнал его. Это был тот самый старик, которого он видел с улицы.

— Здравствуйте,— сказал Игорь Васильевич.

Старик кивнул.

— Он немой,— прошептал Игнатий Борисович, глядя в сторону.— И слышит плохо. Ему надо писать. Да вы присаживайтесь,— он пододвинул Корнилову стул с высокой резной спинкой.— Вот тут и бумага у нас всегда лежит...

Старик смотрел с интересом, и Корнилову показалось, что он рад его приходу. Взяв из стопки лист бумаги, Игорь Васильевич на-

писал: «Два дня назад в Тучковом переулке напали на кассира. Вы ничего не видели из окна?» Закончив писать, он протянул листок старику и хотел дать карандаш, но тот проворно вытащил из нагрудного кармана суконного френча шариковую ручку и стал медленно писать на том же листке.

Корнилов вдруг спохватился, что не знает, как зовут старика, и спросил об этом у Казакова-младшего.

— Григорий Иванович.

В это время в прихожей хрипло тренькнул звонок, и молодой Казаков пошел открывать дверь. Старик неожиданно, рывком наклонился к Корнилову и сказал хриловатым голосом:

— Скажите ему...— он кивнул лохматой головой на дверь,— пусть оставит нас вдвоем,— и уселся, как ни в чем не бывало.

Корнилов растерянно кивнул. «Вот тебе и номер! Казаков-старший, видать, большой хитрец».

Старик продолжал медленно и старательно писать. Вошел внук и в нерешительной позе остановился рядом. Он словно бы хотел сказать: «Ну как, убедились, что дед вам ничем не может помочь? Тогда до свиданья, у меня дела».

— Игнатий Борисович, вы не беспокойтесь.. Мы с вашим дедушкой побудем тут одни.

Игнатий Борисович удивился, чуть вскинув брови.

— Пожалуйста, пожалуйста, если дедушка что-то видел...— Он постоял несколько секунд и вышел, притворив дверь.

Старик подкатил свое кресло вплотную к Корнилову и прошептал:

— Вы не удивляйтесь. Спрашивайте. Я как увидел вас в переулке, сразу понял, откуда вы. И как на кассира напали, я видел.— Говорил он медленно, с трудом.

— Почему же никому не сообщили об этом? — тоже шепотом спросил Корнилов, понимая, что в первую очередь надо расспросить старика о том дне, а не удивляться его мнимой болезни. Надо было поскорее узнать главное — видел старик преступника или нет?

— А меня не спрашивали,— он хихикнул и, приложив длинную, узловатую руку к лицу, пробарабанил пальцами по щеке. Пальцы у него были такие же тонкие и длинные, как у внука.— А вы вот пришли ко мне...— Он оглянулся на дверь.— Вас как зовут?

— Игорь Васильевич.

— Ну, так что же вы хотите знать?

Корнилов быстро развернул альбом с фотографиями и стал листать, показывая старику -те снимки, на которых были люди.

— Отодвиньте, отодвиньте. У меня дальновзоркость...— Он смотрел очень внимательно, прямо впивался в фотографии.

— Может быть, опознаете кого-нибудь из участников...— стал объяснять Корнилов, но старик нетерпеливо махнул рукой.

Снимок у Дома книги был четвертым или пятым, и Корнилов весь напрягся, когда Григорий Иванович, чуть прищурившись, задержал на нем взгляд. Через мгновение он ткнул пальцем в задумчивого паренька. В того самого...

Корнилов облегченно вздохнул.

— Он, он! — возбужденно шептал старик.— Но вы мастерал Мастерал! Вот где разыскали...

В соседней комнате раздались голоса, и старик отодвинулся от Корнилова, склонился снова над бумагой. Руки у него дрожали сильнее.

Вошел внук. Игорь Васильевич заметил, что он с любопытством посмотрел на альбом.

— Что-нибудь удалось? — спросил он. — Я на секунду. Пора принимать лекарство.

Игнатий Борисович взял на столе скляночку с крошечными белыми горошинками и высыпал несколько штук на ладонь. Пересчитал их. Налил в стакан воды из графина. Пока он давал старику лекарство, Корнилов рассматривал комнату. Синие гладкие обои, выцветшие у окна, были в темных жирных пятнах. В глубине комнаты стоял облезлый кожаный диван, застеленный шерстяным одеялом. Над диваном висела старинная гравюра в узкой рамке из красного дерева. На гравюре были изображены Петропавловская крепость и парусники на вспучившейся от волн Неве. Рядом с диваном стояли огромные, в рост человека, напольные часы.

— Вы хорошо запомнили этого человека? — спросил Корнилов после того, как внук ушел.

— Еще бы! — глаза у старика сузились, стали злыми-злыми. — Он бежал-то прямо на меня... С чемоданом. В нашу подворотню бежал.

Двор в этом доме был проходной. Имелся еще один выход на набережную Адмирала Макарова. По набережной дом значился под номером двенадцать.

— Вы мне расскажите, Григорий Иванович, поподробнее все, что видели...

Старик вдруг насупился и недовольно закрутил головой, словно соображал, а стоит ли продолжать этот разговор, с непривычки, наверное, утомивший его. Наконец он раздраженно сказал Корнилову, показав на маленький столик:

— Сигару дай-ка мне, не чинись...

Корнилов покорно достал ему из коробки толстую кубинскую сигару, и старик, раскурив ее, несколько минут молча смотрел в окно пустыми глазами. Потом, будто собравшись с мыслями, стал говорить. Корнилов видел, что говорить старику становится все труднее и труднее. Он часто останавливался, нещадно дымил сигарой, сыпал пепел себе на брюки. Ничего нового из его рассказа Игорь Васильевич не почерпнул. Все это уже знали в уголовном розыске со слов Кости Горюнова. Но как много значило это подтверждение для Корнилова!

— Отвык разговоры говорить, — угрюмо сказал Григорий Иванович. — Я после болезни два года мычал. Весь день один, один... Сижу перед зеркалом и мычу. Мычу и плачу. Мычу и плачу. А потом вдруг «ма-ма» промычал... Так потихоньку и научился. А зачем? — он обреченно махнул рукой. — Разговаривать не с кем! — Старик внимательно посмотрел на Корнилова. — Молчите? Даже не спрашиваете почему?

— Наверное, на этот вопрос не просто ответить.

— Умный чекист, — без тени улыбки, серьезно сказал старик. — Я бы хотел с тобой про внука перемолвиться. — Он опять кивнул головой на дверь.

«Ну вот, теперь начнет жаловаться, — с неудовольствием поду-

мал Игорь Васильевич.— Мне сейчас только этого и не доставало». В нем росло непонятное, совершенно произвольное раздражение, неприязнь к старику. То ли за его грубоватую манеру говорить, то ли за обсыпанный сигарным пеплом, неопрятный френч, то ли еще за что-то, чего Корнилов понять не мог, и от этого раздражался еще больше. Ему приходилось сдерживаться, чтобы не показать своего чувства. Старик этого совсем не заслужил.

— Я опасаясь за внука...

— Что-нибудь случилось?

— Может быть, и случилось,— старик смерил Корнилова хмурым, исподлобья взглядом, словно хотел решить окончательно, говорить с ним откровенно или не говорить.— В тот день, когда девчонку ограбили, Игнашка прибежал домой не в себе. И в неурочное время... Ему еще целый час в своем техникуме торчать было положено.

Старик опять пристально посмотрел на подполковника. Корнилов слушал внимательно, не показывая даже вида, что торопится.

— У него по понедельникам лекции с девяти до часу. А он вдруг прибегает домой сразу после того, как ограбили кассира. И прибегает с набережной, через проходной... В переулке я бы его увидел. Он всегда с переулка идет...

— Вы его в чем-то подозреваете? — спросил Корнилов.

— Подозреваю. Такие дела,— он кивнул на окно, за которым виднелась церковная ограда,— в одиночку не делаются.

— А в какое время внук пришел домой?

— Без двадцати двенадцать..

— Вы это точно заметили? — Корнилов хорошо помнил время ограбления — пятнадцать минут первого.

— Еще бы! — зло сказал старик и, обернувшись, посмотрел на

большие часы, стоявшие рядом с диваном, они показывали одиннадцать.

— Внук пришел — дверью хлопнул. Он всегда хлопает громко. Нарочно, чтобы мне досадить. Я удивился, что он так рано, и посмотрел на часы. Было без двадцати двенадцать.

Корнилов вздохнул. «Старик или очень не любит внука, или все-таки серьезно болен,— подумал он и огорчился.— Если старик болен, можно ли полностью доверять его показаниям?»

— Он нервничает эти два дня,— продолжал старик.— Места себе не находит. Я же вижу!

— А еще какие-нибудь наблюдения у вас есть? — спросил Корнилов.

— Нет! — отрезал старик.— Но это носится в воздухе... Беда носится.

— Мы постараемся во всем разобраться. Спасибо вам большое за все, что вы рассказали.

Старик как-то безнадежно махнул рукой.

Корнилов поднялся и молча кивнул. Григорий Иванович протянул ему руку. Ладонь была чуть влажная. Он задержал руку Корнилова и чуть притянул его к себе.

— Внук очень беспокойный. Очень. Он с бандюгой во дворе разминуться не мог. А молчит. Или струсил? — Григорий Иванович спустил руку Корнилова и отвернулся.

Корнилов вышел из комнаты, осторожно притворил дверь. Игнатия Борисовича во второй комнате не было, и подполковник прошел в переднюю. Из-за приоткрытой двери в кухню доносились голоса. Мужской, чуть глуховатый, Игнатия Борисовича, и звонкий, женский.

— Ты слишком много думаешь об этом,— взволнованно говорила женщина.— Это ужасно, это захлестнет...

Корнилов осторожно постучал в дверь. Голос моментально смолк, и появился Игнатий Борисович. Он был несколько растерян и улыбался чуть виновато.

— Вы уже уходите?

— Да, я вам благодарен за содействие,— Игорь Васильевич пожал молодому человеку руку и пошел к выходу.

— А вы...— Казаков рванулся было за Корниловым, но остановился, глядя, как подполковник открывает дверь.— Дед, конечно, ничем не помог вам?

— Помог, помог! Ваш дедушка много мне тут написал,— сказал Корнилов, выходя на лестничную площадку. Он похлопал рукой по карману и улыбнулся.

— Помог? — удивился Казаков.— Очень хорошо. А мы с мамой днем на службе...

Он стоял в дверях, в нерешительности глядел на подполковника, словно ожидал, что тот его о чем-то еще спросит. Но Корнилов прощально махнул ему рукой. Уже взявшись за ручку двери в подъезде, он услышал, как лязгнул запор на дверях квартиры Казаковых.

По пути в управление Корнилов рассеянно глядел по сторонам.

Машина свернула со Съездовской линии на Университетскую набережную. День стоял солнечный, ветреный. На пришвартованном напротив Меньшиковского дворца буксирчике бился на ветру про-

копченный речфлотовский вымпел, весело клубился дымок над трубой. На Неве блестящая рябь струилась против течения.

Корнилов любовался солнечным деньком, с удовольствием затягиваясь сигаретой. Мысли шли в голову случайные. С Павловского парка он перескочил на предстоящую поездку в Москву, потом вдруг вспомнил, что не получил отчета по последним кражам в Куйбышевском районе... «А вот эти дамские туфельки, что дворничиха на лестнице нашла... Может быть, они имеют отношение к краже? Воровка — женщина? Ну и комик же я. Кто это на кражу пойдет с туфлями под мышкой? Неужели эта кража повиснет?.. Нет, не комик... Воры могли работать вдвоем, под супружескую пару. А что? Он с плащом на руке, она с сумкой, в сумке туфли. Вполне respectable пара. Иван Иванович здесь живет? Нет? Ах, извините. И топают дальше... Иван Иванович здесь живет? А здесь никто не отвечает, пустая квартира. Надо проверить, не ошибался ли кто квартирами в том микрорайоне... Туфельки-то чиненые. Краденые надела, а свои бросила... Пошлю ребят пройтись по мастерским».

3

Ровно в двенадцать Корнилов уже сидел в кабинете. Варвара, секретарь отдела, своей обычной скороговоркой перечисляла всех, кто приходил или звонил в его отсутствие.

— Из «Вечернего Ленинграда» звонили. Зам редактора. Ждут статью ко Дню милиции. Говорят, вы их подводите. Ведь обещали. Шефу будут жаловаться... Два раза из Выборга Зайцев спрашивал. Наверное, что-нибудь срочное. Соединить?

— Ни с кем не соединяй,— сказал Корнилов.— До двух часов.

— И с «Вечеркой»? — удивилась секретарша. Игорь Васильевич замотал головой.— Пожалуетса ведь...— на лице у нее отразилось такое искреннее сожаление, что Корнилов улыбнулся. Варвара отличалась редкой способностью все драматизировать. В отделе к этому давно привыкли и любили дружески подтрунивать над ней.

— Этот альбом — срочно в НТО.— Секретарша с интересом посмотрела на фотографию, которую показал ей Игорь Васильевич.— Пусть переснимут. А портрет этого гаврика...— он поставил на лбу молодого мужчины легкую галочку,— пускай увеличат отдельно, размножат и разошлют для широкого розыска. В транспортную милицию не забудь. Пусть ознакомят участковых инспекторов. Соседям тоже послать. И в Москву... И срочно, срочно, Варя! Белянчиков на месте?

— Уже два раза заходил. Спрашивал вас.

— Предупреди, что понадобится через полчаса. И Бугаева с Орликовым предупреди.

Варвара кивнула и хотела выйти, но Корнилов остановил ее.

— Пошли их в буфет. Пусть чайку попьют с бутербродами,— он усмехнулся.— Сидеть им сегодня без обеда. Ко мне никого не пускай.

Закурив, он минут десять сидел, положив перед собой листки

чистой бумаги. План действий сложился у него еще в то время, когда он ехал с Васильевского острова в управление. И теперь он еще раз мысленно прикидывал последовательность действий, стараясь предусмотреть все детали. Корнилов понимал, что главное сейчас — быстрота. Где-то по городу ходит вооруженный преступник. С кем столкнет его случай или злая воля, кто еще может стать его новой жертвой? Любая промашка, скоропалительный непродуманный шаг, и розыск мог уйти в сторону...

Варвара принесла стакан чаю и бутерброды. Корнилов кивнул ей благодарно. Спросил:

— Фотографии не готовы?

— Она сделала круглые глаза.

— Игорь Васильевич, вы ж пятнадцать минут назад их дали!

В двенадцать сорок, когда в его кабинете собрались Бугаев, Белянчиков, Вася Алабин и совсем молодой сотрудник Слава Орликов, недавно закончивший Высшую школу МВД СССР, перед Корниловым уже лежали детальный план операции и пачка фотографий, перенятых из альбома.

Корнилов обвел глазами сотрудников. Как всегда, сосредоточенный хмурый Белянчиков смотрит в упор немигающими глазами. Нетерпеливый Семен Бугаев быстро-быстро рисует в блокноте и одновременно шепчет на ухо Васе Алабину. Наверное, что-то очень смешное шепчет, потому что Алабин весь надулся, с трудом сдерживая смех. «Алабин, наверное, уже рассказал об альбоме,— подумал Игорь Васильевич.— А может, и нет. Ведь он только что приехал. Не успел, наверное...» Орликов сидел напряженный, застывший, старательно скрывая волнение и любопытство. Корнилов видел, что молоденький лейтенант волнуется — все время облизывает нижнюю губу и сам этого не замечает. «Приятный парень, старательный,— подумал Игорь Васильевич.— Может, и приживется у нас...»

— Получены новые данные по ограблению в Тучковом переулке,— Корнилов коротко рассказал о мальчишке, принесшем альбом в Василеостровский райотдел. Заметил, как Белянчиков скептически поджал губы, склонился на Алабина.— Показания школьника подтвердил еще один свидетель. Так что ты, Юрий Евгеньевич, оставь свой скепсис. И школьникам надо верить. Мы третий день топчемся на месте. И не смогли кроме мальчика разыскать ни одного свидетеля. А свидетель только и ждал, когда к нему обратятся!

Игорь Васильевич сказал это зло и заметил, как налились краской щеки Бугаева. Это он с работниками Василеостровского райотдела опрашивал жителей Тучкова переулка.

— Свидетель опять какой-то хлипкий,— усомнился Белянчиков.— Старый да малый... Еще не известно, не уведут ли они нас в сторону от дела.

— Все может быть. Но того, кто проворонил этого старика, я все-таки накажу...— Корнилов встал из-за стола и положил перед сотрудниками раскрытый альбом и пачку увеличенных фотографий подозреваемого парня.

— Да, картинка с выставки,— прокомментировал Белянчиков.— А на парня поглядишь — умняга-скромняга. Жаль, что у него на руке наколки нет. Как было бы здорово — увеличили еще раз в пять и прочитали: «Вася. 1945. Не забуду мать родную...»

— А что, фотография — это мало? — обиделся Алабин. Ему, как человеку, первым беседовавшему с мальчишкой, хотелось, чтобы к находке отнеслись с большим вниманием. — Не какой-нибудь фоторобот, а подлинное фото! Надо только срочно разослать...

— Разошлем, разошлем, — усмехнулся Белянчиков. — Ты не волнуйся. Если тут ошибки нет, то кое-что из альбома можно узнать.

— Не будем терять время. — Корнилов снова сел в кресло и пододвинул к себе листки с записями.

— Альбом только что поступил в продажу, а в набор сдан почти год назад... Так что фотография старая. В лучшем случае сделана летом прошлого года. Заметили, на уличных фонарях флаги? А летом какие у нас праздники? Ты, Семен, возьмися уточнить время.

Бугаев кивнул.

— Обрати внимание на книжки. Видишь, тут на столике, — Корнилов перевернул альбом, чтобы были видны названия, — «Василиса Прекрасная», «Гадкий утенок», «Крошечка-ховрошечка». Ну, ты сам знаешь, как действовать... На парня посмотрите. Он явно кого-то ждет. Или тех, кто выбирает книжки, или продавщицу...

— Да-а, то ли дождик, то ли снег... — тихо сказал Бугаев. Он уже пришел в себя после того, как Корнилов пригрозил ему взысканием за оплошность.

Все засмеялись.

Корнилов постучал ребром ладони по столу.

— Семен, едешь в Дом книги. Вместе с Алабиным. Вдруг придется разделить. Юрий Евгеньевич с Орликовым берут на себя Лениздат. Надо выяснить, кто делал этот снимок. Тут вон десять фотографий перечислено. В издательстве, наверное, хранится негатив снимка. Посмотрите, может быть, снимок обрезали и кто-то стоявший рядом с парнем в альбом не попал... Фотограф, наверное, помнит время съемки. Но самое главное — не один же снимок он там делал! Небось десяток кадров нащелкал. У меня все. Вопросы есть?

— Может быть, показать фотографию по телевидению? — спросил Белянчиков.

— Не нужно. Зачем тревожить миллионы людей, создавать нервность? А преступник увидит — только настожится.

— Но мы должны использовать любую возможность, — не согласился капитан. — Ты же сам прекрасно знаешь — не карманного вора ищем.

— Пока показывать портрет по телевидению не будем, — медленно, отделяя слово от слова, произнес Корнилов. — И кончим прения. — Он прихлопнул ладонью альбом с фотографиями. — Ножками, ножками надо потопать. Звоните сразу же, если обнаружится что-то новое. Контрольный звонок — каждый час.

Все стали расходиться. Только Белянчиков чуть задержался. Уже взявшись за дверь, спросил:

— Ты в субботу не поедешь на рыбалку? Ребята собрались в Усть-Лугу сгонять. Петрунин говорит: клев там феноменальный.

Корнилов улыбнулся.

— Раз Петрунин говорит, значит, клев есть. — Подполковник Петрунин из Куйбышевского райотдела считался в уголовном розыске первым спецом по рыбалке. — Только я, Юра, не рыбацк нынче. Мы с Олей в Павловск поедем. Там, знаешь, в октябре рай земной.

Белянчиков посмотрел на него с сожалением и уже с порога сказал, не глядя на Корнилова:

— А от телевидения ты, Игорь, зря отказываешься. Надо каждый шанс использовать...

Когда за капитаном закрылась дверь, Корнилов посмотрел на часы — было пятнадцать минут второго. Они обсуждали план операции ровно полчаса. Пять минут ушло на разговор о рыбалке. На чистом листке бумаги подполковник написал: 13.30...

В четырнадцать тридцать надо было ждать контрольных звонков. Если что-нибудь не прояснится раньше... Он позвонил в картотеку, справился, не опознали ли парня с фотографии. В картотеке управления человек из альбома не числился.

«Что еще можно выжать из этой картинки? — думал Игорь Васильевич, снова и снова вглядываясь в людей, столпившихся у стола с книгами. — Почему стоит здесь этот парень? Кого он ждет из попавших на фото? Пожалуй, никого. Женщина с мальчиком по возрасту не может быть ни его женой, ни матерью. Пожилая дама в белой соломенной шляпке? Нет, слишком бросается в глаза противоречие в облике. Как говорится, разная социальная среда... Молодящаяся барынька не может быть матерью этого простоватого, неприметного молодого человека. А парнишка с книгой в руках? Нет, не приятель. Велика разница в возрасте. Может, брат? А если даже и брат? Что с того! Холодно, холодно... Не послушаться ли Белянчикова и не обратиться ли к помощи телевидения?»

Игорь Васильевич устало откинулся на спинку кресла, не спуская глаз с фотографии. Он смотрел на нее долго, неотрывно, до тех пор, пока не зарябило в глазах. Затуманились, расплылись фигуры людей — словно дождем размыло свежие краски, и только молодой мужчина в полосатой рубашке остался целехонек, не расплылся.

«Что же еще, какая еще информация заложена в снимке? Стоп! — Неожиданная мысль заставила подполковника насторожиться. — А почему отвернулась от объектива продавщица? И никакого внимания тем, кто рассматривает книжки на ее столе... Говорит с кем-то из знакомых? С молодым человеком, с подружкой? Конечно же!»

Шли по Невскому два приятеля — икс и игрек. Игрек увидел знакомую девицу за прилавком и подошел. Икс с девицей не знаком, и книги его не интересуют. Остановился в ожидании игрека, думает о чем-то своем. А игрек болтает с девицей. Вон как заговорил ее — она даже не смотрит на покупателя!

Корнилов представил себе такую картину и оживился. «Когда готовили фотографию к печати, могли обрезать, чтобы выглядела красивее. Как это у фотографов называется? Кажется, кадрировать. Вот и «скадрировали» собеседника продавщицы. Логично?»

... В 14.15 позвонил Бугаев. Доложил, что в магазине опознали продавщицу, но еще восемь месяцев назад она уволилась. Живет на Большой Охте.

— Где работает, старые сослуживцы не знают, — сказал капитан. — Я сейчас еду на Охту, но ведь дома можно и не застать. Алабина оставляю в магазине, пускай уточнит время, когда продавались

книги, и попробует выяснить, где эта Валя Прошина работает. Может, в филиале знают.

... Ровно в половине третьего опять зазвонил телефон.

— Товарищ подполковник, лейтенант Орликов докладывает,— услышал Корнилов взволнованный голос молодого сотрудника:

«Чего он волнуется? Серьезные новости или с непривычки?»

Сказал ободряюще:

— Докладывай, докладывай, не торопись.

— Снимок сделан фотокорреспондентом «Смены» Бабкиным. Юрий Евгеньевич поехал к нему домой, а я из редакции звоню. Жду, может, Бабкин здесь появится.

— Если этот Бабкин придет в редакцию, узнайте у него, не кадировал ли он снимок? — Корнилов подробно объяснил Орликову, о чем следовало спросить фотокорреспондента.

И опять в кабинете тишина. Игорь Васильевич достал из сейфа пачку документов, стал перечитывать, делая короткие пометки на листе бумаги. Уже давно следовало сесть за писание очередной справки, но не лезли в голову проценты раскрываемости. Мыслями подполковник был далеко, вместе с Белянчиковым у фотокора Бабкина...

Корнилов ненавидел ожидание. Оно выматывало его хуже, чем бессонные ночи. Сейчас еще стало полегче. Сказывалась привычка.

А первый год работы заместителем начальника управления был самым трудным годом его жизни. Он долго не мог перестроиться. Привык действовать сам, и потому особенно мучительно переносил часы, когда, спланировав и досконально обсудив действия сотрудников, оставался в кабинете на Литейном, в то время как они выезжали на операцию.

...14.40. Снова Бугаев.

— Звоню от Вали Прошиной. Застал ее дома. Она сегодня работает в вечернюю смену. Променяла книжки на ткацкий станок. Говорит: с книжками интересно, да мало платят... — Корнилов услышал, как звонкий женский голос произнес со смехом: «Ну зачем вы, я ведь пошутила...»

— А если ближе к делу? — недовольно пробурчал подполковник, удивляясь, чего ж это Бугаев там шутки расшучивает. Нашел время. Хлебом не корми, дай побалагурить.

— Не опознала она, Игорь Васильевич, никого на снимке. Да я через пятнадцать минут приеду.

— Молодец. Приезжай. — Корнилов положил трубку и тут же раздался новый звонок.

Белянчиков разыскал Бабкина и тоже обещал скоро приехать.

— С кучей снимков, Игорь, — обрадованно сообщил он. — Есть интересные кадры!

Корнилов встал из-за стола повеселевший. «Раз уж хмурый Юра ликует — значит, кадры действительно стоящие». Он чувствовал, был уверен, что новые снимки дадут дополнительную информацию! «И девчонка эта, продавщица, может быть, чего-нибудь вспомнит.

«Как быстро ее нашли!» — подумав так, подполковник насторожился. Он был чуточку суеверен и боялся слишком явного везения.

Открыв дверь в приемную, Корнилов позвал Варвару. Секретарша медленно печатала одним пальцем какую-то бумагу.

— Варя, сходи в буфет. Принеси нашим сыщикам чаю и бутербродов.

— Игорь Васильевич, да буфет же закрыт до пяти!

— Иди, иди, Варя. Для хороших людей любой буфет откроют. А им приятно будет чайку с начальством попить.

Секретарша вздохнула и протянула к Корнилову руку. Он положил ей на ладонь пятерку.

Первым пришел Бугаев. Увидев на столе печенье и конфеты, он усмехнулся:

— Стол поставят, так и работать заставят.— И взял пару конфет из стеклянной вазочки.

— Ты товарищей не забудь,— сказал Корнилов.

— Про них забудешь! — хохотнул Семен, увидев входящего в кабинет Белянчикова.

Без десяти четыре вся группа была в сборе.

Белянчиков стал раскладывать на столе фотографии, некоторые из них были еще влажные.

— Бабкин при мне печатал,— с удовлетворением, даже с чуть заметной гордостью сказал Белянчиков.— Ну и мастак, я вам скажу, за десять минут все было готово!

Корнилов внимательно рассматривал фотографии, вполуха слушая подробный рассказ Юрия Евгеньевича о том, как они с Орликовым отыскали фотокорреспондента. Два снимка были сделаны издалека, из скверика перед Казанским собором. На переднем плане густая трава и сверкали на солнце струи фонтана. Люди перед Домом книги слились в пеструю толпу. Еще на двух — таких же крупных, как и в альбоме, была заснята другая продавщица. Она смотрела прямо в объектив и улыбалась.

— Юра, ты спросил у фотографа, не кадрировал ли он снимок из альбома? — откладывая просмотренные фотографии в сторону, заинтересовался Корнилов.

— Так я же о том и толкую, Игорь Васильевич,— в голосе Белянчикова чувствовалось недоумение.

Корнилов поднял глаза на капитана и увидел у него в руках большую фотографию. Бугаев пристально вглядывался в нее, стоя за спиной у Юрия Евгеньевича.

Корнилов понял, что увлекся и пропустил последние слова Белянчикова. Он кисло улыбнулся и виновато покачал головой.

— Давай ее сюда, Юра!

Та же фотография, что и в альбоме. Только не цветная. Как небо и земля. Исчезли нарядность, праздничность, словно зашло за тучу солнце. Все те же люди, только слева еще большой кусок здания, а справа, рядом с продавщицей, молодая женщина. Простоволосая, с будничным лицом, голова чуть склонена, приоткрыт рот. Впечатление такое, что она внимательно слушает обернувшуюся к ней продавщицу.

Корнилов обомлел. Словно не веря своим глазам, он обернулся

к Белянчикову с немим вопросом. У Юрия Евгеньевича вид был тоже озадаченный.

— Фото кассира у тебя? — спросил Корнилов.

— У меня, — Белянчиков бегом кинулся из кабинета.

Через несколько минут перед подполковником лежала фотография кассира института Нестеровой, тяжело раненной и ограбленной два дня назад. Никаких сомнений быть не могло — именно она стояла рядом с продавщицей книг на Невском проспекте.

«Кассиршу института в Тучковом переулке ранил и ограбил неизвестный мужчина... — думал Корнилов. — Этот неизвестный — на снимке перед столом с книгами. Он кого-то ждет. Кого-то ждет... Продавщица...»

— Что продавщица, Семен? Никого на снимке не опознала?

— Никого.

— Не волновалась? Не задержала взгляд на этом парне?

— Я ничего не заметил. Вела себя очень спокойно. Только все время удивлялась, что попала в альбом. Говорит, даже не видела, как фотографировали.

Корнилов вспомнил смех и кокетливый голосок в телефонной трубке. «Продавщица мило беседует с кассиршей. Они подруги или хорошие знакомые — это видно по фото. А преступник стоит рядом, лицо у него отрешенное, задумчивое. «Василиса Прекрасная» его не интересуется. Ему нужна не Василиса... Как зовут кассиршу? Люба. Любовь Андреевна. Так кого ждет преступник? Любовь Андреевну?»

— Игорь Васильевич, — Бугаев снова возвращает Корнилова к действительности. — Девчонка-то у нас здесь. Я попросил ее заехать к нам. На тот случай, если новые снимки появятся... Давайте пригласим!

Корнилов недовольно покосился на Бугаева. И Белянчиков нахмурился, понимает, что Семен поступил рискованно.

— Семен, ты всегда торопишься. А если интересующий нас парень — знакомый продавщицы из Дома книги? И она специально привела его посмотреть на подругу, на кассира. Если она наводчица?

Бугаев смущенно кивнул.

— Приглашай свою Прошину. Извинимся и отпустим. А ты организуй проверку, выясни связи, знакомства. Осторожно и быстро. Особенно важно ее знакомство с кассиром. Не мне тебя учить.

Бугаев вышел.

— Кончили заседать, — сказал Корнилов. — Ножками, ножками потопаем. Где наша не пропадала!

Все поднялись из-за стола.

Через несколько минут вернулся Бугаев вместе с высокой черноволосой девушкой.

Что-то такое за последние часы с девушкой произошло. Корнилов это почувствовал. Он хоть и не видел ее раньше, но хорошо помнил ее веселый кокетливый голос, который слышался в трубке, когда капитан звонил из квартиры Прошиной. Эту перемену, видать, и Бугаев заметил. Смотрел он на девушку с недоумением.

Лицо у Прошиной было блее мела, застывшее, словно маска. Большие черные глаза смотрели испуганно. Да и двигалась девушка как-то странно, будто на ощупь, будто не видела перед собой ничего.

— Садитесь, пожалуйста,— сказал Корнилов, показывая на кресло. Прошина села.

Бугаев внимательно посмотрел на подполковника и недоуменно повел плечами.

— Валентина Васильевна, я прошу прощения, что мы оторвали вас от дела... Собственно, обо всем, что нас интересовало, товарищ Бугаев спросил вас еще раньше... Можно было бы и не ехать в управление. Но мы думали показать вам еще несколько фотографий...

Прошина смотрела на Корнилова не мигая. Лицо у нее по-прежнему было застывшее, она только осторожно покусывала краешек нижней губы. Корнилову показалось, что девушка или не слышит его, или не понимает. «Уж не наркоманка ли? — подумал подполковник. — Какой странный вид».

— Теперь эта необходимость отпала. Еще раз извините. Я пишу сейчас пропуск, а товарищ капитан отправит вас домой. Оторвал человека от дел — пусть теперь на машине домой отвезет,— он улыбнулся и протянул руку за пропуском.

Прошина продолжала сидеть в той же позе, не проронив ни слова, не отдавая зажатого в руке пропуска. Рука Корнилова так и повисла в воздухе.

— Что с вами, Валентина Васильевна? Уж не напугали ли мы вас? Может быть, вам нехорошо?

Прошина вдруг всхлипнула, запрокинув голову, словно хотела набрать побольше воздуха в легкие, и, надломившись, зарыдала, содрогаясь худеньким телом.

— Семен, воды,— шепнул Корнилов, вскакивая из-за стола.— Ну что вы, что вы, Валентина Васильевна, зачем же вы так?

А сам думал: «Только истерики нам и не хватало».

Бугаев принес стакан воды и протянул его девушке, тихонько тронув ее за плечо. Прошина вздрогнула и подняла голову.

— Выпейте, выпейте,— попросил ее Корнилов.

Стакан дрожал у нее в руках и, прежде чем она смогла сделать глоток, звякнул, стукнувшись о зубы. Отпив немного, Прошина несколько минут сидела молча, закрыв глаза и снова покусывая губу.

«Ну вот, милая, сейчас ты нам все расскажешь,— подумал Корнилов.— Умница, умеешь мыслить логично. Пока мы тут разговоры говорили, ты обо всем догадалась, поняла, что пахнет жареным...»

У Корнилова сразу мелькнула мысль, что такая разительная перемена произошла в девушке неспроста, а когда она разрыдалась — он уже почти не сомневался, что Прошина знает об ограблении и сама обо всем расскажет. Игорь Васильевич давно приучил себя доверяться первому ощущению, доверяться, несмотря на то, что ему самому оно потом могло показаться нелепым, несурзным, и он, пытаясь опровергнуть его, внушал себе: «Мне, только мне и могло это взбрести в голову, никто так думать и чувствовать не может, и никто меня не поймет». Корнилов преодолевал это свое внутреннее сопротивление и часто оказывался прав.

— Вы мне фотографию поглядеть давали...— совладав наконец с собой, сказала Прошина.— Я... Раз уж за мной пришли, значит...— она вяло и безнадежно махнула рукой, даже не махнула, а словно что-то отодвинула от себя.— Парень этот на снимке — мой знако-

мый,— последнюю фразу она произнесла с вызовом и в упор посмотрела на Корнилова.

«Умница, умница, продолжай,— мысленно ободрил он Прошину.— Глаза у тебя умные. Это я сразу заметил».

— Его зовут Олег. Олег Дмитриевич Самарцев. Мы с ним завтра хотели в Одессу уехать... В одиннадцатом вагоне...— она снова заплакала, но быстро затихла.

Корнилов не торопил ее, не задавал пока никаких вопросов.

— Он не хотел убивать ее, не хотел! Я и про нож-то ничего не знала! Вы мне не верите, а я не знала! Не знала! Он хотел только чемоданчик вырвать и убежать...

«Значит, они не знают, что кассир осталась жива»,— подумал Корнилов и спросил:

— Где он сейчас?

— Не знаю. Правда, не знаю. От меня прячется. Позавчера по телефону звонил. Сказал, чтоб я отпуск брала. А завтра на вокзале ждала. У одиннадцатого вагона. Чтобы в Одессу ехать.

— А где он живет? Его постоянный адрес-то вы знаете?

— Улица Димитрова, дом сто девятнадцать. У него однокомнатная квартира. Кооперативка.

— Номер.

— Тридцать три. Он один живет. Мать в Краснодаре...

Бугаев внимательно посмотрел на Корнилова и отодвинулся от стола, словно собирался подняться. Но подполковник чуть приподнял ладонь, призывая его подождать.

— Адрес матери знаете?

— Нет.

— Она в самом Краснодаре живет?

— Олег мне не говорил.

— Почему вы думаете, что Самарцев не живет сейчас дома?

— Мы так договорились. Что он подыщет комнату в пригороде. И недели две там поживет. Олег должен был давно сказать мне адрес и не сказал... Говорит — пока перебьешься.

— Самарцев не работает?

— Работал на асфальтобетонном заводе. Десять дней как уволился. Дружки его уже проводили.

— Куда проводили?

— В Одессу...

— Ничего не понимаю. Вы же только завтра...

— Приятели проводили, а он на станции Дно сошел и вернулся. Только уже не домой.

— Вы его приятелей знаете?

— Он не знакомил. Говорил: «Я ревнивый».— Прошина опустила голову.

— Кто помогал Самарцеву в ограблении кассира? Может быть, он называл имена, фамилии? Звонил при вас кому-то?

— Олег такой скрытный... Он говорил как-то, что с друзьями быстрее влипнешь.

— Где он собирался остановиться в Одессе?

— Не знаю. Говорил, что квартиру у моря снимем. У пляжа.

— Вы давно знакомы?

— Два года,— Прошина снова заплакала. Заплакала горько, обреченно.

Корнилов кивнул капитану. Тот ответил понимающим кивком и вышел из кабинета, осторожно притворив за собой дверь.

«Сейчас он свяжется со следователем, и они пошлют группу на квартиру Самарцева — чтобы осторожно, без шума проверить, не дома ли хозяин,— думал подполковник, глядя на плачущую девушку.— Самарцева, конечно, там нет, и двое останутся в засаде. Бугаева учить не надо. Он сам любого научит. Не забудет связаться с Одессой, пошлет по фототелеграфу карточку Самарцева. Он, голубчик, может быть, уже гуляет по одесским пляжам. А девчонка чем-то располагает к себе, что-то в ней есть хорошее, что-то есть... Фу, черт! Что в ней может быть хорошего? Соучастница опасного преступника. Пусть выплывается. Все-таки она не глупая девица... Сообразила. Что ее заставило впутаться в это дело? Бугаев, наверное, догадается послать человека на асфальтобетонный завод? Что еще надо сделать? Проверить, нет ли Самарцева в картотеке? Уехал он один или не соврал девчонке? И завтра собирается вместе отправиться? Вроде успокоилась... Ну, где наша не пропадала! Продолжим».

— Валентина Васильевна, деньги где Самарцев прячет? Не скажешь вам?

— Где-то во дворе. Я точно не знаю.

— В каком дворе?

— Там, в переулке... Ну... где... отобрал,— ей с трудом далась эта фраза.

— В Тучковом переулке? У кого?

— Ни у кого. Просто где-то спрятал. Он сказал, что заранее присмотрел там место.

— Минуточку, Валентина Васильевна, вспомните тот разговор поточнее. Поточнее...

Прошина пожала плечами.

— Не торопитесь. Подумайте... Когда вы с Самарцевым говорили о том, где он спрячет деньги?

— Накануне. Он приехал из-за города и позвонил мне.

— И вы встретились... Где?

— На Невском. У «Кинохроники»...

«Если он действительно приехал из-за города, то скорее всего на Московский вокзал,— отметил Корнилов.— До «Кинохроники» рукой подать».

— И вы стали говорить о деньгах?

— Нет! Я ведь уже раньше знала обо всем... А тут мы просто говорили... о будущем, о том, что поженимся. Я Олега отговаривала, правда, отговаривала брать деньги.

Корнилова передернуло от этих слов. Хорошенькое дело — брать! Кассирша все еще лежит без сознания! Может остаться инвалидом на всю жизнь. А она — отговаривала «брать деньги»!

— Я знала, что так получится! Вот... И говорю ему: да тебя же с этим чемоданчиком сразу сцапают, пока по городу пойдешь среди бела дня. Тут Олег засмеялся. Сказал: а я без чемоданчика пойду. Я для него в том доме надежное местечко приготовил. Перед отъездом заберу.

— Так и сказал: «В том доме надежное местечко приготовил»? Прошина кивнула.

— А почему вы думаете, что он спрятал деньги во дворе?

— Ну, а где же? Олег собирался уходить через двор.

— У Самарцева в этом доме знакомых нет?

— Нет. Он мне никогда об этом не говорил.

«Олег твой, милочка, судя по всему, продувная бестия. Так он тебе и выложил бы все планы. И уехать-то наверняка без тебя собирается, да и не в Одессу, наверное».

— С кассиром Любовью Андреевной Нестеровой вы давно знакомы?

— Года три.

— Подруги?

— Да нет, познакомились на танцах во дворце культуры Гааза. Я тогда еще в Доме книги работала. Несколько раз в кино вместе ходили.

Игорь Васильевич посмотрел на часы. Пять. «Если Самарцев еще не улизнул из города с деньгами, он может это сделать сегодня. Пора заканчивать разговоры...»

— Вы понимаете, что совершили преступление? Знали об ограблении и ничего не сделали, чтобы предотвратить его...

Прошина будто не услышала его. Сидела, повернув голову к окну.

— Валентина Васильевна, ну зачем, зачем вы связались с этим человеком? Чего вам не хватало в жизни? — спросил Корнилов с неожиданной для него самого горячностью.

— Чего мне не хватало? — она повернула к нему заплаканное, потускневшее, но все еще очень привлекательное лицо.

— Да, да. Я вас спрашиваю не как работник милиции. Как человек, который мог бы быть вашим отцом. Ведь этот Самарцев наверняка и раньше воровал!

— Раньше?! — удивилась она. — Кажется, нет. Да откуда же я знаю. Деньги у него всегда были. И мне хотелось... Знаете, мне было интересно — придешь в общежитие с новым колечком — на несколько дней разговоров. Все девчонки перемеряют. Охают. Или новое платье... Особенное. Такого ни у кого нет. Девчонкам очень нравилось. Я им говорила, что он артист, что мы скоро поженимся и тогда они узнают его.

— Они вам верили?

— Не знаю, — ответила Прошина. — Может быть, и нет. А все равно завидовали.

4

Некоторое время Корнилов сидел молча, не в состоянии отделаться от какого-то противного, угнетающего чувства бессилия. Как мало потребовалось для того, чтобы эта красивая, неглупая девушка оказалась преступницей! Новое колечко, модное платье...

Он вдруг подумал о том, как воспримут арест Прошиной ее подруги по работе, как будут они сидеть, перешептываясь, в суде,

удивляясь, что дружок, которого она выдавала за артиста, оказался матерым преступником.

«Стоп, спокойной! — остановил Корнилов сам себя. — Эдак можно далеко зайти...»

Он позвонил следователю, рассказал о признании Валентины Прошиной.

— По-видимому, придется просить у прокурора санкцию на арест. Как минимум, соучастница, — сказал Аверин и поинтересовался: — Кто Самарцевым занялся?

— Бугаев. Жду его с минуты на минуту.

— А потерпевшая до сих пор без сознания. И на ближайшие дни врачи улучшения не ожидают, — голос у Аверина был озабоченный. — Так что я на оперативность ваших сотрудников, товарищ подполковник, очень рассчитываю. Они уже много сделали.

— Ну-ну... — неопределенно протянул Корнилов и усмехнулся. Старший следователь управления Аверин слыл человеком опытным, но самолюбивым и педантичным, и инспекторы уголовного розыска всегда гордились, услышав от него похвальное слово.

— Я серьезно говорю, товарищ подполковник, — Аверин, видимо, обиделся, почувствовав в голосе Корнилова иронические нотки. — Когда хорошо — так хорошо. Понапрасну я не жалуясь.

Вскоре приехал Бугаев.

— Ну и дела, Игорь Васильевич! — возбужденно закричал он с порога, еще не успев затворить за собой дверь. — Я как в воду глядел! Слушал тут девчонку, а сам думал — дура ты, дура, обманывает тебя твой хахаль...

— Семен! Нельзя ли без этого... — Корнилов предостерегающе поднял руку. Он не любил, когда сотрудники щеголяли жаргонными словечками.

— Да это ж... — начал было Бугаев, но Корнилов перебил его:

— Садись, дело говори!

Бугаев уселся в кресло и протянул руку к пачке сигарет.

— Можно? Унять душевное волнение.

— Кури, только не тяни. Любишь ты напряжение создавать.

— Так вот, товарищ подполковник, — начал Бугаев, закурив. — Гражданин Самарцев в доме сто девятнадцать по улице Димитрова постоянно не проживает и вообще в Ленинграде не прописан. Квартиру он снимал, презрев все формальности, а на асфальтобетонном заводе никогда не работал...

— Адресное бюро ты запрашивал?

— Товарищ подполковник...

— Ох, и самомнение у вас, товарищ старший инспектор.

Бугаев засмеялся.

— Вы меня все критикуете, товарищ подполковник. А я бы на вашем месте выдал мне премию за оперативность.

— С Одессой связался? Фото передал?

Капитан кивнул.

— Ладно, Семен, премии ты не дождешься, но отгул я тебе на будущей неделе дам.

Бугаев молча поднял растопыренную пятерню.

— Что? — не понял Корнилов.

— Уже пять отгулов вы мне обещали, товарищ подполковник. А Белянчикову — шесть.

— Значит, вы с Белянчиковым у себя в кабинете обсуждаете действия начальства,— вздохнув, сказал Корнилов.— Ну-ну. Кстати, у вас с Алабиным надежные ребята в Тучковом дежурят?

— Надежные.

— У вас все надежные...— с сомнением сказал Корнилов.— Серьезные ли? Ведь если этот Олежек почувствует неладное — ищи ветра в поле!

Зазвонил телефон. Корнилов поднял трубку. Это была мать.

— Игорь, ты не забыл, какой сегодня день?

— Сегодня четверг, мама.

Бугаев встал и тихонько вышел из кабинета.

— Только и всего, что четверг? — спросила мать.

Игорь Васильевич засмеялся:

— Да помню, помню, мама. Сейчас заеду за цветами.

— Хорошо,— удовлетворенно сказала мать.— Мы тебя ждем.— И, переходя на шепот, добавила: — Оленька полдня от плиты не отходит. «Наполеона» тебе печет.— Она повесила трубку.

Год назад Ольга Огнева стала его женой.

«Всего год,— подумал Корнилов.— А кажется, что мы с ней полжизни прошли».

Он надел плащ, потрогал ручку сейфа. Варвары в приемной уже не было. Она училась на юрфаке и всегда торопилась на занятия.

Корнилов остановился у небольшого зеркала. На него смотрел усталый немолодой мужчина с глубоко запавшими грустными глазами, с залысинами на начинающей седеть голове. «Ничего себе, молодожен!» — усмехнулся этот мужчина и подмигнул Корнилову. Игорь Васильевич прислушался. По радио передавали штормовое предупреждение. Вода в Неве поднималась.

Окончание следует.

Рис. В. СЕЛИВАНОВА.

В «ПРОФИЗДАТЕ» ВЫШЛИ В СВЕТ НОВЫЕ КНИГИ.

Доркин А. И. Изобретательство и рационализация. Цена 30 коп.

В книге дается подробный комментарий к Положению об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, введенному в действие с 1 января 1974 года.

Каринский С. С., Кучма М. Н. Премирование рабочих и служащих. Цена 70 коп.

Авторы рассказывают об источниках премирования, об установлении и распределении премий за выполнение и перевыполнение производственных планов, повышение качества продукции, за экономию сырья, материалов, топлива, электроэнергии и так далее.

Краткий юридический справочник. Цена 1 руб. 12 коп.

В издании приведены сведения по основным разделам советского законодательства.

Лесенко Г. В. Профилактика производственного травматизма. Цена 55 коп.

В книге обобщена практика работы профсоюзных и хозяйственных организаций, служб техники безопасности по предупреждению несчастных случаев на производстве, излагается порядок учета и расследования несчастных случаев, рассказывается о контроле за соблюдением норм техники безопасности, производственной санитарии, пожарной безопасности.

Родин Б. Я., Хлыстова Е. А. Льготы работникам Крайнего Севера. Цена 20 коп.

В книге подробно рассмотрены условия получения льгот, предусмотренных Указами Президиума Верховного Совета СССР и постановлениями Совета Министров СССР для лиц, работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Рассказано также о порядке компенсации расходов при командировках в эти районы и начислении процентных надбавок к заработной плате.

Румянцева М. С. Справочник женщины-работницы. Цена 35 коп.

Издание подробно знакомит с правами женщин в области трудовых, брачно-семейных отношений, социального страхования и пенсионного обеспечения.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

наши
консультации

Льготы при оплате проезда по железной дороге

Стоимость проезда на железнодорожном транспорте устанавливается в зависимости от категории поезда (пассажирский, скорый или пригородный), вида вагона (например, жесткий или мягкий) и расстояния.

Ряд категорий граждан имеет право покупать железнодорожные билеты со скидкой. Большой категории пассажиров предоставляется пятидесятипроцентная скидка в период с 1 октября по 15 мая. Такой льготой пользуются студенты высших и учащиеся средних специальных учебных заведений дневной формы обучения; учащиеся государственных и кооперативных школ (курсов, училищ) мастеров различных отраслей народного хозяйства, обучающиеся с отрывом от производства; слушатели подготовительных дневных отделений при вузах, а также слушатели партийных, комсомольских школ и школ профдвижения, обучающиеся с отрывом от работы; школьники старше 10 лет, обучающиеся в дневных школах;

учащиеся профессионально-технических и других училищ. Эта льгота распространяется — при покупке билетов за наличный расчет — на курсантов военных и военно-морских училищ; курсантов и слушателей (не имеющих офицерского звания) дневных высших военных и военно-морских учебных заведений и военных факультетов гражданских вузов, а также на воспитанников суворовских и нахимовских училищ и военно-музыкальных школ; курсантов (слушателей) школ и училищ Министерства внутренних дел СССР, в том числе слушателей — офицеров, получающих стипендию.

Скидка не предоставляется студентам и учащимся вечерних и заочных отделений высших и средних специальных учебных заведений, а также учащимся вечерних школ. Не имеют права на скидку учебные заведения, когда они оплачивают проезд студентов и учащихся на производственную практику.

Для покупки билета со скидкой необходимо предъ-

явить в кассу документ: студентам — студенческий билет, учащимся средних специальных учебных заведений — билет учащегося, слушателям очных подготовительных курсов при вузах — удостоверение и так далее. Студенческие билеты и билеты учащихся должны быть продлены на соответствующий год. Студенческие билеты или иные документы без номера, без указания срока действия, формы обучения, а также с исправлениями, подчистками и иными дефектами не могут служить основанием для предоставления скидки.

Школьникам льготные билеты продаются без предъявления в кассу каких-либо документов.

Билеты с пятидесятипроцентной скидкой в период с 1 октября по 15 мая могут также приобрести инвалиды первой мировой, гражданской и Отечественной войн; лица, ставшие инвалидами вследствие общего заболевания, ранения, контузии или увечья, полученных при прохождении военной службы и службы в войсках и органах системы Министерства внутренних дел; неработающие инвалиды труда; инвалиды с детства, получающие государственную пенсию или пособие из местного бюджета. Такая же льгота дается лицам, проживающим в домах для престарелых или других подобных учреждениях, если эти лица находятся на полном государственном обеспечении.

Известно, что инвалиды I группы нуждаются по состоянию здоровья в уходе. Поэтому если инвалид I группы имеет право на приобретение

билета со скидкой, то такое же право предоставляется и сопровождающему его — одному человеку. Причем этот человек вправе пользоваться льготой не только тогда, когда сопровождает инвалида, но и при возвращении домой после того, как он отвез инвалида в лечебное учреждение (госпиталь, больницу, санаторий), а также когда едет за инвалидом, чтобы отвезти его домой.

Для инвалидов Отечественной войны I и II групп, а также для одного человека, сопровождающего инвалида I группы, установлена, кроме того, и другая льгота. В период с 16 мая по 30 сентября они имеют право дополнительно приобрести раз в год билет в оба конца с пятидесятипроцентной скидкой.

Инвалиды и престарелые граждане, имеющие право на льготный проезд, а также сопровождающие инвалидов I группы лица для получения билета со скидкой должны предъявить в кассу пенсионное удостоверение, в котором поставлен штамп: «Имеет право на получение 50-процентной скидки на проезд по железным дорогам в период с 1 октября по 15 мая». Штамп заверяется печатью и подписью работника, выдавшего пенсионное удостоверение.

Инвалидам Отечественной войны I и II групп, а также сопровождающему инвалида I группы лицу льготные билеты со скидкой в размере 50 процентов в период с 16 мая по 30 сентября продаются в обмен на талоны соответствующего года по предъявлении пенсионного удостоверения. В тех случаях, когда человек,

сопровождавший инвалида I группы, ехавшего в госпиталь, больницу, санаторий, возвращается домой или направляется за ним в лечебное учреждение, он для получения билета со скидкой должен предъявить в кассу справку соответствующего лечебного учреждения.

Все большее распространение получает в нашей стране массовый туризм. По железным дорогам курсируют десятки туристских поездов. Особую популярность приобрели специальные поезда, которые в выходные дни доставляют горожан на лоно природы, в места отдыха.

Для поощрения этого вида туризма гражданам, едущим в экскурсионных поездах, выделяемых туристским организациям, предоставляется право на льготный проезд с тридцатипроцентной скидкой — в период с 1 октября по 31 мая. Такой же льготой пользуются предприятия и учреждения, организующие путешествия в специальных поездах с культурно-просветительными и оздоровительными целями.

Осенью и зимой, особенно во время каникул, учащиеся совершают увлекательные поездки по стране. Причем если они едут по железной дороге (в период с 1 октября по 15 мая), скидка в размере 50 процентов предоставляется не только им самим, но и учителям, пионервожатым, воспитателям и другим руководителям организованных групп учащихся. Билеты со скидкой продаются в этих случаях по предъявлении в кассу групповой заявки — из расчета один руководитель на 15 учащихся.

Право покупать билеты с

пятидесятипроцентной скидкой в период с 1 октября по 15 мая имеют работающие подростки моложе 18 лет, если они едут в санаторий или возвращаются оттуда к месту постоянного жительства. Чтобы приобрести билет на льготных условиях, подросток должен предъявить в кассу специальную путевку с отрывным талоном, выданную профсоюзной организацией или органом здравоохранения.

Советские юноши и девушки, совершающие в период с 1 октября по 15 мая туристские путешествия внутри страны по путевкам и маршрутам бюро международного молодежного туризма «Спутник», также вправе покупать билеты с пятидесятипроцентной скидкой. Туристы, следующие по путевкам «Спутника» за границу или возвращающиеся оттуда, пользуются этой льготой на железных дорогах СССР в течение всего года.

Пассажир, совершающий поездку по билету со скидкой, должен иметь при себе документ, на основании которого он получил льготу (студенческий билет, пенсионное удостоверение, путевку и тому подобное). Этот документ он обязан предъявлять по требованию проводников, ревизоров-контролеров и других работников железной дороги, выполняющих контрольные функции.

В ряде случаев предусмотрен бесплатный проезд по железной дороге. Право бесплатного проезда в любых поездах и вагонах предоставлено депутатам Верховного Совета СССР — по всей сети железных дорог страны; депутатам Верховных Советов союзных

и автономных республик — по территории соответствующей республики; депутатам краевых, областных Советов, Советов автономных областей, национальных округов и районных Советов депутатов трудящихся—соответственно по территории края, области, округа, района. По предъявлении депутатского удостоверения билетная касса выдает посадочный талон на поезд. В пригородных поездах проезд разрешается без посадочного талона — только по депутатскому удостоверению.

Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда, лицам, награжденным орденом Славы трех степеней, выдаются бесплатные билеты для личного проезда один раз в год (туда и обратно) железнодорожным транспортом в мягких вагонах скорых и пассажирских поездов. Билеты выдаются в обмен на талоны соответствующего года по предъявлении книжки Героя или орденской книжки.

Проживающие в сельской местности учащиеся начальных, восьмилетних и средних общеобразовательных школ, в том числе школ-интернатов,

имеют право бесплатно ездить в школу и обратно — к месту жительства. Они могут ездить в пригородных поездах или в общих вагонах местных поездов по специальным именным ученическим билетам с фотокарточкой.

Бесплатно пользуются железнодорожным транспортом врачи и средний медицинский персонал при следовании к больному (когда его жизни угрожает опасность) или при его перевозке в ближайшее лечебно-профилактическое учреждение. Они предъявляют в кассу специальное удостоверение и заполненный талон, который обменивается на билет для проезда в пригородном или пассажирском поезде.

Право бесплатного проезда имеют некоторые должностные лица. Например, судебные исполнители могут ездить по абонементным билетам, выданным бесплатно на основании именных списков соответствующих судов. Служащие рядового и начальствующего состава милиции могут бесплатно ехать в пригородных поездах по служебным удостоверениям.

В. ЛЯНДРЕС,
кандидат юридических наук

На некоторые вопросы читателей, касающиеся организации и деятельности жилищно-строительных кооперативов, отвечает по просьбе редакции Д. С. Пудиков — начальник отдела долгосрочного кредитования кооперативного и индивидуального жилищного строительства Стройбанка СССР.

Прошу рассказать о порядке организации жилищно-строительных кооперативов.

И. ПАРАМОШИН,
Московская область.

Жилищно-строительный кооператив организуется в городе, поселке при жилищном управлении (отделе) либо управлении (отделе) коммунального хозяйства исполкома городского, районного, поселкового Совета депутатов трудящихся или при предприятии, учреждении, организации. Рабочие и служащие нескольких небольших предприятий, организаций, а также пенсионеры могут объединяться в один кооператив.

Жилищное управление (отдел), управление (отдел) коммунального хозяйства либо предприятие, учреждение рассматривают вопрос об образовании ЖСК и совместно с профсоюзными организациями проводят общее собрание граждан, желающих вступить в кооператив. Решение собрания о создании ЖСК, списки граждан, желающих вступить в него, и членов их семей, которые будут переселяться на кооперативную жилую площадь, утверждаются исполкомом городского, районного, поселкового Совета.

После утверждения такого решения снова созывается общее собрание вступающих в кооператив — для принятия Устава ЖСК. Затем Устав регистрируется в жилищном управлении (отделе) исполкома Совета, утвердившего решение об организации ЖСК, а в городах с районным делением — исполкома районного Совета по месту строительства жилого дома (домов).

После регистрации Устава общее собрание членов кооператива избирает его правление и ревизионную комиссию.

Имеет ли ЖСК право строить дом по индивидуальному проекту?

В. ГАРАНИН,
Ленинградская область.

Да, жилищно-строительный кооператив вправе возводить дом по индивидуальному проекту, если на это есть разрешение Государственного комитета по делам строительства Совета Министров союзной республики.

Оплата расходов, связанных с изготовлением в таких случаях проектно-сметной документации, может быть произведена за счет части паевых взносов членов ЖСК — по мере поступления этих средств на лицевой счет кооператива в соответствующем учреждении Стройбанка СССР.

Кто возмещает гражданам стоимость принадлежащих им строений, а также плодово-ягодных насаждений и посевов, которые находятся на земельных участках, отведенных под строительство кооперативных жилых домов?

Н. САЗАНОВСКИЙ,
Молдавская ССР.

Жилищно-строительные кооперативы освобождаются от возмещения стоимости сносимых строений, принадлежащих гражданам, и стоимости плодово-ягодных насаждений и посевов, находящихся на отводимых кооперативу земельных участках. В стоимость строительства кооперативного дома включаются только затраты, связанные с разборкой строений и вывозом строительного мусора.

Стоимость сносимых строений и устройств (домов, сараев, погребов, колодцев и тому подобного), а также плодово-ягодных насаждений и посевов выплачивается гражданам исполнительными комитетами городских, районных Советов депутатов трудящихся или предприятиями, учреждениями, организациями, которым отведены земельные участки, в порядке, предусмотренном постановлением Совета Министров СССР № 1131 от 15 декабря 1961 года. Согласно этому постановлению гражданам — собственникам сносимых домов и устройств — и членам их семей могут быть предоставлены, по их желанию, квартиры в государственном жилом фонде по существующим нормам, без возмещения стоимости строений и устройств.

Может ли вступить в ЖСК человек, имеющий в личной собственности жилой дом?

М. КЛЕПИКОВ,
Владимирская область.

Согласно пункту 6 Примерного устава ЖСК, утвержденного постановлением Совета Министров РСФСР от 2 октября 1965 года, граждане, владеющие на праве личной собственности жилым домом (или частью его), могут быть приняты в кооператив лишь в случае, если принадлежащий им дом (или часть его) не пригоден для постоянного проживания или не может быть использован для постоянного проживания по каким-либо другим причинам, при условии выполнения требований статьи 108 Гражданского кодекса РСФСР.

А в соответствии со статьей 108 ГК РСФСР собственник должен произвести отчуждение своего дома (продать его, подарить кому-либо) в течение года со дня вселения в квартиру жилищно-строительного кооператива.

**Я пенсионерка.
Живу в своем доме,
в селе. Решила
переехать в город,
к дочери,
а дом продать.
Как оформить
его продажу?
Требуется ли для этого
нотариальное
удостоверение?
М. Дементьева,
Курганская область.**

Статья 239 Гражданского кодекса РСФСР предусматривает, что договор купли-продажи жилого дома (или части дома), находящегося в сельском населенном пункте, должен быть совершен в письменной форме и зарегистрирован в исполкоме сельского Совета депутатов трудящихся. Несоблюдение этих правил влечет недействительность договора.

Нотариальное удостоверение договора купли-продажи дома в сельской местности не обязательно. Но по желанию сторон, то есть продавца и покупателя, такой договор,

кроме регистрации в сельисполкоме, может быть также и удостоверен в нотариальной конторе, а в районах, где нет нотариальной конторы, — в исполкоме сельского Совета депутатов трудящихся по месту нахождения дома.

При регистрации договора в исполкоме сельского Совета по записям в похозяйственной книге проверяется принадлежность дома продавцу и отмечается в книге, что дом переходит к покупателю.

В случае продажи (а также дарения) жилого дома, расположенного на земле, закрепленной за колхозом, совхозом или другим государственным сельскохозяйственным предприятием, организацией, учреждением, необходимо решение общего собрания членов колхоза (собрания уполномоченных) либо решение администрации совхоза или другого государственного сельскохозяйственного предприятия, организации о сохранении полностью или частично приусадебного участка за приобретателем дома с указанием размера участка.

Такое требование обусловлено тем, что земельные участки в нашей стране нельзя покупать и продавать. Они передаются только в пользование.

Ю. ЖУКОВ,
кандидат юридических наук

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ

ОНИ САМИ
О СЕБЕ

ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ — БЕСПРАВИЕ

Буржуазная пропаганда не прочь поговорить о правах личности, якобы гарантированных законодательством западных стран. При этом ссылаются порой на соответствующие статьи и параграфы тех или иных юридических актов. Между тем формальное провозглашение прав, как показывает капиталистическая действительность, ничего общего не имеет с осуществлением их на деле. Не говоря уже о том, что многие важнейшие права трудящихся в ряде промышленно развитых стран Запада вообще не нашли никакого отражения в законе. Взять, скажем, право на труд.

Какая буржуазная страна может похвалиться тем, что оно в действительности осуществляется? Напротив, безработица все больше и больше охватывает капиталистический мир. И в то же время ведущие государства Запада всячески противятся не только выработке международно-правовых норм в области основных прав и свобод человека, но и осуществлению этих норм на своих территориях. Например, в январе этого года вступил в силу международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека, в котором

нашли отражение такие статьи, как право на труд, социальное страхование и так далее.

И что же! США, Франция и другие буржуазные страны не поставили под пактом своих подписей, а Великобритания, хоть и подписала, но не ратифицировала его. И это происходит уже после вступления в силу Заключительного акта совещания в Хельсинки по безопасности и сотрудничеству в Европе, участники которого заявили, что «они будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод...» Между тем на буржуазном Западе грубо попираются те самые права человека, которые зафиксированы в Заключительном акте. Именно там в нарушение законодательства людей преследуют за их убеждения, проводятся полицейские слежки, подслушиваются телефонные разговоры и вскрываются личные письма, ведутся медицинские опыты с препаратами, призванными оказывать влияние на поведение людей. Именно там царят расизм и национализм, разгул преступности, корни которой носят глубокий социальный характер.

В этом номере мы публикуем некоторые материалы из буржуазных органов печати, которые наглядно свидетельствуют о вопиющих нарушениях основных и важнейших прав человека в ведущих капиталистических странах.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

ЦРУ оборудовало в Нью-Йорке небольшую лабораторию для технического исследования писем. Конверты, отобранные при просмотре корреспонденции, фотографировались, вскрывались, и их содержимое также фотографировалось. После этого письма вновь запе-

чатывались. Техническое исследование некоторых писем и их содержания также проводилось в лаборатории ЦРУ в этом районе. Копии писем анализировались в штаб-квартире ЦРУ.

В список организаций, за которыми велась слежка, были включены Конференция христианского руководства на Юге, Школа афроамериканской мысли, Вашингтонское этическое общество, Американская гуманистическая ассоциация, Объединенный фронт черных, Вашингтонский мобилизационный комитет борцов за мир, Лига сопротивления войне, «Черная пантера», Городская лига Вашингтона, «Черные мусульмане». Агентам было дано указание докладывать обо всем, что происходит на их собраниях, включая имена ораторов и краткое содержание их выступлений, сообщать о любых угрозах лидерам правительства США, а также давать оценку возможной эволюции этих организаций.

...ЦРУ приступило к изучению свойств некоторых медицинских препаратов, влияющих на поведение человека, и исследованию пу-

Для этих людей из многомиллионной армии американских безработных «рабочим местом» уже давно стала очередь на бирже труда.

Фото АП — ТАСС.

Бостонские полицейские (США) арестовывают участников выступлений за гражданские права.

Фото ЮПИ — ТАСС.

тей их применения для нужд разведки. Эти исследования были частью гораздо более широкой программы в рамках ЦРУ, нацеленной на изучение возможных средств контроля над поведением человека. Помимо этого велись исследования последствий радиации, электрического шока, веществ, влияющих на психику людей, их поведение и так далее.

Из доклада комиссии по расследованию деятельности ЦРУ.

...Угроза, нависшая над уровнем жизни большинства трудящихся, становится все более конкретной и усиливает внутреннюю напряженность. Безработица, неуверенность, страх перед завтрашним днем, боязнь заболеть. Бюджеты всех больших городов дефицитны, и муниципалитеты увольняют десятки тысяч служащих и преподавателей. А это приводит к росту беспокойства и недовольства... Анализы полицейских служб показывают, что нападения на улицах непосредственно связаны с ростом безработицы.

Журнал «Франс нувель».

Представьте себе сорокачетырехлетнюю Мириам Смит, которая на бирже труда в Атланте беседует с консультантом по трудоустройству. Она говорит: «Сейчас я готова взяться за любую работу в надежде, что позже найду что-нибудь получше».

Не имея сбережений или других источников поддержки, она потеряла свою последнюю работу кассира, когда прошлым летом

продовольственный магазин, в котором она работала, сократил число служащих... Она ежедневно просматривает объявления в газетах и бесконечное количество раз ходила по различным учреждениям в поисках работы... «Я просто должна получить работу,— говорит она, нервно потирая руки.— Вот и все».

Журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт».

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

«Предстоит несколько очень трудных и даже унылых месяцев,— сказал премьер-министр Англии Гарольд Вильсон*,— на протяжении которых реальный жизненный уровень несомненно упадет».

В настоящее время больной страной Европы считают Англию. Показатель инфляции в этой стране, составивший за 12 месяцев 25 процентов, в четыре раза больше, чем в Западной Германии, и в два с лишним раза больше, чем в среднем по странам европейского Общего рынка.

Хотя спад в выпуске промышленной продукции согласно последним официальным данным замедляется, многие экономисты опасаются, что безработица, превышающая сейчас миллион человек, до конца зимы достигнет, может быть, 1,5 миллиона человек... Если «Крайслер» приведет в исполнение свою угрозу и закроет заводы в Англии, это одно будет стоить стране более 25 000 рабочих мест.

Газета «Нью-Йорк таймс».

Пятьдесят тысяч бедняков в Ноттингеме. Шестая часть жителей — жертвы той или иной формы бедности. Возможно ли это в столь прелестном, ухоженном, благоухающем цветами и изобилующем зелеными пространствами городе? Чтобы убедиться в этом, мы пожелали увидеть все своими глазами. Нас повезли сначала в пункты выдачи обедов старикам, живущим в благоустроенных кварталах. Да, снаружи дома, окруженные палисадниками с ровно подстриженным кустарником, выглядели вполне достойно. Но внутри — какая безысходная нужда! Вот супруги-инвалиды уже много лет ютятся в комнатухе, большую часть которой занимают ветхая кровать и кресла, покрытые мохнатыми полотенцами; одинокая старушка со

* Это заявление Вильсон сделал незадолго до ухода в отставку. (Прим. ред.)

сморщенным лицом и воспаленными глазами; а вот потерявшая рассудок женщина с потухшим взором, сидящая на кровати в ночной сорочке...

Вот истинное лицо Ноттингема: новые кварталы и лачуги; процветающее предприятие и пришедшая в упадок кружевная фабрика, которая кое-как существует, эксплуатируя труд беднейших жителей; известный университет и рост детской преступности.

Бедность согласно различным подсчетам и сегодня удел 5—10 процентов англичан. Особенно страдают от бедности пять категорий населения. Прежде всего — и это самая многочисленная группа — люди, получающие низкую заработную плату. В Великобритании нет гарантированного минимума зарплаты. Затем старики, семьи, имеющие одного родителя, хронически больные, инвалиды и хронически безработные.

Газета «Монд».

Среди чернокожих и цветных британцев растут гнев и брожение. Они в основном недовольны тем, что цвет кожи, в особенности во времена экономического спада, мешает им получить работу в стране, которая издавна с гордостью называла себя страной равных возможностей.

В Лондоне, Бирмингеме, Манчестере и Лидсе сконцентрировано большинство из полутора миллионов черных и цветных, живущих в Англии. Лишь немногие из них работают в банках, страховых компаниях, газетах или в административных учреждениях. В полиции Лондона, насчитывающей 21 тысячу человек, служит около 40 цветных. В лейбористском кабинете нет ни цветных, ни черных. Их нет

Из-за напряженной атмосферы в Северной Ирландии даже во время новогодних праздников «деды-морозы» не могли появиться на улицах без военного эскорта. Время идет, а Лондон по-прежнему делает ставку на силу и репрессии против трудящихся Ольстера, ведущих справедливую борьбу за предоставление всему населению провинции равных гражданских прав и политических свобод.

Фото ТАСС.

также среди 630 депутатов палаты общин. Мастера на заводах — почти неизменно белые, даже на тех заводах, где на каждые 10 рабочих приходится один белый.

Между ноябрем 1973 года и маем 1975 года безработица в Англии в целом возросла на 65 процентов, но среди цветных рабочих она увеличилась на 156 процентов...

Жилищные условия — другая причина для недовольства. Семьи цветных часто загоняют в дома, условия жизни в которых ниже установленных стандартов... В районах, где обитают цветные, больше 20 процентов семей живет в общих квартирах. Это гораздо больше средней цифры в 3,8 процента.

Преступность среди черных подростков растет, в особенности в районах с высоким процентом безработицы. В одном из районов Лондона 80 процентов ограблений... приписываются цветным молодым людям.

Журнал «ЮС ньюс энд Уорлд рипорт».

ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ

Правительственные эксперты в области статистики отмечают, что по сравнению с 1974 годом число безработных увеличилось вдвое, а число вакантных мест вдвое уменьшилось. В Западной Германии пытаются убедить трудящихся в том, «что каждый работающий по найму застрахован от безработицы».

Страх потерять средства к существованию испытывают не только многие старики и неквалифицированные рабочие; часто он охватывает также и «обычных безработных», когда им несколько недель или даже месяцев не выплачивают первое пособие по безработице. В последнее время, когда увеличивается наплыв просителей в управление по вопросам труда, это случается все чаще и чаще. Хотя согласно распоряжениям каждый проситель должен получить ответ в восьмидневный срок, в одном только Штутгарте в течение месяца остались без ответа 1100 заявлений.

Просители нередко бурно реагируют на такие задержки. Так, Гейнц-Дитер Мартел, который... работал в одной мюнхенской

строительной компании, написал министру труда, что теперь он «сыт по горло этим, извините за выражение, немецким социальным государством».

Мартел, который семнадцать лет платил страховку по безработице, обратился в мюнхенское управление по вопросам труда, чтобы узнать, может ли он получить аванс, так как его просьба о выплате пособия по безработице все еще рассматривается. Из управления по вопросам труда Мартела отослали в ведомство по страхованию, оттуда вновь в управление и «после дополнительных мытарств» — снова в ведомство по страхованию, где ему, наконец, оказали материальную помощь в размере 500 марок. Он просто не знает, пишет Мартел министру, как будет жить на эти деньги до получения пособия по безработице при квартплате в 565 марок.

На большую перегрузку этих ведомств, когда «на трех сотрудников порой приходится 600 безработных», жалуются в первую очередь работники ведомств. «У нас,— утверждают сотрудники мюнхенского управления по вопросам труда,— настоящий сумасшедший дом».

Журнал «Шпигель».

В Мюнхене рассказывали об Ингрид Шольце, занимавшей в течение пятнадцати лет пост ассистента профессора в университете; она была уволена за преступление, выразившееся в убеждениях: она не скрывала своих симпатий к левым. Рассказывали о Ротраул Бренцель, преподавателе математики, которая победила в конкурсе на замещение должности заведующего кафедрой, но ей отказали в ней, потому что в 1969 году она подписала на левую газету, потому что она была членом Общества германо-чилийской дружбы и потому, что на университетских выборах она баллотировалась по списку социал-демократов. Рассказывали о Герхарде Биттервольде, которому в Нюрнберге отказали в должности преподавателя на том основании, что он член Ассоциации преподавателей — социал-демократов. И рассказывали о лице, который закрыл свои двери перед одной преподавательницей по той причине, что ее брат, проживающий в Мюнхене, поддерживает, как подозревают, контакты с анархической группой.

«Запрет на профессии», то есть закон об экстремистах, принятый в январе 1972 года, стал широко претворяться в жизнь лишь в 1975 году. В связи с этим законом человек, которого считают «противником конституции», теряет свое место в государственном административном аппарате. Преподаватели, государственные служащие,

рабочие могут быть уволены по доносу, на основании одного лишь подозрения. Охота за ведьмами — в полном разгаре. Федеральное ведомство по охране конституции начало полмиллиона расследований. Сотни людей были уволены. Точное их число неизвестно. Тот, кто потерял место, старается не объявлять об этом, потому что в ФРГ это что-то вроде клейма, которое обрекает на пребывание в гетто, клейма, которое необходимо прятать в надежде на то, что удастся найти другое место, может быть в какой-либо частной фирме. Репрессии обрушились на многих, и это автоматически порождает обстановку запугивания, которая сказывается на всех. Тысячам людей отказали в просьбе принять их на государственную службу.

Журнал «Европео».

ИТАЛИЯ

Итальянский министр промышленности выразил тревогу, предупредив, что спад еще не достиг своей низшей точки и что Италии потребуются в 1976 году минимум 500 000 новых рабочих мест только для того, чтобы предотвратить дальнейший рост безработицы.

- Работницы швейной фабрики на юге Италии требуют обеспечения занятости и прекращения массовых увольнений.

Фото ТАСС.

По имеющимся данным, в Италии насчитывается более миллиона безработных плюс 400 000 человек частично безработных. Безработица на Юге в два с половиной раза больше среднего уровня на Севере.

Главный источник слабости — сокращение капиталовложений. Частично свернутые планы, о которых свидетельствуют официальные доклады, а также сокращение импорта станков и другого промышленного оборудования, по мнению банкиров, говорят о том, что перелом в этой сфере наступит не скоро.

Газета «Нью-Йорк таймс».

ФРАНЦИЯ

Спад, начавшийся в 1974 году, не был причиной безработицы; он лишь послужил фактором, усугубляющим ее. Короче говоря, безработица носит структурный характер, и никакие конъюнктурные меры (типа увеличения потребления, экономического роста «как у японцев», «нового экономического роста») не смогут привести к ликвидации безработицы.

Газета «Монд».

Французская экономика в силу самой своей структуры неспособна обеспечить работу всем. Даже в итоге предусмотренного VII планом ежегодного роста производства на шесть процентов в течение пяти предстоящих лет в стране еще будет насчитываться в 1980 году 700 000 безработных.

В силу роста населения каждый год на «рынок труда» приходят 210 000 молодых людей, ищущих работу. К этим 210 000 следует прибавить еще 86 000 — число крестьян, которые каждый год (независимо от того, урожайный он или нет) перебираются в города. Короче говоря, необходимо ежегодно создавать 300 000 новых рабочих мест, чтобы предотвратить рост безработицы. Кроме того, на этой цифре — 300 000 человек — можно остановиться лишь в том случае, если считать, что не меняется процентный показатель числа женщин, согласных заниматься только домашним хозяйством. А он меняется:

за последние десять лет показатель числа работающих на производстве женщин вновь возрастает. Сегодня он уже приблизился к уровню, существовавшему шестьдесят лет назад: в 1974 году эта цифра составила 38,4 процента против 38,7 процента в 1911 году и 30 процентов в 1954 году.

Еженедельник «Нувель обсерватёр»

«Нет, я никогда не видел моря,— говорит Жан, сорокапятилетний крестьянин из пиренейской деревни Урд, отец двоих детей.— Никто из жителей деревни не ездит в отпуск. На какие деньги?..»

Вся жизнь этой маленькой горной деревушки на краю Франции круглый год зависит от необходимости пасти жалкие стада коров и овец.

Урд похожа на соседние деревни, а может быть, еще беднее их. Здесь много опустевших, разрушающихся домов. Население ее с конца прошлого века сократилось на 90 процентов. Старики умирают, молодежь уходит.

Сейчас в деревне нет даже магазина. Булочник, мясник и другие заезжают несколько раз в неделю, набавляя к цене на свой товар транспортные издержки. «Здесь все гораздо дороже»,— говорит крестьянка. С внешним миром Урд связывает единственная телефонная кабина.

У этих крестьян нет никаких избытков: сын мэра, например, носит куртку, купленную в 1939 году... Нет ни досуга, ни воскресных развлечений, ни танцев, ни кино...

Газета «Монд».

Т

там, где магистральная дорога на Париж делает большую дугу, там, где открывается чудесный вид на долину Соммы, стоит полицейская префектура местечка Монтежур, заметная уже издали по двум вечно торчащим из окна предметам: выцветшему, обтрепанному трехцветному флагу и усам префекта Клаудиуса Бродекена. Монтежур насчитывает примерно три тысячи душ усердных виноградарей и земледельцев, которые все на «ты» со стражем закона и не доставляют ему серьезных хлопот. Три тюремные камеры почти круглый год пустовали.

Понятно поэтому, что префект Бродекен несколько даже испугался, когда от него решительно потребовали немедленного полицейского вмешательства. Из квартиры юре похищены большой мешок с деликатесами и 40 000 франков из кассы общины. Такой подлости дерезушка не знала за всю свою четырехсотпятидесятилетнюю историю. Охваченное священным негодованием население Монтежура почти в полном составе явилось в префектуру с требованием покарать богохульника.

В соответствии с предписаниями Бродекену надлежало только обеспечить охрану места преступления и вызвать из города уголовную полицию. Но префект, взглянув на часы, заколебался. Было уже 16.30. Через полчаса, которые уйдут на то, чтобы связаться с городом, в полиции не будет ни души. Бродекен сам был в достаточной мере чиновником, чтобы знать, как точно заканчивают государственные учреждения свой рабочий день. Значит, к исполнителю сообщение попадет не раньше следующего утра. Пока будет выписано командировочное предписание, выдан аванс и закончены прочие формальности, наступит полдень. А после полудня по средам нет автобуса в Монтежур. От Перонна присланному сыщику придется добираться пешком, и на месте он будет опять-таки к 17 часам, то есть к концу своего рабочего дня. Следовательно, за розыски преступника он примется только послезавтра утром!

Взвесив все это, Бродекен решил сам взяться за дело, пусть даже пришлось бы потратить на него какую-то часть свободного времени. Преступник не мог быть местным. Даже самые отпетые из монтежурских греховодников не посмели бы забраться в кладовую к господину юре и ограбить приходскую кассу. Еды у них у самих хватало, а деньги проще было утащить прямо из кошелька для пожертвований во время мессы. Нет, преступник, несомненно, был пришлый. С момента ограбления не прошло еще и часа; до ближайшей железнодорожной станции одиннадцать километров, то есть почти два

часа ходу. Значит, если повезет, грабителя удастся догнать. И Бродекен поспешно выкатил из гаража префектуры мотоцикл.

В трех километрах от Перонна, как раз когда кончился бензин, Бродекен наткнулся на небритого, грязного старика, который, сидя на траве у самой обочины, хладнокровно уплетал стянутые у юре delicatесы. В тот момент, когда он отхлебнул большой глоток божоле, префект приставил к его груди пистолет. Клаудиус Бродекен был по натуре человеком добродушным, однако наглость, с какой старик, прежде чем удостоить его вниманием, опустошил бутылку, вывела его из себя.

— Каналья! — вскричал он, схватив бродягу за отвороты ветхой куртки и рывком поставив его на ноги.— И не стыдно тебе было вломиться в дом господина юре? Сколько стои́т Монтежур, в нем не видывали подобного свинства! Гореть тебе в аду!

Старик равнодушно пожал плечами и стал неторопливо складывать в мешок разбросанные вокруг баночки, свертки и кулечки.

— Его преподобие как-нибудь переживет такую потерю. У него в кладовой достаточно добра.

Вырвав мешок, Бродекен наставил дуло пистолета на карман старика.

— Что у тебя там еще? А ну, выкладывай!

Старик со вздохом вытащил пачку ассигнаций.

— Ну, слава богу! — облегченно пробормотал префект, отбирая деньги. У него камень с души свалился: средства общины были спасены.

Транспортировка арестованного была сопряжена с трудностями. Прицепив мешок к рулю, Бродекен правой рукой толкал мотоцикл, а левой с пистолетом подгонял бродягу. До Монтежура было восемь бесконечно длинных километров по сильно пересеченной местности. Уже через два километра Бродекен почувствовал, что выдыхается. Пот градом катился по лицу, и хотя он расстегнул воротничок мундира, легче ему не стало. О свободном вечере нечего было и мечтать. В конце концов префект изменил тактику, заставив бродягу толкать мотоцикл. Однако меньше чем через сотню метров старик выбился из сил.

— Мосье,— задыхаясь, произнес он,— это слишком суровая кара. Мне шестьдесят два года. И я не сделал ничего такого, за что полагается смертная казнь. Я буду жаловаться министру юстиции. Причинение арестованным физических страданий законом строго запрещено. Я хорошо в этом разбираюсь, но мне не хотелось бы причинять вам неприятности.

Итак, Бродекен снова был вынужден сам, кряхтя и бранясь, тащить машину в Монтежур.

В деревне измученного префекта чествовали как героя. Монтежурцы убедились, что на французскую полицию можно положиться. Это надо было отпраздновать. Собравшаяся у префектуры толпа оживленно обсуждала прегрешения, которые этот субъект должен был иметь на совести. Крестьяне вспоминали, что у кого пропало за последние месяцы, и приписывали все кражи ничего не подозревавшему бродяге, который тем временем подвергался в префектуре первому допросу.

— Имя? — решительно начал Бродекен, кое-как затолкав в разбитую пишущую машинку бланк протокола.

— Пьер Батист Розуа, родился в Марманде, последнее место жительства Пон-л'Евэк,— привычно отрапортовал бродяга, демонстрируя хорошее знание процедуры допроса.

— Род занятий?

— Нету,— покорно ответил Розуа и начал играть лежавшей на столе ручкой.

Отняв ее, префект укоризненно переспросил:

— Что значит «нету»? Должны же вы на что-то жить? — В официальной обстановке он заставил себя перейти с арестованным на «вы».

— Ну да, мосье. Мой отец был батраком и не имел ни денег, ни терпения обучить меня какому-нибудь ремеслу. Пока я ходил в школу, я помогал отцу работать в имении. Но толку в этой работе я не видел и в четырнадцать лет удрал. Вот с тех пор я и бродяжничаю. Во всяком случае, летом.

— А зимой?

— Зимой я большей частью сидел в тюрьме. Там тепло и как-никак кормят. В Пон-л'Евэке, скажу вам, вполне терпимо.

— Значит, имеете судимости,— прервал Бродекен, опять начиная стучать на машинке.

— Да, конечно. Тридцать одну, по-моему, однако за точность не поручусь. В мои годы память, бывает, подводит. Но в полиции все судимости записаны.

Перестав печатать, префект недоверчиво покачал головой.

— Тридцать одна судимость? Такого не бывает!

— Бывает, бывает,— оживленно возразил Пьер Батист Розуа.— Посчитайте-ка. Мне шестьдесят два года, и зимой мне всегда требуется жилье. Так что ничего удивительного.

Бродекен свистнул сквозь зубы и задал новый вопрос:

— За кражи тоже судились?

— За кражи тоже,— подтвердил Розуа и пожал плечами, словно говоря: без этого не обойдешься!

Префект передвинул в машинке лист на строчку назад, чтобы к словам «имеет судимости» прибавить: «за аналогичные правонарушения».

— Это может вам дорого стоить, Розуа. Вор-рецидивист? Значит, от суда вам нечего ждать пощады.

— Но ведь больше пяти месяцев мне не дадут? — встревоженно осведомился бродяга и стал подсчитывать на пальцах, выйдет ли он к весне из тюрьмы.

— Посмотрим, посмотрим,— радостно откликнулся Бродекен, явно довольный масштабами дела. Опершись локтями на стол, он разгладил усы.— Так, а теперь перейдем к существу преступления. Почему вы залезли в дом господина кюре, Розуа? Только без уверток. Я все равно до всего докопаюсь.

— Что тут докапываться, мосье? Его преподобие был в ризнице. Дверь дома была открыта. Мне нужны были деньги на обратную дорогу в Пон-л'Евэк. Осень в этом году непривычно ранняя, ночи холодные. Мне нужна зимняя квартира.

— Почему вы у господина кюре...

— Именно поэтому, я ведь уже сказал. И продуктами мне надо было запастись на дорогу. Пешком до Пон-л'Евэка добираться не меньше четырех недель.

Бродекен так стукнул кулаком по столу, что чернила расплескались.

— К черту! Что вы мне все твердите про этот Пон-л'Евэк?

Розуа испуганно вздрогнул.

— Последние годы я всегда зимовал в Пон-л'Евэке. Там жить можно. Директор Билла человек с душой, понимаете?

Префект озадаченно посмотрел на закопченный потолок.

— Скажите еще, что совершали в этом вашем Пон-л'Евэке преступления специально, чтобы попасть в тюрьму!

— Именно так я и делал,— скромно опустил глаза Розуа.

— Ну, на сей раз вы перезимуете у нас, это я вам гарантирую! И расскажите наконец все о краже у господина кюре.

Когда с допросом было покончено и префект достал из письменного стола ключи от тюрьмы, Розуа снова робко спросил:

— Пожалуйста, мосье, нельзя ли перевести меня в Пон-л'Евэк? Это ведь мое последнее место жительства.

— Преступление вы совершили в Монтежуре, милейший,— решительно возразил Бродекен и отвел старика в расположенную напротив префектуры тюрьму.

Прежде здесь помещался коровник, который перегородили, устроив три тюремные камеры. Деревенский кузнец изготовил толстые железные решетки для маленьких окошек, через которые все равно не мог бы пролезть человек. Обставлены камеры были по типу средневековых темниц: два тюфяка, набитых соломой и лежавших прямо на голой земле, шаткий стол, табуретка и ведро для отправления естественных надобностей. Печи в тюрьме не было.

Перспектива провести здесь зиму угнетающе подействовала на Розуа. Трое суток он не видел никого, кроме деревенского ночного сторожа, который приносил ему более чем скудную еду.

На четвертое утро из коровника до окон префектуры донесся страшный шум. Розуа разнес в щепки стол и табуретку, разбил зарешеченное окно и выбросил на улицу обломки тюремного инвентаря. Все это он сопровождал таким топаньем и криком, что префект примчался, как на пожар.

Розуа требовал встречи с министром юстиции. Не на шутку перепуганный Бродекен отвел его в префектуру и принялся уговаривать, что оформление дела требует времени; необходимо изготовить три копии протокола, заслушать свидетелей, составить, наконец, докладную. Таков порядок, однако уже сегодня все материалы будут отправлены следователю. В самое ближайшее время назначат суд и Розуа переведут в пероннскую тюрьму.

— Нужен мне ваш Перонн! — взорвался старик. — Я хочу, чтобы мне вынесли приговор в Пон-л'Евэке, черт возьми!

Префекту кровь ударила в голову. Опять этот проклятый Пон-л'Евэк!

— Я тебе десять раз объяснял, что тебя будут судить там, где ты совершил преступление. Так сказано в законе. Французское правосудие — это тебе не бродячий цирк, чтобы выступать где кому вздумается!

— Закон я и сам знаю, можешь меня не учить. В законе сказано также, что, если человек обвиняется в нескольких преступлениях, его судят там, где он совершил самое тяжкое из них. А я совершил самые тяжкие преступления в Пон-л'Евэке.

Перегнувшись через стол, Бродекен схватил старика за плечи и притянул к себе.

— Значит, у тебя и другие грехи на совести, негодяй! — зарычал он. — Так я и думал. Ну, признавайся, что ты там еще украл? Говори, только живо!

— Я убийца, даже вдвойне убийца. В Пон-л'Евэке я убил двух человек, так-то!

Розуа вырвался из рук Бродекена и с гордым видом посмотрел

на него, словно только что признался, что награжден орденом Почетного легиона. На миг префект онемел, но затем до него дошло, что бродяга во что бы ни стало хочет вернуться в Пон-л'Евэк. И, верно, у него должны быть достаточно серьезные мотивы, если он решился даже выдумать это двойное убийство. Впрочем, каковы бы его мотивы ни были, Бродекен успеет в них разобраться. Так или иначе, планы старика он сорвет. Бродяга будет сидеть в монтежурском коровнике, пока не позеленеет.

До окончания рождественских каникул заседаний у пероннского судьи не предвиделось, и, значит, еще четыре недели префект мог держать материалы расследования у себя. Откинувшись на спинку кресла, он полистал тоненькую папку и неторопливо заговорил:

— Итак, ты совершил двойное убийство! Гм! Ну, тогда расскажи мне, кого, почему и при каких обстоятельствах ты убил. Если ты убийца, ты должен все это знать. Или тебе изменила память?

Розуа как будто только и ждал этого вопроса. С готовностью, словно затверженный урок, он пояснил:

— Я убил супругов Пеллегрин. Они держали трактир на улице Фарм в Пон-л'Евэке. Я их терпеть не мог. Они скверно относились к тем, кто сидел в тюрьме. Только когда в трактире никого не было, мы могли получить рюмочку кальвадоса. Ужасные люди!

— И что же с ними случилось, с этими Пеллегринами? — уже с интересом спросил префект.

— В тот день около полудня меня выпустили из тюрьмы. Я пообедал в «Отель де Пари», потом подошли несколько друзей, и мы отпраздновали мое освобождение. В десять часов вечера, когда всем надо было разойтись, я, не зная, куда податься, хотел уже вернуться в тюрьму, чтобы переночевать там, но заметил в трактире Пеллегринов свет. Гюстав домывал последние рюмки, а Луиза, его старуха, как раз собралась закрывать ставни. Значит, подумал я, все уже разошлись и, если хорошенько попросить Гюстава да еще угостить его, можно получить глоток кальвадоса. Гюстав, знаете ли, был не такой уж вредный и никогда не отказывался от угощения. Но вот Луиза, та была настоящая ведьма. Она, собственно, и виновата во всем.

— Хорошо, хорошо,— перебил префект, нетерпеливо ерзая в кресле,— но давай ближе к делу!

— Сейчас будет и дело,— успокоил старик, бесцеремонно взяв сигарету из лежавшей на столе пачки.— Я не ошибся в своих расчетах: Гюстав сразу согласился налить мне. Но Луиза заорала: «Ни капли не получит этот арестант! Ты что, хочешь растерять всех приличных клиентов?». И она принялась по-всякому честить меня: раз-

бойником с большой дороги, каторжником; всего и не упомянешь. Она была самой зубастой злопыхательницей во всем Пон-л'Евэке.

— Ладно, ладно, верю. Но что же было дальше?

— Всего я уже хорошо не помню. Знаю, что Луиза пыталась меня вытолкать, но я уцепился за печку. Тут мне под руку попала лопата для угля, и, когда Луиза закатила мне оплеуху, я ударил ее лопатой. Гюстав бросился на помощь жене, и это привело меня в такую ярость, что я ударил и его. Я вовсе не хотел убивать их, но увидел, что оба они мертвы. Что мне было делать? Сначала я зачихнул трупы за прилавок. Потом запер наружную дверь. В это время кто-то прошел мимо. Я не знал, видел ли он меня, но при всех обстоятельствах мне надо было бежать. Единственное, что я успел прихватить, это пару бутылок кальвадоса и деньги из кассы. Там не было и десяти тысяч франков. Жалкий улов! Я хотел сразу отправиться на вокзал, чтобы попасть к одиннадцатичасовому поезду на Кан. Но потом подумал, что, если убийство скоро обнаружат, преступника станут прежде всего искать на железной дороге. Поэтому я, как мог, уничтожил все следы и отнес трупы в автофургон Пеллегринов, стоявший у них во дворе. На этом фургоне я отвез их потом в березовый лесок и закопал у опушки. Позднее в газете я прочел, что полицейская собака нашла их там. У меня было мало времени, и я не мог вырыть глубокую яму. Первый поезд на Кан уходил около пяти утра, и я непременно хотел попасть на него.

Префекту стало как-то не по себе. Выдумать такое старик не мог. Но зачем он вдруг признался в преступлении, в котором его до сих пор, совершенно очевидно, никто не подозревал?

Бродекен был в нерешительности. Чтобы выиграть время и хоть отчасти собраться с мыслями, он закурил, продолжая неотступно наблюдать за стариком. Тот сидел с невозмутимым видом, и его хитрые глаза как будто вопрошали: «Ну что? Теперь у тебя, похоже, язык отнялся?»

Откашлявшись, префект с угрозой произнес:

— Розуа, признание кажется мне странноватым. Предупреждаю тебя! Если ты врешь, тебе будет плохо. Тогда к ограблению прибавится умышленная дезинформация полицейских властей, и это будет стоить тебе лишнего года. А о том, чтобы ты провел его здесь, в коровнике Монтежура, я уж позабочусь!

Старик лишь пренебрежительно усмехнулся:

— Если сомневаетесь, можете проверить. Запросите Пон-л'Евэк. Я могу сообщить вам еще сотню подробностей.

Бродекен ухватился за это предложение. Он потребовал рассказать ему всю историю второй, третий и четвертый раз. Но старик

не запутался в противоречиях. Больше того, он сделал наброски места преступления и опушки, где закопал трупы, причем так наглядно и убедительно, что у монтежурского префекта не осталось больше сомнений. У него мороз по коже пробежал. Дела об убийствах были ему до сих пор знакомы только по детективным романам да ежемесячным посещениям кино в Перонне. Во всей провинции с окончания войны не случилось ни одного убийства. А теперь перед ним сидел выглядевший вполне безобидно хладнокровный убийца двух человек. Хотя дело происходило днем, Бродекену стало жутко.

Четыре часа протоколировал он страшные подробности злодеяния. Затем снова запер Розуа в коровнике и помчался на мотоцикле в Перонн, чтобы передать все материалы в прокуратуру. Он больше не горел желанием держать всю зиму в монтежурском коровнике Пьера Батиста Розуа.

Через две недели Бродекена снова вызвали в Перонн. Старший прокурор, начальник полиции и даже сам мэр жали ему руку, хвалили за криминалистические способности и обещали в ближайшее время повысить по службе. Пьер Батист Розуа, как объяснил прокурор, действительно тот самый, полтора года тщетно разыскиваемый по всей Франции убийца Пеллегринов. Его показания и сделанные им наброски до мельчайших подробностей соответствуют объективным материалам дела. Никто, кроме убийцы, не мог всего этого знать!

Клаудиус Бродекен постоял за честь французской деревенской полиции, так часто высмеиваемой в книгах и фильмах. Теперь, заверил господин мэр, похлопав префекта по плечу, вся страна увидит, какого величайшего уважения заслуживают в действительности деревенские полицейские.

Когда прибыла наконец специальная автомашина, чтобы перевести убийцу из монтежурского коровника в Пон-л'Евэк, Бродекен с чувством пожал старику руку и потихоньку сунул ему в карман пачку сигарет. В конце концов, своей неожиданной славой и предстоящим повышением по службе он был обязан арестованному и хотел извиниться перед ним за прежние сомнения в правдивости его признания.

А Пьер Батист Розуа, весело посвистывая, покатил в полицейском автомобиле на север, в Нормандию, довольный, что достиг своей цели и проведет зиму в родной тюрьме в Пон-л'Евэке.

Покачивая головой, наблюдал Бродекен из своего окна за машиной, пока та не скрылась за облаком пыли. Чтобы отпетый преступник, за которым полиция тщетно полтора года охотилась, доброволь-

но признался, хотя этому никто вначале не хотел даже верить,— нет, в голове простого деревенского полицейского это не укладывалось.

Хотя в Монтежуре история Розуа скоро стала известна каждому младенцу, до больших городов она явно не докатилась. Газеты департамента поместили, правда, фотографию префекта, а утренняя пероннская газета опубликовала даже взятое у него интервью, однако центральная пресса прошла мимо случившегося.

Только в Монтежуре тема эта осталась злободневной, и все спрашивали Бродекена: «Ну, как там, Клаудиус? Был уже процесс? Нашлись у старика смягчающие обстоятельства, или его ждет гильотина?»

Итак, община требовала у префекта информации, и он день за днем просматривал половину выходящих во Франции газет, но в них ничего о деле не сообщали. Тогда он обратился в прокуратуру Перонна с просьбой официальным порядком выяснить, чем вся история кончилась.

Не получив из Перонна ответа, Клаудиус Бродекен снова сел за свою дряхлую пишущую машинку и отстукал письмо прокурору Пон-л'Евэка, прося сообщить, как обстоит дело по обвинению Пьера Батиста Розуа в двойном убийстве.

Ответ произвел в Монтежуре действие разорвавшейся бомбы:

«Дело против вышеназванного прекращено. Доказано, что никакого отношения к упомянутым убийствам он не имеет. Действительные убийцы супругов Пеллегрин уже арестованы в Швейцарии и в ближайшее время будут выданы французским властям. Что касается Розуа, то он за дезинформацию властей, бродяжничество и воровство приговорен, с учетом смягчающих обстоятельств, к пяти месяцам лишения свободы. Приговор вступил в законную силу, и в настоящее время осужденный отбывает уже наказание в тюрьме Пон-л'Евэка.

Подлинное подписал Боту, прокурор».

Бродекен читал и перечитывал это письмо, не веря собственным глазам. Не может быть, чтобы человек с тысячами подробностей рассказал об убийстве, к которому он никакого отношения не имел. Нет, что-то здесь должно быть не так!

И тут скромный деревенский префект принял решение, приведшее потом к самому громкому судебному скандалу во Франции. Впрочем, сам Бродекен ни о чем таком не подозревал, когда, решив до всего докопаться, отправился в Пон-л'Евэк и остановился в «Отель де Пари», прямо напротив тюрьмы.

Был уже поздний вечер, о делах думать не приходилось, и Бродекен спустился в ресторан поужинать. Из-за стены доносился оглушительный шум: по соседству слишком бурно веселилась какая-то

пьяная компания. Один голос, перекрывший все остальные, показался Бродекену знакомым, но трудно было вспомнить, кому он принадлежит.

Как раз когда официант подавал Бродекену баранью отбивную, дверь открылась и из соседнего зала вышли, спотыкаясь, два пьяных старика. Префект от изумления выронил нож: один из пьяных был Пьер Батист Розуа! Не обратив на Бродекена внимания, он протаскил своего собутыльника через ресторан к выходу.

Бродекен снова обрел дар речи, только когда официант озабоченно спросил:

— Что с вами, мосье? Вам дурно? Могу я чем-нибудь помочь?

— Нет, нет, все уже прошло. Но скажите, пожалуйста, кто эти господа, которые только что вышли отсюда?

Официант сдержанно улыбнулся и, понизив голос, ответил:

— Если вы имеете в виду господина, которому было нехорошо, то это мосье Билла, директор здешней тюрьмы.

— А второй? Кто был второй?

— Мосье Розуа, близкий друг мосье Билла.

— И остальные господа в том зале, они, что, тоже близкие друзья мосье Билла?

— По-моему, да, во всяком случае, они часто бывают здесь вместе с ним...

Так неожиданное стечение обстоятельств помогло Клаудиусу Бродекену, а затем всей Франции и миру узнать, что опереточная тюрьма, изображенная в «Летучей мыши», нашла свое живое воплощение в нормандском городке Пон-л'Евэке. 71 мужчина и 35 женщин жили здесь, делая что кому заблагорассудится. Только одно правило соблюдалось в тюрьме: не бежать до окончания назначенного судом срока!

Подробности этого существования прояснились в ходе процесса по делу Фернана Билла, последнего директора необыкновенной тюрьмы.

Процесс этот состоялся в суде присяжных в Кане. Председательствовал Рене Шоссери-Лапре. Свидетелями выступали заключенные пон-л'евэксской тюрьмы — 25 мужчин и 10 женщин, временно вместе с усиленным конвоем расквартированные в немногих местных гостиницах. Один журналист по этому поводу заметил: «Здесь налицо вся проблема данного случая: один человек перевернул вверх дном все тюремные порядки, зато никто из его заключенных не бежал, все отбывали назначенный судом срок. Государство считает, что таким обращением с преступниками этот человек сам совершил преступление и должен быть посажен в тюрьму». Юриди-

чески случай был ясен, требовалось установить только размеры допущенных обвиняемым нарушений. Свидетели — заключенные из Пон-л'Евэка — с грустью смотрели на своего бывшего директора, когда его провели мимо них в зал.

Больше всех был расстроен Пьер Батист Розуа. Ведь если бы не его дурацкая выдумка с этим двойным убийством, в тюрьме Пон-л'Евэка еще долго существовала бы система открытых дверей.

В довершение всех бед Розуа первым из свидетелей был вызван в зал, и председательствующий стал выспрашивать его о подробностях монтежурской эпопеи. Более тридцати раз предстал он уже перед судьей, но никогда не чувствовал себя так скверно, как сейчас.

Наконец председательствующий сказал:

— И последний вопрос, свидетель Розуа. Откуда вы, собственно, узнали всю эту историю с убийством супругов Пеллегрин? Когда читаешь показания, данные вами в Монтежуре, кажется, что вы и впрямь убийца. Как вы докопались до всех этих деталей?

Опустив голову, чтобы скрыть лукавую улыбку, от которой он при всей серьезности ситуации не мог удержаться, старый Пьер Батист рассказал:

— Вы, господин председатель, возможно, знаете, что нам, материально не обеспеченным заключенным, приходилось подрабатывать за пределами тюрьмы. Ну вот, когда в прокуратуре заболел писарь, мосье Билла, очень ценивший мой хороший почерк (за зиму я всегда приводил в порядок все накопившиеся у него с лета бумаги), был так любезен, что порекомендовал меня молодому господину прокурору. Как раз в то время и произошло убийство Пеллегринов. Господин прокурор должен был переписать протоколы полицейского дознания, но доверительно перепоручил эту работу мне. Так я и узнал все подробности дела, что позднее очень мне пригодилось. Вы сами понимаете, что я должен был чувствовать, очутившись в этом ужасном деревенском коровнике, и как стремился вырваться оттуда в Пон-л'Евэк. Потому-то я и наговорил на себя, будто совершил это двойное убийство. А так как я рассказал о нем точь-в-точь, как было записано в деле, они в конце концов поверили.

— Хорошо, свидетель, можете сесть.

Розуа, однако, почувствовал облегчение, только когда приставленные к нему на все время допроса конвоиры вывели его из зала. Теперь он, по крайней мере, не видел больше печальных глаз бывшего директора тюрьмы.

Следующим на свидетельское место был вызван подделыватель векселей Рене Грэнвиль,

— Свидетель Грэнвиль,— начал допрос председательствующий,— как долго находились вы в заключении в Пон-л'Евэке?

— Два года,— с готовностью ответил Грэнвиль.— Прискорбная ошибка одного из ваших коллег. Я до сих пор не имею понятия, за что меня осудили...

— Ладно, ладно,— быстро оборвал его председательствующий.— Меня интересуют не ваши правонарушения, а обстановка в тюрьме. Какое, собственно, положение вы там занимали?

— Ну, я был так сказать, заместителем мосье Билла, если угодно. Мосье поручил мне всю административную работу: пропуска, увольнительные, снабжение, проверку счетов и все такое.

— Значит, вы, сами будучи заключенным, выписывали увольнительные вашим товарищам по заключению? И директор не опасался возможных злоупотреблений?

— Никаких злоупотреблений не было. Все шло надлежащим порядком.

— А как насчет заключенного Лагранга, выпущенного на три месяца раньше срока якобы по амнистии?

— Это было единственное исключение, господин председатель. Тут имелись семейные обстоятельства. Видите ли, жена Лагранга хотела уехать в Тунис с другим парнем. Разлука с мужем показалась ей слишком долгой. Вот мы и решили помирить Лагранга. Разве справедливо было бы из-за каких-то там трех месяцев тюрьмы разбить многолетнее супружество, господин председатель? Лагранга снабдили надлежащими бумагами...

— То есть фальшивыми, поскольку надлежащие бумаги должны быть выданы прокуратурой. Не так ли, Грэнвиль?

— Фальшивой была только печать, господин председатель. Постановление же Розуа оформил по всем правилам в канцелярии прокуратуры. Только печати не доставало.

Тут председательствующий не выдержал:

— Боже милостивый! Только печати не доставало! Получить постановление в канцелярии, где Розуа работал писарем, не составило никакого труда. Но вот печать находилась у прокурора, и он, конечно, не скрепил бы ею эту бумагу...

— Ну, о печати позаботился Андре и выполнил ее так, что она не отличалась от настоящей. С помощью крышки от консервной банки и ржавого гвоздя он изготовил печать, которую сам начальник канцелярии не отличил бы от настоящей.

Председательствующий отпустил Грэнвиля, велел вызвать следующего свидетеля.

Бродяга Гюго Алэн, тощий, как жердь, похожий на огородное пугало, сразу, не дожидаясь вопросов, заговорил:

— Вот что я вам скажу, господин советник. Во всем этом свинстве повинен сброд из Довиля — подделыватели векселей, фальшивомонетчики, аферисты. Раньше у нас были только бродяги, браконьеры, разные мелкие нарушители. И мосье Билла знал, что может на нас положиться. Мы не больше двух раз в неделю ходили в трактир и ровно в десять всегда были на месте. Такого, чтобы кто-то отсутствовал всю ночь, ни единого раза не случилось! И компания у нас почти постоянно была одна и та же. Я приходил обычно в ноябре, как Розуа. И тогда директор говорил: «Ага, Алэн, опять дрожишь?» Как ни приятно было летом бродяжничать, к рождеству всегда хотелось иметь крышу над головой и быть среди людей. Но с появлением этих доவில்ских гангстеров,— он на секунду умолк.— В общем, они стали возвращаться только часам к десяти утра!

— Выходит, заключенным разрешалось не ночевать в тюрьме? — ужаснулся председательствующий.

— Ну, конечно. У этих гангстеров были деньги на дорогие номера в отеле, вот они и не каждую ночь проводили в тюрьме.

Кульминационным пунктом процесса явился допрос Эжена Бруасье. Осужденный на четыре года тюремного заключения за многочисленные ограбления магазинов, Бруасье почти три года провел в Пон-л'Евэке и был хорошо знаком с тамошними порядками.

Внешний вид этого человека разительно не соответствовал представлению о профессиональном преступнике: Даже в арестантской одежде Бруасье старался выглядеть джентльменом.

Столкнувшись в дверях судебного зала с бродягой Алэном, Бруасье поглядел на того с княжеской надменностью. Хотя они много месяцев провели под одной крышей, Бруасье считал, что их разделяет пропасть. Легким поклоном приветствовал высокий суд. Председательствующий потребовал описать обстановку в Пон-л'Евэке.

— Пожалуйста, каким был в тюрьме распорядок дня?

Бруасье снова коротко поклонился.

— Охотно, господин председатель. Подъем у нас был в десять часов. Мне приносили завтрак из отеля. Большинство заключенных питались, правда, в тюрьме. Затем мы играли в покер, причем проигравший должен был позднее платить за ужин в отеле или в трактире.

— По нашим сведениям, подсудимый тоже принимал участие в карточных играх,— перебил председательствующий.

— От случая к случаю, господин председатель. Но если мосье проигрывал, платить ему не приходилось. Всегда кто-нибудь из за-

ключенных вызывался сделать это за него. Ведь у мосье Билла очень маленькое жалованье...

— Но он, значит, выпивал потом вместе со всеми? — поинтересовался прокурор.

— Если он был свободен, то не отказывался разделить с нами компанию.

— Однако вы сами последнее время редко принимали участие в этих развлечениях, не так ли, господин свидетель? — спросил председательствующий. — А почему?

— Ну, прежде всего, мне надоело ежевечерне видеть вокруг себя в трактире одни и те же лица и сотню раз выслушивать одни и те же анекдоты. Так что я стал вместо этого ходить в кино. Однако в Пон-л'Евэке, к сожалению, вечно показывают только старые фильмы, и это мне тоже быстро наскучило. Позднее я стал по вечерам вызывать такси и ездить в Довиль. Там есть несколько неплохих баров с интернациональной публикой.

— А где вы брали деньги для посещения интернациональных баров, господин свидетель? Там ведь весьма высокие цены?

Бруасье понимающе усмехнулся, но ответил уклончиво:

— Поначалу у меня были еще кое-какие деньги в банке, о которых при моем последнем аресте полиция не проведала.

— А потом? Вы ведь почти каждый вечер ездили в Довиль?

— Ну, это я назвал бы уже почти служебными поездками, господин председатель, и счета мои оплачивал господин секретарь уголовной полиции Флобер.

— Хорошо, господин свидетель, — после некоторого колебания сказал председательствующий. — Остановимся, пожалуй, на этом пункте. Расскажите, что вам известно об арестованном ныне секретаре уголовной полиции.

Бруасье это требование пришлось, как видно, не по душе.

— Вы ведь знакомились с делом, господин председатель. Нужно ли еще об этом говорить?

— К сожалению, да. Присяжные не знакомились с делом. Итак, Бруасье, прошу вас!

Глубоко вздохнув, Эжен Бруасье поведал о самых невероятных курьезах ночной жизни заключенного:

— В Довиле, в «Голливуд-баре», я однажды встретил неожиданно секретаря уголовной полиции Флобера. Мы были знакомы в связи с некоторыми обстоятельствами моего последнего ареста.

— Флобер задержал свидетеля, когда тот последний раз ограбил меховой магазин, — коротко пояснил председательствующий.

— Да, можно сказать и так. В общем, встреча неприятно меня

поразила. Флобер, конечно, знал, что я отбываю наказание в Понл'Евэке, и я испугался, как бы у мосье Билла не вышло из-за меня неприятностей. Однако господин секретарь уголовной полиции посетил бар приватным порядком, а потому не задал мне никаких вопросов. Мы выпили несколько аперитивов и коктейлей и познакомились ближе уже просто по-человечески...

— И заключили сделку, не так ли, Бруасье?

— Не за первым коктейлем, но позднее.

— Флобер сделал вам какие-либо предложения?

— Да, позднее сделал...

— Он предложил вам взломать определенные магазины?

Бруасье, точно защищаясь, поднял руки.

— Прошу вас, господин председательствующий! О взломах здесь не может быть и речи. Я не хотел бы, чтобы вы представляли дело в таком свете. Я действовал по заданию полиции и даже под ее контролем. Мосье Флобер всегда был поблизости и следил, чтобы не возникали какие-либо неприятные неожиданности. А кроме того, я ничего не крал. Владельцы магазинов были обо всем предупреждены, так как сами они и давали мосье Флоберу эти поручения. И позднее они ведь почти целиком получали свои вещи назад.

Присяжные и публика, затаив дыхание, недоверчиво и изумленно глядели на Бруасье. Председательствующий был в курсе того, о чем говорилось, но попросил:

— Пожалуйста, Бруасье, объясните дамам и господам присяжным суть дела, они вас не понимают.

— С удовольствием, господин председатель. Причины были чисто хозяйственного порядка. Торговля в Довиле шла туго. С тех пор как иностранные туристы стали все чаще ездить не сюда, а в Италию, Грецию, фирмы терпели убытки. К тому же, когда я еще работал в городе по собственному почину, страховые премии за ущерб, нанесенный ограблениями, выросли на сто процентов. А после моего ареста владельцы фирм почти зря платили такие большие деньги за страховку — ограбления стали совсем редкими. И они обратились к господину Флоберу с просьбой позаботиться о новых ограблениях, что было бы самым быстрым и надежным способом увеличения товарооборота. Поэтому, неожиданно встретив меня, господин Флобер обрадовался. Дальнейшее вам известно: он указывал мне места, где надо было произвести взлом. Делал я все как положено, и у страховых обществ не возникало никаких подозрений. Изъятые товары мы свозили в служебном автомобиле на полицейский склад. Там они хранились, пока не выплачивалась страховка

и вся история не порастала травой. Затем фирмы получали назад свои товары и могли выбросить их на прилавок по пониженным ценам. За мою работу мосье Флобер платил мне примерно пятнадцать процентов стоимости вывезенных вещей... Сколько получал он сам?.. Об этом он меня, к сожалению, не информировал.

Бруасье мог быть доволен произведенным эффектом. В зале засмеялись, и председательствующему пришлось навести порядок, чтобы можно было продолжить допрос.

— Все эти обстоятельства, в сущности, побочные. Для нас, свидетель, важно лишь знать, сколько получал от вас или от Флобера подсудимый за то, что разрешал вам отсутствовать по ночам в тюрьме.

— Иногда я преподносил ему коробку сигар, но, конечно, не говорил о ее происхождении.

Фернан Билла в последнем слове сказал:

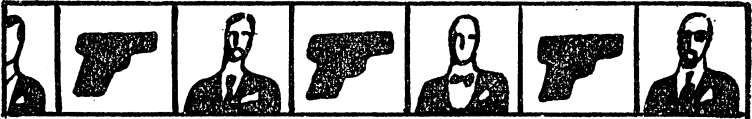
— Видите ли, господин председатель, может быть, я и был слишком мягок. Но вы должны все же признать, что мои методы обхождения с заключенными принесли некоторые плоды.

Суд присяжных приговорил Фернана Билла к трем годам лишения свободы и к 50 000 франков штрафа. Больше всего не повезло Билла в том, что наказание ему пришлось отбывать в тюрьме, от которой тюрьма в Пон-л'Евэке отличалась, как день от ночи.

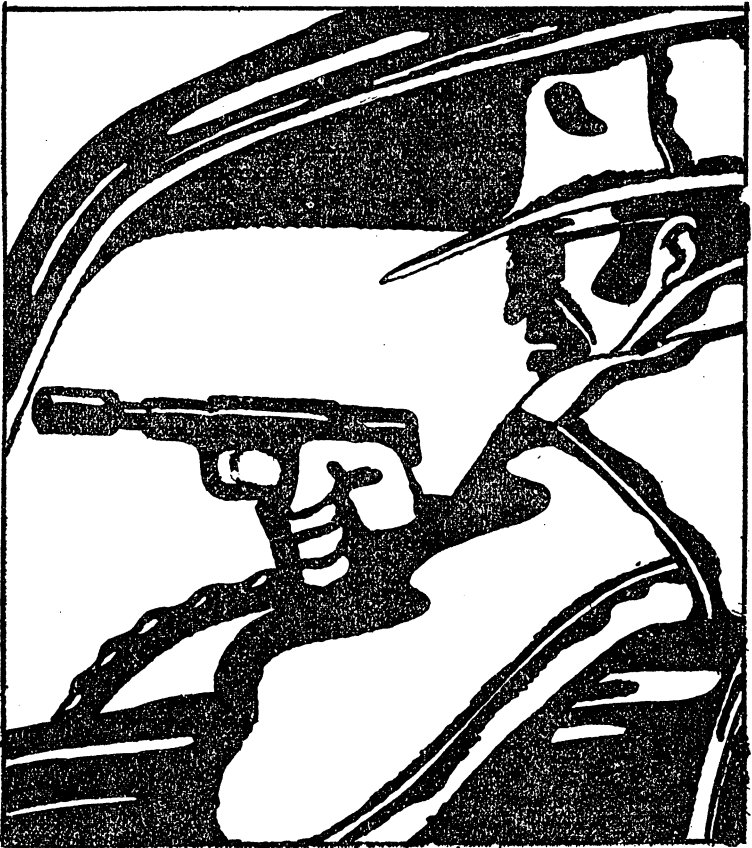
Сокращенный перевод с немецкого ТАТЬЯНЫ ГИНЗБУРГ.

Рис. О. ТЕСЛЕРА.

УИЛЬЯМ СЛЭТТЕРИ,
американский журналист

10000 ДОЛЛАРОВ ЗА ВЫСТРЕЛ

В США каждые 27 минут совершается убийство с помощью огнестрельного оружия. За день число жертв достигает 52, за год — 20 000 человек.

— **Я** прилетел поздно вечером и остановился в одной из недорогих гостиниц в деловой части города. На следующее утро в семь часов я взял напрокат машину и поехал к дому этого человека. К восьми приехал его телохранитель. Минут через сорок оба они вышли из дома и сели в машину. Я незаметно следовал за ними до самого офиса в центре города. На другой день, сменив из предосторожности машину, я опять поехал к его дому и остановился за полквартиры. Все было, как и накануне: в восемь появился телохранитель, а через сорок минут они выехали, следуя прежним маршрутом.

На третье утро я прибыл к его дому в обычное время, но останавливаться не стал, а медленно ездил вокруг квартала, пока этот человек с телохранителем не отправились к нему в контору. Примерно пятнадцать кварталов я «висел» у них «на хвосте». Потом, выбрав просвет в правом ряду, быстро перестроился, дал газ и поравнялся с ними. Когда впереди загорелся красный свет, их машина остановилась рядом, слева от моей.

На коленях у меня лежал револьвер тридцать восьмого калибра с глушителем. Я взял его левой рукой и протянул ее в открытое окно, одновременно взводя курок. Жертва находилась от меня на расстоянии не более двух с половиной футов. Когда же я вытянул руку, то дуло револьвера оказалось всего в трех дюймах от его уха. Я нажал на спусковой крючок. Выстрел в упор с силой отбросил жертву на телохранителя. Тот парень знал свое дело. Он выхватил револьвер, и в следующее мгновение черный зрачок оружия зловеще уставился на меня. Однако сразу же после выстрела, не меняя положения руки, я взвел курок. Когда телохранитель оттолкнул тело, чтобы прицелиться поточнее, он лишился единственного прикрытия. Именно этого я и ждал. Моя пуля вошла ему в переносицу.

В этот момент красный свет сменился зеленым, я отпустил сцепление и тронул машину. Вернувшись в гостиницу, я, не торопясь, собрал вещи, расплатился за номер и поехал в аэропорт. В ожидании рейса зашел в бар промочить горло. На цветном телевизионном экране в передаче новостей шли кадры с места убийства. Диктор рассказывал, что, по показаниям очевидцев, преступление было совершено двумя мужчинами в шляпах и темных очках, умчавшись на повенком синем «форде». Между тем я действовал в оди-

почку, ни очков, ни шляпы на мне не было, а стрелял я из зеленого «шевроле».

Смешивая коктейль, бармен все время косился на экран.

— Вот страсть-то,— прокомментировал он передачу.

— И не говорите,— согласился я.

Обратно я долетел без всяких происшествий.

Дом — профессиональный убийца. Этим он зарабатывает себе на жизнь с семнадцати лет. Сейчас ему сорок три. Его отец, дядя и старший брат тоже были наемными убийцами. Так сказать, семейная традиция. К сегодняшнему дню он отправил на тот свет 106 человек. Когда вы будете читать мой репортаж, к ним прибавятся еще одна или две жертвы. В среднем Дом убивает четыре раза в год и получает за каждое «дело» по 10 000 долларов — половину вперед, остальное по выполнении работы. Иногда ему возмещают расходы, а в редких случаях дается дополнительное вознаграждение. Как утверждают сам Дом и те, кто его нанимает, среди платных убийц в Соединенных Штатах ему нет равных.

Можно ли по внешнему виду, поведению или манере изъясняться определить, что Дом — гангстер? При всем желании — нет. К тому же он не принадлежит ни к какой шайке, и поэтому, если исходить строго из значения слова, не является бандитом. Для Дома этот момент особенно важен. Вообще же он выглядит, ведет себя и рассуждает, как любой преуспевающий нью-йоркский бизнесмен. Впрочем, и на самом деле Дом всего лишь предприниматель, хотя и занимающийся более чем своеобразным бизнесом. Большинство его друзей убеждено, что он связан с оптовой торговлей бакалейными товарами.

С какой бы точки зрения мы ни рассматривали повседневную жизнь Дома, она выглядит вполне «нормальной». У него мягкие манеры, хотя он и производит впечатление уверенного в себе человека. Друзья считают его не способным обидеть даже муху.

К насилию он относится так же, как и любой средний американец. Достаточно часто Дом ходит на бокс; когда есть время, с удовольствием смотрит еженедельные футбольные матчи; ни за что не ляжет спать, если по телевидению показывают хороший боевик или фильм ужасов. По мнению Дома, наиболее точно и захватывающе убийцу сыграл Ричард Уидмарк в «Поцелуе смерти»:

— Я сам встречал таких ребят, как Томми Юдоу (роль которого исполняет Уидмарк). Это — опасные и сумасшедшие люди. Они все кончают так же, как и Юдоу. Их убивают.

Единственное, что может вывести Дома из себя, так это оскорбле-

ние, связанное с его национальностью. Он — американец итальянского происхождения во втором поколении и страшно гордится этим. Правда, если его друзья случайно употребят в разговоре такие слова, как «итальяшка», «макаронник» или «даго»¹, ничего страшного не произойдет. Другое дело, если он сочтет, что их использовали специально для оскорбления. Тут уж Дом наверняка выйдет из себя. Впрочем, любовь, которую он питает к итальянцам, не распространяется на другие народы. Этот человек искренне не признает равенства между расами. Причем когда он говорит это, то прежде всего имеет в виду негров. Они встречаются и среди его «коллег», а кое-кто из них даже зарабатывает кучу денег. Но им не доверяют.

— Каждому известно, что они занимают этим, чтобы отомстить белым,— считает Дом.— И совершенно правильно, что обычно черным убийцам достается самая плохая работа, да и платят им меньше.

Родился Дом в 1928 году неподалеку от авеню Святой Анны в Бронксе². Его крестили в католической церкви, а позднее он ходил в приходскую школу. Учился Дом хорошо, причем в начальной школе был отличником, а в средней — среди первых учеников в классе. К тому же показывал неплохие результаты в спорте. Пожалуй, большую роль тут сыграл отец, который требовал от детей совершенства. Если сын приносил домой плохие отметки или не выказывал должного почтения к родителю, то получал жестокую трепку. Если Дом чем-нибудь обижал мать, его ждало еще более суровое наказание. Он боялся отца и все-таки любил его. По мнению Дома, его суровость нельзя назвать жестокостью. Ведь отец хотел, чтобы сын вырос уважаемым человеком, а таким можно стать только в том случае, если умеешь делать все, за что берешься, безукоризненно.

Итак, дед Дома, его отец, дядя и старший брат — все были профессиональными убийцами. Они считали свою работу «социально полезной», нужной и вполне нравственной. Конечно, они не ожидали, что и другие придерживаются их взглядов. Мать Дома знала, чем занимаются мужчины в их семье, и не одобряла этого. Из уважения к ней они никогда не говорили о том, что связано с работой, в ее присутствии. Другое дело, что отец Дома и дядя, требуя от ребят должного почтения к себе, одновременно внушали мальчикам уважение и к семейной профессии наемного убийцы. Дом специально подчеркивает, что ни его, ни брата никогда не прину-

¹ Даго — презрительное прозвище итальянцев.

² Бронкс — бедный квартал в Нью-Йорке.

ждали стать убийцами. Просто мужчины в их семье были бы довольны, если бы они пошли по их стопам: это свидетельствовало бы о том, что младшее поколение действительно почитает старших. Оба мальчика знали, что могут выбрать себе любую профессию и никто из старших не посмотрит на это косо.

Свое первое убийство Дом совершил вместе с братом в 1945 году, когда федеральное правительство с помощью различных полицейских служб Нью-Йорка приступило к искоренению организованной преступности в этом штате. Тут оно столкнулось с трудной проблемой, грозившей свести на нет все усилия: как заставить преступников давать показания против коллег. Чтобы разрешить ее, правительство вызвало в суд в качестве свидетелей ряд известных крупных рэкетиоров и предложило им юридическую неприкосновенность в обмен на необходимую информацию. Большинство гангстерских главарей отказалось от этой сделки. Но не все. Первой жертвой Дома как раз и был гангстер, согласившийся сотрудничать с полицией.

Дом вспоминает, как их долго и тщательно инструктировал дядя, который перед этим в течение недели следил за жертвой, изучая ее привычки и разрабатывая подробный план операции. Нужный им человек покидал свой дом в Бруклине каждое утро около 8.30. Убийство было назначено как раз на тот день, когда он должен был начать давать показания. Поскольку ему предварительно предстояло заехать в свою контору в Куинсе, чтобы взять документы, затребованные следователями, можно было предполагать, что он выйдет на несколько минут раньше.

Дядя описал подросткам машину гангстера. Они должны были поставить свой автомобиль неподалеку от нее, дожидаться, пока он поедет в суд, и следовать за ним до Белт Паркуэй. Там им следовало обогнать машину жертвы и резко затормозить. После этого Дому нужно было затеять с гангстером драку на тротуаре, а брату — подойти сзади и разрядить ему в спину револьвер.

Дом с братом приехали в Бруклин около шести утра, причем оба изрядно нервничали. Отыскав машину жертвы, они остановились в нескольких десятках метров позади нее и стали ждать. Подростки пытались отвлечься от мыслей о предстоящем деле, лихо радочно курили, то и дело прикладывались к термосу с кофе, пробовали слушать радио, но все это мало помогало. Наконец за несколько минут до 8.30 человек вышел из дома. Через 20 минут он был мертв, как и предусматривалось разработанным дядей планом.

К тому времени, когда Дом с братом вернулись домой, об убийстве уже передали по радио. Отец и дядя были довольны их ра-

ботой и похвалили подростков. Было только 10.30 утра, но все уселось за стол и выпили по стакану вина, чтобы отпраздновать их «боевое крещение». Когда отец вышел из комнаты, дядя принялся расспрашивать братьев о подробностях утренней работы. Затем стал объяснять допущенные ошибки.

Систематическое натаскивание со стороны опытных «специалистов» по части убийств продолжалось, пока Дому не исполнилось 25 лет. С этого времени он стал заключать контракты сам, а не через дядю, и самостоятельно планировать операции. Теперь никто не указывал ему на ошибки, предоставляя самому заботиться о себе. Профессионалы относились к Дому как к равному. По его словам, от убийства к убийству он продолжал постоянно совершенствовать свое «мастерство». Сейчас, когда их число перевалило за сотню, а количество избиений — за четыре десятка, он достиг подлинного «совершенства», о котором так заботился отец Дома.

Судьба была благосклонна к Дому. Он рассчитывает уйти на покой еще до того, как ему стукнет пятьдесят. В этом отношении сын счастливее отца, которого прикончили из мести в одной из междоусобных стычек гангстеров во времена существования подпольного концерна «Убийство инкорпорейтед». Зато Дом далеко отстал от брата-миллионера, сменившего профессию наемного убийцы на более почтенное занятие ростовщика в Детройте. Однако в целом, если принять во внимание все, этот человек живет счастливо и надеется прожить еще много лет. Единственное, что омрачает его существование, так это жуткие кошмары, которые раза два в месяц бывают у Дома. Причем это длится уже много лет. Он надеется, что после ухода на покой они прекратятся, хотя поручиться за это, конечно, не может.

Дом, человек, который не боится никого и ничего, испытывает ужас от этих снов. Когда у него бывают кошмары, он просыпается, дрожа, весь в холодном поту и просто боится опять уснуть. Если это все же случается, сон превращается в пытку. Поэтому Дом старается бодрствовать до самого утра. Для этого он делает зарядку, а потом смотрит телевизор или читает.

В кошмарах Дому является человек в темных очках, с револьвером, винтовкой или отрезком водопроводной трубы в руках. Страшнее всего — «винтовочные» сны, потому что отчетливо предстают ледящие кровь подробности смерти. Для того, чтобы описать их, нужно быть не журналистом, а старым, закаленным патологоанатомом, всю жизнь проработавшим в морге.

И все-таки хуже всего кошмары, где убийца орудует отрезком трубы. Это ужасно. Боже, как это ужасно!

Если Дом будет и далее придерживаться обычного графика, то убьет еще двадцать человек и искалечит четырех, прежде чем уйдет на покой. Он заработает около 200 000 долларов, хотя по крайней мере два ему придется работать бесплатно. За это время кошмары приснятся Дому 150 раз.

Р. С. Этот репортаж написан на основе четырех интервью, взятых у Дома в 1972 году и продолжавшихся целых 16 часов. По просьбе Дома и его брата тогда я не стал публиковать то, что написал. Убийства, о которых он рассказывал мне, достаточно хорошо известны в Штатах, и семьи жертв могли бы опознать его по «почерку». В этом случае дни Дома и его брата были бы сочтены — месть есть месть.

В июне 1974 года я получил конверт, в котором был второй экземпляр этого моего репортажа. К тексту была подколота коротенькая газетная заметка. В ней говорилось об автомобильной катастрофе, которая произошла на Среднем Западе в начале года. Машина с двумя итальянцами, их женами и детьми потеряла управление на скоростной автостраде, пересекла разделительную линию и врезалась во встречный грузовик. Пассажиры погибли. На первой странице машинописного текста было от руки написано: «Можно публиковать».

Сокращенный перевод с английского С. БАРСОВА.

Рис. И. УРМАНЧЕ.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗГИКА

ДУМ СМЕРТЯМ НЕ БЫВАТЬ

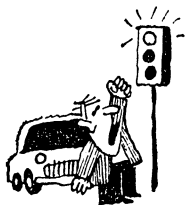
Совершенно необычный и практически невыполнимый приговор был вынесен городским судом Кливленда (штат Огайо, США). Двадцатилетний Ларри Кайзер дважды совершил разбойничье нападение и при этом убил двух человек. За двойное жестокое убийство он был приговорен к ДВОЙНОЙ смертной казни на электрическом стуле, причем оба приговора должны быть приведены в исполнение сразу один за другим. Судья обосновал это решение тем, что от одного смертного приговора подсудимого может избавить Верховный суд, тогда он просидел бы десять или больше лет в тюрьме и потом снова очутился на свободе. А второй смертный приговор Верховный суд отменить уже не может.

ЗА СЕМЕЙНЫЙ ОЧАГ

Жена одного взломщика вынуждена была предстать перед судом в австрийском городе Линце. Она всегда сопровождала мужа во время его ночных походов. Но обвинение в соучастии гордо отвергла: «Я ему никогда не помогала. Я следовала за ним только для того, чтобы он не ходил на свидания с другими женщинами».

СВЕТОФОРНЫЕ СТРАДАНИЯ

Чтобы уменьшить автомобильные заторы на улицах города, мэр Ноттингема (Англия) и его советники приняли необычное решение: все светофоры на подходе к центру города в течение десяти минут должны показывать красный сигнал и только на короткое время — зеленый. Они надеются таким образом убедить жителей пригородов, что в город лучше ездить поездом или автобусом, а не в собственном автомобиле.

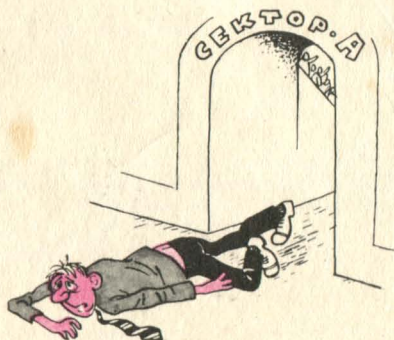
Силовой прием

Тройка нападения

На скамье штрафников

Вне игры

